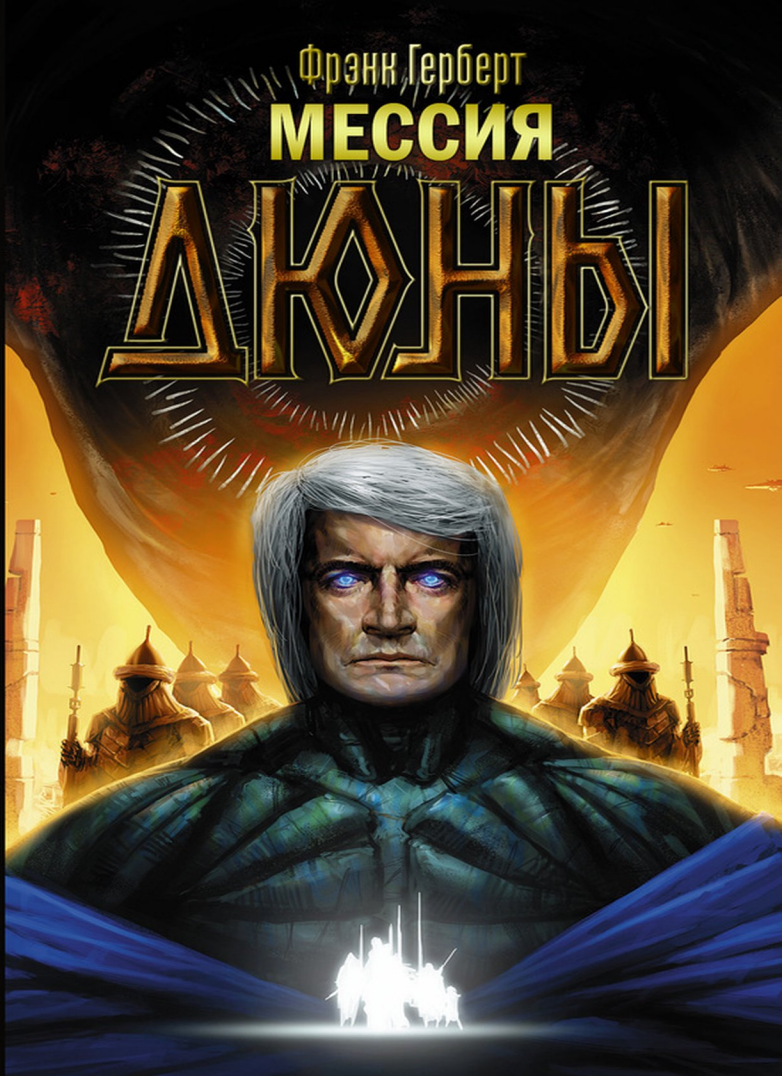
Фрэнк Герберт

МЕССИЯ ДЮНЫ



Мессия Дюны
Фрэнк Герберт

Аннотация
Фрэнк Герберт. Мессия Дюны

Аннотация

«Мессия Дюны» – вторая книга культового сериала Фрэнка Герберта. В стане недовольных политикой Пауля Атрейдеса, императора всей известной Вселенной, зреет заговор. Но как осуществить его, если император наделен провидческим даром?..

Фрэнк Герберт
Мессия Дюны

Frank Herbert
DUNE MESSIAH

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Frank Herbert, 1969
© Перевод. Ю. Соколов, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Пауль Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алия окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пауль Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случавшиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие... она посвящается их наследникам, – всем нам.

(Посвящение к Изречениям Муад'Диба, скопированное с Мемориальных таблиц Культа Духа Махди)

Время правления Муад'Диба породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них проти-

вились исступленному сектантству. Но нельзя отрицать — человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Паулем Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит — в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах — в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах — тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах» — пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского… этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом — миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Диба наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией — сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадом. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Диба раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Диба покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом — эту планету чаще называют Дюной — позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей… ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории — вещество, что противодействует времени. Нет меланжи — и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над человеческой психикой, над человеком. Нет меланжи — и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи — и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пауль Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Диба. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Диба. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы — трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Диба. И

забывают, что этим гхолой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пауля.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Диба мученика и возложить вину за это на Чани — фрименку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Диба

* * *

Между людьми и богами нет резкой грани: люди становятся богами, а боги превращаются в людей.

(«Афоризмы Муад'Диба»)

Затевая свой гибельный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диба на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного сопереживания, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

— Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, — именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам — Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных

одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс — очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой оказии. Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попыхивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

— Если мы решимся идти этим путем, глупость

погубит нас, — проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только *потенциальная* союзница. «Принцесса Ирулан, жена — *всего лишь официально,* — напомнил себе Скитале, — их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски. Держалась она с надменностью, как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям — к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? — раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдиера нервозность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам

открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика… впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, *припасено для меня*?

— А вам, Скитале, разве нечего сказать? — удивилась Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? — спросил Скитале. — Отлично. Мы имеем дело с мессией… потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

— Вы видите опасность лишь в этом? — требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Об-

лик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

— Ну? — настаивала Преподобная Мать.

— Считайте, что молчание доставляло мне удовольствие, — произнес Скитале. — Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил возможности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима — он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

— Яд! — Слово это он произнес с обертонами, обозначавшими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над

головой Ирулан, послышался его голос:

— Но мы ведь говорим о *психическом* яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное изничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сузившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

— Немедленно прекратите! — резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

— И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, — начал Скитале, — что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стылые холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, — подумал Скитале. — Хорошо. Ирулан — дело другое…»

— Так вы с нами, Скитале, или же нет? — спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

— Дело не во мне и не в моем участии, — произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. — Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

— И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицеделом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, — подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею… и еще пьет ее», — подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно — Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение — привычный костыль навигатора.

— Похоже, я напрасно прилетела сюда, — произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища… посреди клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях — нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невесомость.

— Принцесса, — произнес Скитале, — Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

— Надеемся, — подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

— Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

— Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напря-

женным вниманием прощупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

— Нет, Преподобная Мать, — вкрадчиво сказал Скитале, — я не столь прост, как мое обличье.

— Мы не понимаем природы второго зрения, — произнесла Ирулан. — Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

— Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, — проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. — Я знаю, где они были… тут… там… где-нибудь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих друзей от других провидцев.

— Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, — отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

— Но всем понятно, что заговор может состо-

яться только в моем присутствии, — настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов, Ирулан произнесла:

— Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что от навигатора много не получишь, подумал Скитале.

— Будущее можно изменить, — сказал он, — не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедела.

— Люди, преданные Паулю и разделяющие его цели, — проговорила она, — фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, *что предстала перед судом, и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.*

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал странную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими

бы подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

— А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, — заметил Эдрик.

— Кто же не знает этого? — возразила Ирулан.

— Вам хотелось бы основать новую династию, — продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. — Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

— Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? — отпарировала Ирулан.

— Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, — отрезал Эдрик.

— Но она никак не может родить ему наследника, — возразила Ирулан.

— Рассудок всегда покоряется эмоциям, — пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

— И она не принесет ему наследника, — с вы-

веренным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, — потому что в пищу ей тайно подмешивают противозачаточное средство. В чем я еще должна признаться перед вами?

— Безусловно, Императору лучше не знать об этом, — улыбнувшись, промолвил Эдрик.

— Ну, для него у меня давно заготовлена вполне правдоподобная ложь, — произнесла Ирулан. — Хотя он и чувствует истину, но бывает такая ложь, которой даже ясновидец поверит легче, чем правде.

— Принцесса, вам приходится выбирать, — произнес Скитале, — и если вы поймете наши мотивы, вам станет спокойнее.

— Пауль справедлив ко мне, — отвечала она, — я заседаю в его совете.

— И все-таки за те двенадцать лет, что вы пробыли его консорт-принцессой, — ни крохи тепла… — снова кольнул Эдрик.

Ирулан затрясла головой.

— Он низверг с трона вашего отца руками своей пресловутой фрименской орды, заставил вас выйти за себя замуж — только чтобы закрепить за собой трон, — но так и не увенчал вас короной императрицы.

— Принцесса, Эдрик пытается поймать вас на

эмоциях, — произнес Скитале, — не правда ли, интересно?

На круглой физиономии лицедела она заметила дерзкую улыбку и в ответ удивленно подняла брови. Теперь — Скитале был убежден в этом — принцесса вполне уверилась в том, что, если она поддастся на уговоры Эдрика, тот своей пророческой силой укроет ее от ясновидения Пауля. Однако стоит ей повременить с согласием…

— А вам не кажется, принцесса, что Эдрик стремится сыграть в заговоре уж слишком большую роль?

— Но я ведь говорил уже, что соглашусь с любой разумной точкой зрения, если таковые будут здесь высказаны.

— И кто же будет оценивать? — скептически осведомился Скитале.

— Не хотите же вы, чтобы принцесса улетела обратно, так и не присоединившись к нам, — буркнул Эдрик.

— Он хочет, чтобы ее присоединение к нам было искренним, — проворчала Преподобная Мать. — И в наших взаимоотношениях нам следовало бы воздержаться от интриг.

Ирулан, заметил Скитале, приняла внешне расслабленную, удобную для размышления позу,

убрала руки в рукава платья. Наверняка обдумывает предложенную Эриком приманку: стать основательницей династии. К тому же следует поразмыслить над тем, как заговорщики собираются обезопасить себя от нее. Ирулан предстоит взвесить многое.

— Скитале, — наконец проговорила Ирулан, — говорят, что у вас, тлейлаксу, странный кодекс чести: вы всегда оставляете своим жертвам возможность спастись.

— Да, если только они сумеют ее обнаружить, — согласился Скитале.

— А я тоже жертва? — спросила Ирулан.

Скитале коротко хохотнул.

Преподобная Мать фыркнула.

— Принцесса, — негромко, доверительным тоном, сказал Скитале, — но вы и так уже с нами. Разве это не вы доносите старшим сестрам Ордена обо всем происходящем в Императорском дворце?

— Паулю известно, что я переписываюсь со своими учителями, — отвечала она.

— Но разве не вы поставляете им материалы для пропаганды против вашего Императора? — произнес Эдрик.

Не «нашего», подумал Скитале, — *«вашего» Им-*

ператора. Ирулан слишком опытная гессеритка, чтобы не заметить подобной оговорки.

— Все дело в существующих силах и в их приложении, — проговорил Скитале, пододвигаясь поближе к емкости, где плавал гильдиец. — Мы, тлейлаксу, уверены, что во всей Вселенной есть только ненасытная алчущая материя, а энергия — единственное, на что можно положиться. И она обучается. Вы слышали мои слова, принцесса: энергия обучается. Это мы и называем силой.

— Но вы не убедили меня в том, что мы сумеем победить Императора.

— Мы даже и себя самих не убедили в этом, — отвечал Скитале.

— Куда ни посмотришь, — отвечала Ирулан, — всюду сила его противостоит нам. Он — Квисатц Хадерах, тот, кто присутствует одновременно во многих местах. Он — Махди, и его желания превращаются в закон для послушных миссионеров Квизарата. Он — ментат, чьи возможности превосходят величайшие достижения древних компьютеров. Он — Муад'Диб, по одному слову которого легионы фрименов вырезают население целых планет. Он — пророк, перед которым открыто грядущее. Он — обладатель того уникального набора генов, в котором так нуждается

Бене Гессерит…

— Все эти его атрибуты мы знаем, — перебила ее Преподобная Мать, — знаем еще, что таким же набором генов обладает и его отвратительная сестрица Алия. Но оба они все-таки люди. А это значит, что у них есть слабости.

— Каковы же человеческие слабости Императора и пророка? — спросил лицедел. — Не таятся ли они в религиозной сути джихада? Можно ли обратить против Императора его Квизарат? И прочна ли гражданская власть Великих Домов? Способен ли конгресс Ландсраада на большее чем пустой шум?

— Вспомните о Картеле негоциантов и перевозчиков товаров, — произнес Эдрик, поворачиваясь в баке. — КООАМ — это бизнес, а бизнес там, где выгода.

— Не следует забывать и о матери Императора, — напомнил Скитале. — Насколько мне известно, леди Джессика не отлучается с Каладана, но часто сносится со своим сыном.

— Предательница, — ровным голосом произнесла Мохийам, — если бы только можно было отказаться от этих рук, которыми я выпестовала ее…

— Наш заговор предъявляет к участникам стро-

гие требования, — сказал Скитале.

— Ну, все мы больше чем заговорщики, — возразила Преподобная Мать.

— О да, — согласился Скитале. — Еще бы, мы полны энергии и учимся на ходу. Это делает нас единственной надеждой человечества, его спасителями, — проговорил он в тоне абсолютной убежденности, что в устах тлейлаксу являлось предельной насмешкой.

Только одна Преподобная Мать оценила языковую тонкость.

— Почему же? — спросила она, обращаясь к Скитале.

Прежде чем лицедел успел ответить, Эдрик прочистил горло и произнес:

— Зачем заниматься сейчас философской чепухой? Любой вопрос, если достаточно долго докапываться до сути, сводится к одному и тому же: «Почему это происходит?» Политика, религия и торговля сходятся в конце концов к одному: в чьих руках сила. Альянсы, картели, союзы лишь гоняются за миражами, пока речь не идет о власти. Все прочее — ерунда, как должно быть ясно любому мыслящему существу.

Скитале пожал плечами: жест предназначался одной Преподобной Матери. На вопрос ответил

Эдрик. Похоже, напыщенный дурак гильдиец — слабое звено в заговоре. Чтобы убедиться, что Преподобная Мать понимает это, Скитале проговорил:

— Внимательно слушая учителя, приобретаешь познания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

— Принцесса, — с нажимом сказал Эдрик. — Выбирайте. Судьба назначила вас своим орудием, тончайшим и…

— Приберегите свою лесть для тех, на кого она сможет подействовать, — ответила Ирулан. — Вы упоминали психическую отраву, призрак которой сокрушит Императора. Объясните.

— Атрейдес победит сам себя! — прокаркал Эдрик.

— Хватит загадок, — отрезала Ирулан. — Что еще за призрак?

— Для призрака у него весьма необычный облик, — ответил Эдрик, — он обладает именем и плотью. Тело его некогда принадлежало знаменитому воину и откликалось на имя Дункан Айдахо. Теперь же его…

— Айдахо мертв, — отвечала Ирулан. — Пауль часто горевал по нему в моем присутствии. Он сам видел, как сардаукары моего отца сразили

Айдахо…

— Даже терпя неудачи, — возразил Эдрик, — сардаукары вашего отца не теряли головы. Представим себе, что один из их командиров узнал погибшего и потому поступил мудро. Что он мог сделать? Есть способы использования тел, обладающих такими воинскими умениями, если только действовать быстро.

— Значит, это гхола тлейлаксу, — прошептала Ирулан, искоса поглядев на Скитале.

Почувствовав на себе ее взгляд, Скитале обратился к своему искусству лицедела — очертания лица и фигуры его вдруг расплылись, плоть потекла, принимая новый облик. Перед принцессой вдруг оказался худощавый мужчина, круглолицый, со слегка приплюснутыми чертами лица. Высокие скулы словно подпирали слегка раскосые глаза, черные волосы были взъерошены.

— Таков облик этого гхолы, — пояснил всем Эдрик, показывая на Скитале.

— То есть он — просто еще один лицедел? — спросила Ирулан.

— Подобное лицеделам не по силам — они не могут длительно сохранять принятый облик. Нет, предположим лучше, что наш сообразительный командир сардаукаров подготовил труп Айдахо

для аксолотль-баков. Разве это нецелесообразно? Ведь эти плоть и нервы принадлежали одному из лучших фехтовальщиков в истории человечества, советнику Атрейдесов и военному гению. Не правда ли — потеря, ведь все это можно сохранить и использовать, если воссоздать Айдахо в качестве инструктора сардаукаров.

— Но я ничего не слышала об этом, а ведь я была среди тех, кому отец доверял.

— Ах-хх… тогда принцесса была молода, и отец ее, потерпев поражение, буквально через несколько часов продал свою дочь победителю — вами пришлось расплатиться с новым Императором, — произнес Эдрик.

— Это — с телом — и впрямь было сделано? — резко спросила она.

С мерзким самодовольством Эдрик продолжал:

— Предположим далее, что наш мудрый командир сардаукаров, понимая необходимость спешить, немедленно отослал Бене Тлейлаксу сохраненное тело Айдахо. Далее предположим, что и командир, и его люди погибли прежде, чем успели доложить обо всем вашему отцу, который все равно не смог бы этим воспользоваться. И факт остался незамеченным, ведь труп Айдахо — только плоть, оказавшаяся в руках

тлейлаксу. Переправить же его можно было только на лайнере. А мы, гильдийцы, всегда знаем, что перевозят на наших кораблях. И раз мы узнали об этом, разве не следовало и нам проявлять мудрость — приобрести этого гхолу для подарка Императору?

— Вы, конечно, так и поступили, — утвердительным тоном сказала Ирулан.

Скитале вновь принял вид простодушного толстяка и добавил:

— Да, мы поступили так, как сообщил сейчас наш старинный друг.

— Какой психологической обработке был подвергнут Айдахо? — спросила Ирулан.

— Айдахо? — переспросил Эдрик, поглядев на тлейлаксу. — Скитале, разве мы покупали у вас Айдахо?

— Мы продали вам существо по имени Хейт, — ответил Скитале.

— Действительно, Хейт, — подтвердил Эдрик. — А почему вы его продали нам?

— Потому что однажды нам случилось вырастить своего собственного Квисатц Хадераха, — проговорил Скитале.

Быстро повернув голову, Преподобная Мать укоризненно поглядела на него.

— Вы не говорили нам об этом.

— А вы и не спрашивали, — отвечал Скитале.

— И как вы одолели этого вашего Квисатц Хадераха? — спросила Ирулан.

— Существо, затратившее всю жизнь, чтобы воплотить собственное представление о себе, скорее предпочтет умереть, чем превратиться в собственную противоположность.

— Я не понимаю… — начал Эдрик.

— Он покончил с собой, — буркнула Преподобная.

— Внимательнее слушайте меня, Преподобная, — предупредил Скитале, воспользовавшись интонацией, гласящей: ты не объект для секса, никогда не была объектом для секса, не можешь быть объектом для секса.

Тлейлаксу ожидал реакции на вызывающий тон. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев не должен помешать ей понять, что, зная отношение Сестер к продолжению рода человеческого и его генетике, тлейлаксу, конечно же, не мог сделать подобного выпада. Однако дерзость его отдавала площадной бранью, что вовсе не свойственно тлейлаксу.

Поспешно используя успокоительные возможности мирабхаса, Эдрик попытался сгладить

ситуацию:

— Скитале, вы ведь говорили нам, что продали Хейта только потому, что разделяли наши намерения.

— Эдрик, помолчите, пока я не разрешу вам говорить, — сказал Скитале. А когда гильдиец начал было протестовать, Преподобная Мать отрезала:

— Заткнитесь, Эдрик!

Эдрик отодвинулся в глубь емкости, нервно дергая конечностями.

— Никакие наши преходящие эмоции не имеют даже малейшего отношения к решению насущной проблемы, — произнес Скитале, — они только мешают мыслить. Что можем испытывать мы, кроме страха, который, собственно, и заставил нас собраться?

— Мы понимаем это, — отвечала Ирулан, оглядываясь на Преподобную Мать.

— И все мы должны понимать опасность, связанную с ограниченностью нашей защиты, — проговорил Скитале. — Оракул не может предотвратить того, что выше его понимания.

— А вы предусмотрительны, Скитале, — произнесла Ирулан.

Нельзя, чтобы она догадалась, насколько преду-

смотрителен… подумал Скитале. *Потом, когда все закончится, в нашем распоряжении окажется Квисатц Хадерах, которого можно будет контролировать. Все прочие ничего не получат.*

— Откуда же у вас взялся Квисатц Хадерах? — спросила Преподобная Мать.

— Мы экспериментировали с разнообразными чистыми субстанциями, — отвечал Скитале. — С абсолютным добром и злом. Полный негодяй, получающий наслаждение только от причиняемой им людям боли и ужаса, может послужить любопытным объектом для познания.

— А ваши тлейлаксу случайно не поработали над старым бароном Харконненом, дедом Императора? — спросила Ирулан.

— Мы тут ни при чем, — отрезал Скитале. — Просто творения самой природы зачастую не менее смертоносны, чем наши. Собственные произведения мы помещаем в условия, в которых их удобно изучать.

— Я не позволю третировать себя! — запротестовал Эдрик. — Разве не я защищаю это сборище от…

— Видите? — перебил его Скитале. — И это его верные суждения нас укрывают? Хотелось бы знать, какие…

— Я хочу немедленно обсудить способ передачи Хейта Императору, — настаивал Эдрик. — На мой взгляд, Хейт является воплощением старого морального кодекса, который Атрейдес усвоил еще в юности на своей родной планете. Можно предположить, что Хейт позволит Императору расширить свой взгляд на мораль, очертить и положительные, и отрицательные моменты в религии и жизни.

Скитале улыбнулся, окинув компаньонов благодушным взглядом. Все шло в соответствии с его ожиданиями. Старуха Преподобная орудовала эмоциями, как ятаганом. Ирулан идеально подходила для своей несостоявшейся роли — неудачливая креатура Бене Гессерит. Эдрик — всего лишь шапка-невидимка, не более: он только скрывает собравшихся от Императора. Теперь навигатор лишь угрюмо молчал в ответ на общее невнимание.

— Так, значит, этот Хейт должен отравить психику Пауля? — спросила Ирулан.

— Примерно так, — ответил Скитале.

— А Квизарат?

— Легкий перенос ударения, наплыв эмоций — и зависть превращается во вражду.

— А КООАМ?

— Будут кругленькие дивиденды.

— А для прочих группировок?

— Одна из них получит название правительства, — ответил Скитале. — Слабейшие будут аннексированы во имя морали и прогресса. Оппозиция умрет в собственных сетях.

— И Алия?

— Гхола Хейт нацелен не только на Императора, — произнес Скитале, — сестра его теперь как раз в том самом возрасте, когда ее может увлечь обаятельный мужчина, специально для этого подготовленный. Мужество воина и разум ментата будут неотразимы для Алии.

Мохийам позволила себе приоткрыть древние глаза в знак изумления.

— Гхола-ментат? Это опасно!

— Чтобы получить точные результаты, ментат должен использовать безукоризненные исходные данные. А что, если Пауль попросит у гхолы объяснений… что скажет Хейт о цели нашего дара? — произнесла Ирулан.

— Хейт будет говорить правду, — сказал Скитале, — это все равно ничего не изменит.

— То есть вы оставляете Паулю лазейку для спасения? — спросила Ирулан.

— Ментат! — пробормотала Мохийам.

Скитале глядел на Преподобную Мать, ощущая таящуюся под всеми эмоциями древнюю ненависть. Со времен Джихада Слуг, который стер думающие машины с лица Вселенной, компьютеры пользовались недоверием. Издревле подобное отношение переносилось и на компьютеры в человеческом облике.

— Мне не нравится, как ты улыбаешься, — резко произнесла с интонацией предельной откровенности Мохийам, яростно глядя на Скитале.

Скитале ответил в той же манере:

— Мне дела нет до того, что приятно вам. Но мы вынуждены сотрудничать. Это очевидно. — Он поглядел на гильдийца. — Разве не так, Эдрик?

— Ты преподаешь болезненные уроки, — отвечал Эдрик. — Должно быть, ты хотел дать всем понять, что я не стану восставать против общего мнения моих собратьев по заговору.

— Ну, видите, оказывается, его можно научить, — произнес Скитале.

— Но я понимаю и еще кое-что, — проворчал Эдрик. — Атрейдес монопольно владеет Пряностью. Без нее я не могу заглянуть в будущее. И Бене Гессерит не сумеют отличить правду от лжи. У всех есть запасы, но они тают… Меланжа — драгоценнейшая из монет.

— Ну, у нашей цивилизации она не единственная, — отвечал Скитале. — Или закон спроса и предложения перестал работать?

— Ты собираешься украсть эту тайну, — прохрипела Мохийам. — А ведь в его распоряжении планета, охраняемая обезумевшими фрименами!

— Фримены дисциплинированны, вымуштрованы и невежественны, — отвечал Скитале. — Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знание опасно.

— Ну а мне-то что останется? Смогу я дать начало новой династии? — спросила Ирулан.

В ее голосе все услышали согласие, но только Эдрик позволил себе улыбнуться.

— Что-нибудь да останется, — ответил Скитале. — Что-нибудь.

— Правлению Атрейдесов придет конец, — бросил Эдрик.

— Не могу не отметить, что ваше предсказание сделано лицом, куда менее одаренным пророческими способностями, чем Император, — произнес Скитале. — У них с сестрой, как говорят фримены, «мектуб ал-миллах».

— «Слова начертаны солью», — перевела Иру-

лан.

И при звуках ее голоса Скитале понял, какую западню Бене Гессерит уготовили ему — прекрасную и умную женщину, которой он никогда не сможет обладать. *Ну, что же,* подумал он. *Быть может, я когда-нибудь сниму с нее копию...*

* * *

Каждой цивилизации приходится противодействовать лишенной рассудка силе, способной противиться любому сознательному намерению общества, восстать против него и обмануть.

(Теорема тлейлаксу; не доказанная)

Сев на кровати, Пауль принялся расстегивать Пустынные сапоги. Они припахивали затхлой смазкой, облегчавшей действие пяточных насосов. Было уже поздно. Этой ночью он затянул прогулку и обеспокоил любящих его. По общему мнению, ночные гуляния были опасны, но с подобными опасностями справиться было легко. Пауля ночные скитания инкогнито по улицам Арракина развлекали.

Он забросил сапоги в угол под единственный в комнате плавающий светильник и принялся за уплотнения дистикомба. Боги внизу, как он устал! Усталость сковывала мышцы, но только не ум. Повседневная суета за стенами цитадели наполняла его глубочайшей завистью. Что в этом безликом копошении жизни может заинтересовать Императора, но… сама возможность пройтись по улицам города, не привлекая ничьего внимания, казалась теперь ему подлинной привилегией. Проходить мимо галдящих палом-

ников, слышать, как фримен костерит продавца: «У тебя потные руки!..»

Улыбнувшись воспоминанию, Пауль выскользнул из дистикомба. Оставшись нагим, он ощущал странное родство со своим миром. Дюна теперь стала олицетворенным парадоксом: миром осажденным и одновременно средоточием власти. Впрочем, вечная осада, рассудил Пауль, — неизбежная участь любой власти. Он глядел на зеленый ковер, грубая шерсть колола ступни.

Улицы по щиколотку засыпал песком ветер, задувавший поверх Барьерной Стены. Ноги идущих толкли песок в мелкую пыль, забивавшую фильтры дистикомба. Запах ее чувствовался даже теперь, после вентиляторов, сдувавших пыль с входящих в порталы его цитадели. Кремнистый запах навевал воспоминания о Пустыне.

Другие времена… другие опасности.

Если сравнить с прежними днями, нынешние ночные прогулки его были вполне безопасными, но вместе с дистикомбом он словно облачался в саму Пустыню. Костюм этот со всеми хитроумными устройствами для сохранения влаги до тонкостей контролировал его мысли, возвращал движениям Пустынный ритм, точнее, отсутствие ритма. Пауль ощущал себя вольным фрименом.

В этом костюме он становился чужаком в собственном городе. Надев его, Пауль отказывался от безопасности дворца и брал на вооружение прежние привычки и мастерство бойца. Паломники и горожане, проходя мимо, опускали глаза: «диких» не задевали из чистого благоразумия. Если у Пустыни было лицо, то для горожан это было лицо фримена, скрытое за лицевым и носовым фильтрами.

На самом же деле опасаться приходилось лишь встречи с теми, кто еще по старым временам, с дней, когда он сам жил в сиетче, может узнать его по походке, по запаху тела или по глазам. Так что вероятность встретить врага была невелика.

Шелест дверных занавесей и внезапный луч света прервали его размышления. Вошла Чани, в руках ее был кофейный сервиз на платиновом блюде. За ней услужливо следовали два плавающих шара-светильника, они сразу же метнулись на положенные места: один в изголовье их постели, другой повис над головой Чани, чтобы освещать ей работу.

В движениях Чани ощущалась неподвластная возрасту сила, хрупкая, замкнутая в себе и ранимая. Хлопоты ее над кофейным сервизом напомнили Паулю первые дни их совместной

жизни. Смуглый эльф, которого пощадили годы… если, конечно, не обращать внимания на уголки лишенных белков глаз: такие морщинки фримены Пустыни именовали «следами песчинок».

Едва она приподняла крышку кофейника за ручку, выточенную из хагарского изумруда, как оттуда вырвалось облако пара. Кофе еще не был готов, он понял это по движению, которым она опустила крышку. Серебряный кофейник — округлая фигурка беременной женщины — достался Паулю как гханима, трофей. Когда он сразил его обладателя в поединке. Джамис — так его звали… Да, Джамис. Странное бессмертие заслужил этот фримен своей смертью. Или же он понимал, что смерть неизбежна, и стремился именно к такому концу?..

Чани расставила чашки синего фарфора, прислугой рассевшиеся вокруг величественного кофейника. Их было три: для них обоих, а третья — всем прежним владельцам.

— Вот-вот заварится, — произнесла она.

Чани подняла на него глаза, и Пауль вдруг подумал: каким-то он видится ей? Не останется ли он по-прежнему экзотическим чужаком?

…Пусть тело его жилисто, как и положено жителям Пустыни, но все-таки воды в нем больше,

чем подобает фримену. Был ли он еще для нее тем Усулом — так его назвало племя, — который взял ее по законам фрименского тау, пока они еще скрывались в Пустыне?

Пауль посмотрел на свое тело: твердые мышцы, ни жиринки… прибавилось несколько шрамов — в общем, таким он и был двенадцать лет назад, когда стал Императором. Глянув в стоящее на полке зеркало, он увидел себя — «глаза Ибада», синие-на-синем глаза фримена, знак привыкания к Пряности, и крючковатый фамильный нос Атрейдесов. Истинный внучек родного деда, погибшего на арене для развлечения подданных.

Паулю припомнилась одна из фраз старика: «Правитель, как и пастух, полностью отвечает за покорившихся ему. Когда-нибудь от него потребуется жест, выражающий самозабвенную любовь к своему стаду. Даже если он только насмешит весь народ».

Люди до сих пор с теплым чувством вспоминали о нем.

А чем я прославил имя Атрейдесов? — спросил себя Пауль. *Напустил на овец волка?*

На миг ему представился весь разгул кровавого насилия, творящегося его именем.

— И живо в постель! — властно скомандовала

Чани абсолютно немыслимым, с точки зрения его верноподданных, тоном, доведись им услышать эти слова.

Он покорно растянулся на спине, подложив руки под голову, завороженный привычными движениями Чани.

Его вдруг поразила сама их комната. Подданные никогда не признали бы в ней Императорскую опочивальню. Желтый свет колеблющихся в силовом поле светильников шевелил тени разноцветных стеклянных кувшинов, расставленных Чани на полке. Пауль молча припоминал их содержимое: сухие ингредиенты Пустынных лекарств, мази, благовония, памятные, священные для них мелочи: щепотка песка из сиетча Табр, локон их первенца, погибшего так давно… уже двенадцать лет назад. Невинная жертва, подвернувшаяся под руку убийцам в битве, сделавшей его Императором.

Густой аромат кофе с Пряностью поплыл по комнате. Пауль глубоко вдохнул, взгляд его упал на желтую чашу, стоявшую возле подноса, на котором Чани заваривала кофе. В ней были земляные орешки. Неизбежный ядоискатель водил над столом своими суставчатыми лапками. Вид аппарата пробудил в нем раздражение. Тогда,

в Пустыне, фримены прекрасно обходились без него!

— Кофе готов! — воскликнула Чани. — Ты голоден?

Сердитое отрицание утонуло в визге лихтера, уносящего Пряность в космос с недалекого Арракинского космодрома.

Чани видела, что он сердится, но все же разлила кофе и поставила чашку возле его руки. Она уселась в ногах постели, откинула покрывало и принялась растирать его ступни, утомленные ходьбой в дистикомбе. Негромко, с обманчивой непринужденностью, она начала:

— А теперь поговорим о ребенке, которого добивается Ирулан.

Глаза Пауля широко открылись. Он внимательно поглядел на Чани.

— Ирулан вернулась с Валлаха только два дня назад, — сказал он. — И уже успела у тебя побывать?

— Мы разговаривали не об ее обидах, — ответила Чани.

В мгновенной вспышке, способом Бене Гессерит, которому мать научила его, пренебрегая запретами Ордена, Пауль заставил свой разум обследовать Чани. Он не любил применять эти

методы. Причина его привязанности к Чани частично крылась и в этом: ему редко приходилось в отношениях с ней прибегать к этому утомительному искусству. В соответствии с правилами хорошего тона, принятыми среди фременов, Чани всегда избегала нескромных вопросов. Ее интересовали практические предметы. Например, факты, касающиеся положения ее мужчины: надежна ли опора в совете, лояльны ли его легионы, на что способны союзники и чего от них ожидать. В памяти ее укладывались длиннейшие перечни имен и сложно переплетенных подробностей. Она могла мгновенно назвать главную слабость любого известного ей врага, возможные действия всех известных противников, боевые планы их предводителей, оснащение и производительность основных отраслей промышленности.

Так почему же, подумал Пауль, она завела разговор про Ирулан?

— Я расстроила тебя, — сказала Чани, — я не хотела.

— А чего ты хотела?

Она застенчиво улыбнулась и проговорила:

— Когда сердишься, милый, не скрывай этого.

Пауль вновь привалился к деревянному изго-

ловью.

— Так ты считаешь, что мне следует удалить ее от себя? — спросил он. — Теперь от нее немного пользы. И мне вовсе не нравится все, что кроется за этими поездками к Сестрам.

— Ее нельзя удалять, — ответила Чани, продолжая растирать его ноги, и деловито добавила: — Ты столько раз говорил, что она позволяет тебе поддерживать контакт с врагами, что их планы ты читаешь по ее поступкам.

— Откуда твоя заинтересованность в ее желании забеременеть?

— Если подобное произойдет, планы врагов расстроятся, и сама Ирулан окажется в неловком положении.

По прикосновению ее рук он почувствовал, чего стоят ей эти советы. В горле набух комок. Он тихо сказал:

— Чани, родная, я поклялся тебе, что не взойду на ее ложе. Ребенок даст ей слишком много власти. Или ты добиваешься, чтобы она сместила тебя?

— Откуда? У меня нет места!

— Да нет же, Сихайя, весна моя Пустынная. Откуда эта внезапная забота об Ирулан?

— Забота моя о тебе, не о ней! Если она понесет

потомка Атрейдесов, сообщники усомнятся в ее искренности. Чем менее наши враги будут доверять ей, тем меньше пользы им от нее будет.

— Рождение ее ребенка может означать твою смерть, — возразил Пауль. — Сама знаешь все эти интриги. — Он обвел рукой утонувшую в недрах цитадели комнату.

— У тебя должен быть наследник, — глухо произнесла она.

— Ах-х!.. — протянул он.

Так вот оно что: раз у Чани нет детей, следует привлечь другую женщину. Почему бы тогда не Ирулан? Вот и весь ход размышлений Чани. Но все должно совершиться в результате акта любви, на всякие искусственные методы в империи наложено было строжайшее табу. Решение Чани — решение истинной фременки.

Пауль по-новому увидел ее лицо. Он и так знал черты Чани лучше, чем свои собственные. Он видел ее и горящей страстью, и в покое сна, знал в гневе, в страхе, в горе.

Он закрыл глаза, и Чани вновь представилась ему девушкой — весна пробуждающаяся, ручейком журчащая возле него. Вдруг припомнившееся обаяние ее юности заворожило его. Ему предвиделась эта улыбка — сперва застенчивая,

а потом тревожная, — словно она старалась вырваться из его видения.

Рот Пауля вдруг пересох. На миг ноздрей его коснулся дым пожарища, что ждет впереди. Внутренний голос из какого-то другого видения все твердил ему: *освободись… освободись… освободись…* Слишком долго подсматривал ты тайны вечности, внимал голосам камней и чужой плоти. С того самого дня, когда Пауль впервые ощутил собственное ужасное предназначение, он вглядывался в будущее, искал в нем мирный уголок для себя.

Такой путь существовал, конечно… Он был уверен в этом, хоть и не понимал его сути — загадочное будущее, недвусмысленно требовавшее от него одного: *освободись, освободись, освободись!*

Открыв глаза, Пауль увидел перед собой решительное лицо Чани. Она перестала растирать ему ноги и застыла неподвижно — истинная фрименка. Родное лицо под синей косынкой нежони, она часто носила ее в их личных покоях. Теперь оно воплощало решительность, древние мысли… чуждые мысли. Тысячелетиями фрименские женщины привыкали делить своего мужчину с другими — пусть не всегда мирно, но по крайней мере без губительных последствий. Сейчас этот

таинственный фрименский процесс происходил в Чани.

— Истинного и желанного мне наследника родишь ты, — ответил он.

— Ты это *видел?* — спросила она, явно подразумевая его провидческие способности.

И уже далеко не в первый раз Пауль задумался: как же наконец объяснить ей все тонкости пророчества — бесчисленность линий судеб, что сплетались в сплошную ткань перед его умственным взором. Он вздохнул, вспомнив вдруг, как когда-то пригоршнями черпал воду из речки, как утекала она между пальцев. Пауль еще помнил ощущение воды на своем лице. Но разве можно умыться в водах времени, взбаламученных сонмом пророков?

— Значит, ты *не видел* этого, — уверенно заключила Чани.

Будущее он теперь мог увидеть лишь напрягая душу и тело до истощения, безвозвратно растрачивая жизненные силы, и ничего, кроме горя, оно теперь не сулило. Пауль знал, что снова попал сейчас между двух гребней — во впадину между волнами, терзавшую разум и томившую чувства.

Укрыв его ноги, Чани произнесла:

— Наследника Дома Атрейдес нельзя доверять

случаю… нельзя полагаться на единственную женщину.

«Так могла бы сказать моя мать, — подумал Пауль. — Или леди Джессика тайно поддерживает связь с Чани? Она всегда в первую очередь думает о Доме Атрейдес. Так воспитали ее сестры Бене Гессерит, и мать не может отказаться от этого даже теперь, когда все ее силы обращены против Ордена».

— Так, значит, ты подслушивала наш разговор с Ирулан, — обвиняющим тоном проговорил он.

— Да, я подслушивала, — согласилась она, глядя в сторону.

Пауль припомнил встречу с Ирулан. Он только вошел в семейную гостиную и успел заметить неоконченную работу на ткацком станке Чани. В помещении кисло воняло червем, зловещий запах скрывал вездесущий коричневый аромат меланжи. Кто-то пролил здесь непреобразованную меланжевую эссенцию на коврик, пропитанный меланжей. Вещества эти несовместимы, и эссенция разъела ковер. Только маслянистые пятна отмечали на пластмелде место, где он недавно лежал. Пауль уже собирался послать за кем-нибудь из женщин, чтобы прибрались, но в этот момент Хара, жена Стилгара и ближайшая

подруга Чани, скользнула внутрь и сообщила… о приходе Ирулан.

Разговор пришлось вести в этом зловонии, и он все не мог отделаться от нехорошего чувства. Фрименская примета сулила беду: дурной запах — жди несчастья.

Впустив Ирулан, Хара вышла.

— Здравствуй, — произнес Пауль.

На Ирулан было платье, отороченное серым китовым мехом. Она расправила его, провела ладонью по волосам. Пауль видел, что Ирулан удивлена его мягким тоном. Заранее приготовленные гневные слова следовало заменять на ходу.

— Ты пришла сообщить мне, что Сестры потеряли последние представления о нравственности? — произнес он.

— Подобные словесные забавы небезопасны, — бросила она.

— Опасность и забавы трудно совместимы, — усмехнулся он. Сокровенные его знания, полученные от Бене Гессерит, говорили: она охотно бы не приходила к нему. Пауль заметил на миг отразившийся на ее лице страх и понял: Ирулан пришлось взяться за дело вопреки ее собственному желанию.

— И они все время требуют слишком много от принцессы Императорского Дома.

Ирулан замерла в неподвижности, и Пауль отметил, что она подчинила свои чувства безжалостному контролю воли. Тяжелый груз, подумал он и удивился, обнаружив, что его предвидение ничего не говорило ему о возможности такого будущего.

Ирулан медленно расслабилась. *Нельзя поддаваться страху, нельзя отступать,* решила она.

— Ты все время заказываешь одну и ту же погоду, — сказала она, обхватив себя руками и поежившись. — Сухо, сегодня была песчаная буря. Неужели ты не разрешишь нам дождя?

— Ты пришла сюда не для речей о погоде, — ответил Пауль. Он почувствовал себя утопающим в двусмысленности сказанного. Не пытается ли Ирулан намекнуть о чем-то таком, о чем ее воспитание запрещает говорить открыто? Похоже, так и есть. Пауль ощутил себя лишенным опоры: нужно немедленно выбираться на твердую почву.

— Я хочу ребенка, — объявила она.

Он отрицательно качнул головой.

— У меня своя жизнь! — резко произнесла Ирулан. — Если понадобится, я сама отыщу отца для

моего ребенка. Я наставлю тебе рога, и посмей хоть в чем-нибудь обвинить меня.

— Наставляй сколько хочешь, — отвечал он, — но никаких детей.

— И как же ты меня остановишь?

С исполненной предельной доброты улыбкой он произнес:

— Если дойдет до этого, я немедленно прикажу удавить тебя.

На миг Ирулан потрясенно умолкла, а Пауль ощутил, как Чани прислушивается за тяжелыми занавесями, отделявшими их личные апартаменты.

— Я все-таки твоя жена, — прошептала Ирулан.

— Давай не будем играть в эти глупые игры, — ответил он. — Ты ведь играешь сейчас, исполняешь роль, и не более. Мы оба знаем, кто моя жена.

— А я — так, просто удобство, — горько откликнулась Ирулан.

— Я не хочу быть с тобой жестоким.

— Ты сам выбрал меня.

— Не я, — отвечал он, — судьба. Твой отец. Сестры Бене Гессерит. Гильдия, наконец. А теперь они вновь тебя выбрали. Для чего они тебя выбрали,

Ирулан?

— Но почему же я не могу родить тебе ребенка?

— Потому что ты на эту роль не подходишь.

— Это мое право — родить наследника престола! Мой отец был…

— Твой отец был и остается зверем. Ты сама знаешь, что он потерял всякий контакт с человечеством, которым должен был править.

— Разве его ненавидели больше, чем ненавидят тебя? — взорвалась она.

— Неплохой вопрос, — отвечал он, сардонически усмехаясь уголками губ.

— А еще говоришь, что не хочешь быть жестоким со мною.

— Вот потому-то я и согласен, чтобы ты имела любовника. Только пойми правильно: пусть будет любовник, но никаких побочных детей. Такого ребенка я не признаю. Я не стану запрещать тебе любовных связей — пока ты остаешься осмотрительной и бездетной. В сложившихся условиях просто глупо действовать иначе. Только не вздумай злоупотреблять моим доверием. Речь идет о троне, и *я* определяю, кто унаследует его. Не сестры Бене Гессерит, не Гильдия, а *я*. Этого права я добился, сокрушив легионы сардаукаров

твоего отца на равнине под Арракином.

— Ты сам выбрал свою судьбу, — ответила Ирулан, резко повернулась и вылетела из гостиной.

Заново припомнив всю стычку, Пауль сосредоточился на мыслях о Чани, сидевшей на их ложе. Понимал он и двойственность своего отношения к Ирулан, понимал и фременскую правоту Чани. В иных обстоятельствах обе женщины вполне могли быть подругами.

— И что ты решил? — спросила Чани.

— Никакого ребенка, — ответил он.

Чани указательным и большим пальцами левой руки изобразила символ криса, священного ножа фременов.

— Может дойти и до этого, — согласился он.

— Почему ты считаешь, что ребенок не поможет разрешить проблему Ирулан?

— Предположить такое мог бы только дурак.

— Дорогой мой, я вовсе не дура.

Пауль почувствовал, как в нем поднимается гнев.

— Этого я тебе никогда не говорил. Но сейчас речь не о сентиментальном романе, сочиненном писателями. Ирулан — самая настоящая принцесса, воспитанная среди всех гнусных интриг Императорского двора. Строить козни для нее

столь же естественно, как строчить свои дурацкие истории!

— Любимый, они вовсе не дурацкие.

— Возможно, ты права, — Пауль подавил свой гнев и взял ее за руку. — Извини. Просто у этой женщины на уме одни заговоры… заговор в заговоре. Если я уступлю хотя бы одной из ее претензий, то этим только поощрю ее на другие.

— Разве не я это тебе всегда говорила? — ласковым голосом ответила Чани.

— Говорила, конечно. — Пауль пристально посмотрел на Чани. — Тогда что же ты хочешь сказать мне еще?

Она прилегла возле него и приникла головой к плечу.

— Они уже решили, как им бороться с тобой, — проговорила она. — От Ирулан просто разит тайными замыслами.

Пауль погладил ее по голове.

Чани умела отсеять несущественные детали.

Вновь прихлынуло ощущение ужасной судьбы, кориолисовой бурей оно терзало глубины души, сотрясая все его существо. Тело его ведало многое, что еще не открывалось сознанию.

— Чани, любимая, — прошептал он, — если бы ты знала, чего бы только я не дал за то, чтобы

покончить с джихадом и помешать Квизарату сделать из меня бога.

— Но ты мог бы прекратить все это одним только словом, — затрепетав, сказала она.

— О нет. Даже если я умру, одно мое имя поведет их вперед. Стоит только подумать, что имя Атрейдесов связано со всей этой религиозной бойней…

— Но ты же — Император! Ты же…

— Я просто украшение — фигура на носу корабля. Если тебе навязали роль божества, отказаться от нее ты не властен. — Он с горечью усмехнулся. Из будущего на него глядели еще не родившиеся династии. Он ощущал, как гибнет в оковах судьбы его человеческая сущность и остается только одно имя. — Я был избран, — прошептал он. — Может быть, еще при рождении… но уж меня-то во всяком случае не спросили… Я был избран.

— А ты отвергни это избрание, — ответила она.

Он крепче обнял ее за плечи.

— В свое время, любимая. Дай мне еще хоть чуточку времени.

Слезы щипали его глаза.

— Вернемся в сиетч Табр, — сказала Чани, — в этом каменном шатре столько лишних хлопот.

Он кивнул, прижавшись подбородком к глад-

кой косынке, прикрывавшей ее волосы. Как всегда, от нее пахло Пряностью.

Сиетч. Слово древнего языка чакобса поглотило его внимание: укрытие, надежное и спокойное место во времена бед. Слова Чани заставили его затосковать по просторам Пустыни, где любой враг виден издалека.

— Племена ждут возвращения Муад'Диба, — сказала она и подняла голову, чтобы видеть его лицо. — Ты наш.

— Я принадлежу своей миссии, — прошептал он.

Он подумал о джихаде, о дрейфе генов через парсеки и парсеки, разделяющие звезды, о видении, сулившем окончание бойни. Сумеет ли он заплатить за это все, что должен? Тогда угаснет ненависть, подернется пеплом словно костер… уголек за угольком. Но… о! Цена будет страшной!

Я не хотел быть богом, никогда не хотел, думал он. *Я просто хотел исчезнуть, как блистающая росинка с наступлением утра. Я хотел быть не с ангелами и не с проклятыми… просто быть — хотя бы и по чьему-то недосмотру.*

— Так мы возвращаемся в сиетч? — настаивала Чани.

— Да, — прошептал он, подумав: *Пора пла-*

тить.

Глубоко вздохнув, Чани вновь прижалась к нему.

Я просто увиливаю, подумал он. Любовь и джихад правят мною. Что такое одна жизнь, пусть беспредельно любимая, рядом с бесчисленными жизнями, которые унесет джихад? Как можно сравнивать одно-единственное горе со страданиями миллионов?

— Любимый?.. — вопросительно начала Чани.

Он прикрыл ладонью ее губы.

Что, если отступить, думал он, *сбежать, пока я еще способен на это, забиться в дальний уголок пространства?* Бесполезно, джихад возглавит и призрак его.

Что ответить? — думал он. *Как объяснить ей прискорбную и жестокую глупость рода людского? Разве поймет даже она?*

Как бы мне хотелось сказать им: «Эй, вы! Глядите, реальность не может больше меня удержать. Вот! Я исчезаю! Ни замысел человеческий, ни козни людские не заманят меня более в эту ловушку. Я сам ниспровергаю основанную мною религию! Вот миг истинной славы! Я свободен!»

Пустые слова!

— Вчера у подножия Барьерной Стены видели

большого червя, говорят, длиннее ста метров. Такие гиганты теперь не часто заходят сюда. Вода отпугивает их. Я так считаю. Уже принялись говорить, что он приходил звать Муад'Диба обратно в Пустыню, — она ущипнула его. — Чего смеешься?

— И не думаю.

Застигнутый врасплох упрямым фрименским суеверием, Пауль почувствовал, как вдруг сжалось сердце: его захлестнул адаб — воспоминание, что приходит само собой. Он вспомнил детскую на Каладане, темную ночь среди каменных стен… Видение! Это было одно из первых. Ум его словно нырнул теперь в это видение, и словно сквозь туманную дымку он увидел цепочку фрименов в одеждах, пропыленных Пустыней. Проходя мимо расщелины в высоких скалах, они уносили с собой длинный, обернутый в ткань сверток.

Тогда Пауль услышал собственные слова:

— Все это было так невозможно прекрасно… и ты была прекраснее всего…

Адаб отпустил его.

— Ты вдруг замолк и замер, — шепнула Чани. — Что с тобой?

Пауль поежился, сел и отвернулся.

— Ты сердишься, потому что я ходила на край Пустыни? — спросила Чани.

Не говоря ни слова, он покачал головой.

— Я пошла туда только потому, что хочу ребенка, — произнесла Чани.

Пауль не мог говорить. Грубая власть забытого видения не отпускала его. Ужасное предназначение! В этот миг вся жизнь его была дрогнувшей ветвью, с которой слетела птица… птица по имени Случай. Свободная воля.

Я сдался искушению, подчинился пророческому дару, подумал он.

Он видел, что подобное искушение в конце концов оставит перед ним только один путь. Может быть, видение не предсказывает будущее? Может быть, оно само его создает? Или же вся жизнь его мотыльком запуталась в паутине, а паук-грядущее подступает все ближе и ближе, шевеля хищными жвалами?

Припомнилась аксиома Бене Гессерит: *прибегнув к помощи грубой силы, становишься бесконечно уязвимым для еще больших сил.*

— Я знаю, ты сердишься, — произнесла Чани, тронув его за руку. — Я знаю, что племена возвращаются к старым обрядам, к кровавым жертвоприношениям, но я не принимала в них

участия.

Пауль глубоко, с дрожью, вздохнул. Поток видения разлился, оставив ровную обширную гладь, под которой струились неподвластные ему титанические силы.

— Ну, пожалуйста, — умоляла его Чани, — я хочу ребенка, нашего ребенка. Разве это ужасно?

Пауль погладил ее руку, которой она прикоснулась к нему, отодвинулся. Выбравшись из постели, он погасил плавающие лампы, подошел к окну над балконом, отодвинул шторы. Глубокой Пустыне не было пути сюда, только запахом могла она дотянуться до покоев Императора. Прямо перед его глазами уходила в небо высокая стена. Косые полосы лунного света легли на обнесенный стенами сад, неусыпные деревья шелестели широкими влажными листьями. Сквозь листву поблескивала гладь пруда. В тени угадывались яркие цветы. На миг он увидел этот сад глазами фримена: чуждое и страшное место, опасное безумным расточительством влаги.

Он вспомнил продавцов воды, чью торговлю он подорвал своими щедрыми раздачами. Они ненавидели его. Он убил прошлое. А были и другие, копившие жалкие гроши, чтобы купить потом на них драгоценную воду, — они тоже

его ненавидели: за то, что он изменил древний путь. По велениям Муад'Диба менялась экология планеты, и люди сопротивлялись переменам. Не самонадеянно ли думать, гадал он, что я и впрямь распоряжаюсь всей планетой — решаю, где, как и чему расти на ней? Но даже если бы это и было возможным, как быть со Вселенной? Не опасается ли и она чего-то подобного с его стороны?

Резким движением он задернул занавеси. В темноте он обернулся к Чани, почувствовал: она ждет его. Водные кольца ее позвякивали, словно колокольчики на кружках для подаяния у пилигримов. Устремившись на звук, он нашел ее протянутые к нему руки.

— Любимый, — шепнула она, — это я тебя расстроила?

И обхватила его руками, защищая от будущего.

— Нет, не ты, — отвечал он. — Ох… не ты.

* * *

Явление в мир лучемета и силового щита, двух видов оружия, обреченных на взрывное взаимоуничтожение, несущее гибель и нападающему, и обороняющемуся, определило структуру отраслей оружейной промышленности. Не станем вдаваться в особую роль атомной технологии. Верно, что любая из Семей, стоящих у власти в нашей Империи, способна уничтожить не менее пятидесяти планетарных баз других семейств. Да, этот факт вызывает определенное беспокойство. Но у всех давно уже готовы планы осуществления сокрушительного возмездия. Ключи от этой силы в руках Гильдии и Ландсраада. Меня же заботит развитие человека как самостоятельного вида оружия. Здесь мы имеем в настоящее время неограниченное поле деятельности, интересовавшее до сих пор лишь немногих.

(Муад'Диб. Из лекции в Военном колледже.
«Хроники Стилгара»)

Стоящий на пороге своего дома старик глядел на гостя синими-на-синем глазами. Во взгляде

этом читалось привычное недоверие Пустынного люда ко всем незнакомцам. Щетинистая белая борода не могла прикрыть горьких морщин у рта. Дистикомба на нем не было, утечка влаги через дверной проем его вовсе не беспокоила — это говорило о многом.

Скитале поклонился, приветствуя соучастника условным жестом.

Где-то за спиной старика захлебывались атональные диссонансы семутной музыки — словно рыдал ребенок. Вид старика не обнаруживал признаков наркотического опьянения, значит, к семуте привык здесь не он. Порок весьма неожиданный для Дюны, подумал Скитале, отнюдь не рассчитывавший обнаружить здесь подобной утонченности.

— Привет издалека, — начал Скитале с улыбкой на плоском лице, выбранном для этого случая. Он вдруг подумал, что старику черты его могут показаться знакомыми. Кое-кто из фрименов постарше мог еще помнить Дункана Айдахо.

Выбранный облик, только что так радовавший его, мог оказаться ошибкой. Но Скитале не смел менять здесь лицо. Он беспокойно оглядывался то вправо, то влево. Почему этот старик все держит его на пороге?

— Ты знал моего сына? — спросил наконец тот.

По крайней мере это было одним из отзывов. Скитале отвечал как положено, внимательно наблюдая за всем, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Место ему не нравилось — короткая тупиковая улочка кончалась этим домом. Вокруг были жилища, выстроенные для ветеранов джихада. Этот пригород Арракина уходил в Котловину Империи за Тайемаг. Ровную и гладкую поверхность стен из бурой пластали нарушали только темные контуры плотно подогнанных дверей. Кое-где были нацарапаны непристойности. Как раз возле открытой двери надпись мелом объявляла, что некий Берис вернулся на Арракис с гнусной болезнью, лишившей его признаков мужественности.

— Ты пришел не один? — спросил старик.

— Один, — отвечал Скитале.

Старик кашлянул, все еще не оставляя дурацкую нерешительность. Вся опасность и крылась в подобных контактах. У старика могли найтись свои причины для колебаний. Впрочем, час был выбран правильно. Солнце стояло почти над самой головой. Жители квартала, наглухо закупорив двери, проводили самую жаркую часть дня в дремоте.

Или же старика тревожит новый сосед? — думал Скитале. Соседский дом принадлежал Отхейму, бывшему федайкину, воину-смертнику Муад'Диба. Биджас, карлик-тлейлаксу, дожидался у Отхейма своего часа.

Скитале поглядел на старика, заметил пустой рукав, отсутствие дистикомба. В манере держаться чувствовалась привычка командовать. Перед ним был далеко не рядовой участник джихада.

— Могу ли я узнать имя своего гостя? — спросил старик.

Скитале подавил вздох облегчения. Слова говорили, что его в конце концов принимают.

— Я — Заал, — отвечал он, называя выбранное для этой встречи имя.

— А я — Фарук, — отвечал старик, — бывший башар Девятого легиона. Что тебе говорит это имя?

Чувствуя угрозу в его словах, Скитале ответил:

— Ты был рожден в сиетче Табр, под рукой Стилгара.

Фарук расслабился, отступил в сторону.

— Добро пожаловать в мой дом.

Скитале вступил на вымощенный синими изразцами пол тенистого атриума. На стенах искрился выложенный из блестящих кристаллов узор; свет, лившийся из прозрачных фильтров,

был неярок и серебрист, как при полной Первой Луне. За его спиной входная дверь улеглась в уплотнительные пазы.

— Мы были благородным народом, а не изгоями, — говорил Фарук, провожая гостя в крытый дворик. — Жили мы тогда не в поселках, не в этих грабенах. У нас был настоящий сиетч в скалах Барьерной Стены, за хребтом Хаббанъя. Один червь, переходом в один манок, мог донести нас в Кедем, в глубокую Пустыню.

— Все было иначе, — согласился Скитале, догадавшийся теперь, почему старик принял участие в заговоре: он тосковал по былому, по прежним временам и путям.

Они вступили в дворик. Фарук все старался преодолеть неприязнь к гостю: глаза того были лишены синевы Ибада, а Вольный Народ не доверял таким людям. Чужаки, как утверждали фримены, вечно ухитряются своим бегающим взглядом увидеть то, чего им не положено.

Когда они вошли, музыка семуты смолкла. На смену ей пришел перезвон балисета, за девятиструнным аккордом полились чистые звуки мелодии… песню эту любили в Нараджийских мирах.

Когда глаза привыкли к полумраку, Скитале

увидел юношу, сидевшего, скрестив ноги, на невысоком диване справа под аркой. Глазницы его были пусты. Со сверхъестественной чувствительностью слепого он запел, едва Скитале поглядел на него. Зазвенел высокий приятный голос:

А ветер все дул и унес песок,
Сдул землю и небеса,
И всех людей!
Кто Он, этот ветер?
Деревья стоят, шелестя листвой.
Раньше здесь пили мужи.
Зачем я увидел столько миров,
Столько мужей?
Столько деревьев?
И этот ветер?

Прежде у этой песни были *совсем другие слова,* подумал Скитале. Фарук отвел его подальше от молодого человека — под арку на противоположной стороне, показал на разбросанные по плиткам пола подушки. На изразцах пола были изображены морские твари.

— Вот подушка, на которой в сиетче однажды сидел сам Муад'Диб, — сказал Фарук, указывая

на круглый черный контур. — Теперь она ждет тебя.

— Я в долгу перед тобой, — отвечал Скитале, опускаясь на мягкую черную горку. Он улыбался. Фарук был мудр. Он умел показать свою верность, даже внимая двусмысленным песням и тайным вестям. Кто может отрицать ужасающие способности тирана-Императора?

Размеренно произнося слова, чтобы не нарушать ритма музыки, Фарук спросил:

— Не мешает ли тебе пение моего сына?

Скитале прислонился спиной к прохладному столбу, поглядел на певца:

— Мне нравится музыка.

— Мой сын потерял глаза в боях за Нарадж, — проговорил Фарук. — Его вылечили, но лучше бы он там и остался. Женщины нашего народа не станут глядеть на него. Впрочем, разве не забавно, что на Нарадже у меня есть внуки, которых я могу так и не увидеть? Знаешь ли ты, Заал, миры Нараджа?

— В дни моей юности я выступал там в труппе лицеделов, — отвечал Скитале.

— Значит, ты — лицедел, — проговорил Фарук. — Меня удивило твое лицо. Оно напомнило мне человека, которого я знал когда-то.

— Дункана Айдахо?

— Да, его. Мастера-фехтовальщика Императора.

— Говорили, что он погиб.

— Так говорили, — согласился Фарук. — Неужели ты действительно мужчина? О лицеделах говорят, что… — он передернул плечами.

— Все мы гермафродиты Яддаха, — отвечал Скитале, — пол наш меняется по желанию. Сейчас я мужчина.

Фарук задумчиво закусил губу и произнес:

— Не хочешь ли подкрепиться? Воды? Или охлажденных фруктов?

— Достаточно беседы, — ответил Скитале.

— Воля гостя — закон, — поклонился Фарук, усаживаясь лицом к гостю на другую подушку.

— Благословен еси Абу д'Дхур, Отец Бесконечных Дорог Времени, — произнес Скитале, думая: *Вот! Я все сказал ему: я пришел от навигатора Гильдии и пользуюсь его покровительством.*

— Трижды благословен, — ответил Фарук, ритуальным жестом складывая руки на коленях. Натруженные, покрытые венами кисти.

— Издалека видишь только общие контуры, — начал Скитале, намекая, что хотел бы поговорить о цитадели Императора.

— Но тьму и зло не примешь за их противоположность, как бы далеко они от тебя ни были, — ответ Фарука заключал совет не торопиться.

Почему? — подумал Скитале. Но спросил только:

— Как твой сын потерял зрение?

— Защитники Нараджа воспользовались камнежогом, — отвечал Фарук. — Сын мой оказался совсем рядом. Проклятое атомное оружие! Камнежог тоже следовало бы запретить законом.

— Это отвечало бы букве закона, — согласился Скитале и подумал: *Камнежог на планетах Нараджа! Нам не сообщали об этом. Но зачем старик завел здесь речь об этом оружии?*

— Твои хозяева предлагали мне купить для него искусственные глаза тлейлаксу, — продолжал Фарук, — но в легионах говорят, что такие глаза порабощают их владельца. Сын сказал тогда, что глаза эти — металл, а он из плоти, сочетать то и другое греховно!

— Но предмет должен отвечать своему назначению, — проговорил Скитале, стараясь направить разговор в нужную ему сторону.

Сжав губы, Фарук кивнул.

— Говори прямо, что тебе нужно, — сказал он, — приходится доверять вашему навигатору.

— Ты когда-нибудь был в Императорской цитадели?

— Я был там на пиру в годовщину победы на Молиторе. Было холодно, несмотря на самые лучшие иксианские обогреватели. Еще бы, в сплошном-то камне! Ночь мы провели на террасе Храма Алие. Он насадил там деревья из многих миров, ты это знаешь. Все башары были облачены в лучшие одеяния зеленого цвета, повсюду были расставлены столики — вместо общего стола. Мне многое там не понравилось. Пришли инвалиды на своих костылях. Неужели наш Муад'Диб не знает, сколько людей ради него стали калеками?

— Тебе не понравился пир? — спросил Скитале, зная, что оргии фрименов подогревались меланжевым пивом.

— Все было так не похоже на привычное слияние душ, — кивнул Фарук, — в сиетче это было иначе. Там нас объединяло тау. На пиру развлекали рабыни, мы вспоминали раны и битвы.

— Так, значит, ты был в этой каменной громаде, — гнул свое Скитале.

— Муад'Диб вышел к нам на террасу, — продолжал Фарук, — пожелал нам удачи по обряду Пустыни — это в таком-то месте!

— Знаешь ли ты, где расположены его личные

апартаменты? — спросил Скитале.

— Где-то в самой сердцевине, глубоко внизу, — отвечал Фарук. — Говорят, они с Чани там, в недрах своей твердыни, живут по обычаям странников Пустыни. В большой зал он является лишь для аудиенций. Там много приемных и залов для совещаний. Целое крыло отведено его телохранителям, есть и помещения для церемоний, и ходы сообщения. А в глубинах под этой крепостью, на самом ее дне, он содержит окруженного водой оцепенелого червя, чтобы всегда можно было отравить его. Там он и взирает на будущее.

Сказки перемешаны с фактами, подумал Скитале.

— Правительственные чиновники сопровождают его повсюду, — ворчал Фарук. — Клерки с помощниками, помощниками помощников и их помощниками. Доверяет он лишь таким, как Стилгар, тем, кто был ему близок в прошлые дни.

— Но не тебе, — вставил Скитале.

— Он и думать забыл о моем существовании, — проговорил Фарук.

— А как он входит и выходит из этого сооружения? — спросил Скитале.

— Говорят, что на внутренней стене есть небольшая посадочная площадка для топтера, —

ответил Фарук. — Муад'Диб никому не доверяет управление топтером, когда садится там. Надо знать, как подлетать к этому месту, при малейшей неточности аппарат разобьется об отвесную стену и рухнет в эти проклятые сады.

Скитале кивнул. Почти наверняка так оно и было. Еще одна предосторожность. Сами-то Атрейдесы всегда были превосходными пилотами.

— И дистрансы его носят люди, — возмущался Фарук. — Так замарать человека — вживлять людям модуляторы! Голос человека должен принадлежать ему одному. Позор передать чье-то послание, спрятанное в твоих словах.

Скитале передернул плечами. Все политики теперь использовали дистранс. Никто не мог сказать заранее, какие преграды встанут на пути между отправителем и адресатом. Дистранс позволил обойтись без шифров, в нем все определялось тончайшими оттенками естественных звуков, запечатленных во всей своей сложности.

— Даже его налоговые службы пользуются тем же методом, — жаловался Фарук. — В мое время дистранс вживляли только низшим животным.

Но финансовую информацию и следует держать в тайне, подумал Скитале. *Сколько правительств*

пало, когда народы их вдруг обнаруживали действительные масштабы богатства властей.

— И как же в когортах фрименов относятся теперь к джихаду? — спросил Скитале. — Может быть, им не нравится, что из Императора делают бога?

— Большинству все равно, — отвечал Фарук, — в основном они думают о джихаде так же, как и сам я когда-то относился к нему… Муад'Диб дал нам испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство. Эта хибара посреди грабена, — Фарук обвел рукой свое жилище, — оценивается в шестьдесят лид Пряности. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить не мог ничего подобного этой роскоши. — Он с осуждением качнул головой.

В аркаде напротив слепой юноша стал наигрывать на балисете любовную балладу.

Девяносто контаров, думал Скитале, *странно. Огромное богатство. «Хибара» Фарука на многих мирах покажется дворцом. Но все относительно… и контар тоже. Интересно, знает ли сам Фарук, откуда взялась эта мера веса, которой взвешивают Пряность? Наверняка он даже не задумывался о том, что земной верблюд мог поднять лишь контар с половиной. Фарук, конеч-*

но же, даже не слыхал ни о Золотом Веке Земли, ни о верблюдах.

Со странной интонацией, следуя голосом за мелодией балисета, Фарук произнес:

— Был у меня крис, водяные кольца на десяток литров, копье, что принадлежало прежде отцу, кофейный прибор, бутылка красного стекла, такая древняя, что никто в сиетче не знал, когда она была сделана. И доля в добыче Пряности. Я был богат, но даже не ведал об этом. Было у меня две жены. Одна, пусть и не красавица, была дорога мне, вторая, упрямая и глупая, телом и лицом походила зато на ангела. Я был наиб среди фрименов, наездник Пустыни, покоритель червя и хозяин песков.

Юноша напротив подхватил сложный ритм речи Фарука и вплел его в мелодию, пристукивая по деке балисета.

— Сам того не ведая, я знал многое, — говорил Фарук. — Знал, где Маленькие Податели стерегут воду в недрах Пустыни. Знал, что предки мои приносили девственниц в жертву Шаи-Хулуду… Это Лиет-Кинес заставил их бросить этот обряд. Напрасно послушались они его!.. И я видел, как сверкают драгоценности в пасти червя… У души моей было четверо врат, и я знал их.

Задумавшись, он умолк.

— А потом явился Атрейдес со своей матерью-колдуньей, — проговорил Скитале.

— А потом явился Атрейдес, — согласился Фарук. — Тот самый, который звался Усулом среди людей сиетча. Наш Муад'Диб, наш Махди! И когда он призывал нас к джихаду, я был среди тех, кто спрашивал: что нужно мне в этих дальних краях? За кого стану я там сражаться? Родни там у меня нет. Но другие мужчины, умные и молодые, друзья-приятели с самого детства, ушли и возвратились, а потом начался разговор о колдовском могуществе этого «спасителя» из Атрейдесов. Да, он воевал с нашими врагами, харконненцами. Его благословил Лиет-Кинес, обещавший нам рай на нашей планете. Говорили, что этот самый Атрейдес явился, чтобы преобразить этот мир и нашу Вселенную, и что в руках его ночью расцветает золотой цветок…

Фарук поднял руки, поглядел на ладони.

— Люди показывали на Первую Луну и говорили: душа его там. Его и называли Муад'Дибом. Я не понимал тогда, о чем речь.

Опустив руки, он поглядел через дворик на сына.

— В голове моей не было дум. Только забота о

сердце, пузе и чреслах.

Музыка стала громче.

— Знаешь ли ты, почему я подался в джихад? — Старые глаза жестко глядели на Скитале. — Я слыхал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь, среди дюн. У нас нет морей. Люди Дюны никогда не знали моря. У нас были только ветровые ловушки. Мы все собирали воду для великой перемены, которую сулил Лиет-Кинес… Той великой перемены, которую Муад'Диб совершил мановением руки. Я могу себе представить канал, в котором вода течет по пустыне. Значит, могу представить и реку. Но море…

Фарук глядел вверх на прозрачный потолок, словно пытаясь разглядеть за ним Вселенную.

— Море, — повторил он негромко. — Мой ум даже представить не мог его величия. Но я знал людей, которые утверждали, что видели подобное чудо. И я решил, что они лгут, но все-таки хотел убедиться в этом сам. Тогда-то я и записался в поход.

Юноша взял громкий финальный аккорд и затянул новую песню в странном неровном ритме, подыгрывая себе на балисете.

— И ты нашел свое море? — спросил Скитале.

Фарук молчал, и Скитале подумал, что старик не расслышал. Звуки балисета накатывались и разбивались волнами прибоя.

— Однажды был закат, — медленно проговорил Фарук. — Как на картинах старых мастеров. Красный, как моя бутылка. А еще золотой… и синий. Было это в мире, который зовется Энфейль, там я вел свой легион к победе. Мы шли по горному ущелью, и воздух уже изнемогал от воды. Я едва мог дышать. И вдруг внизу оказалось то самое, о чем говорили друзья: вода, вода — и ничего, кроме воды. Мы спустились. Я вошел в воду и пил. Горькая вода, неприятная. Мне потом было нехорошо от нее. Но чудо это навсегда запомнилось мне.

Скитале чувствовал, что и сам разделяет осенившее старого фримена чудо.

— Потом я погрузился в воды этого моря, — говорил Фарук, глядя на плитки пола, на морских тварей. — Из воды я поднялся другим человеком… Мне казалось, что могу припомнить даже такое, чего никогда не знал. Я озирался вокруг глазами, которые смогли бы тогда увидеть все… да, все. На волнах раскачивалось тело убитого — нам оказывали сопротивление. А еще поблизости на воде качалось бревно, огромный ствол дерева.

Закрывая глаза, я и сейчас вижу его. Один конец был черным — обугленным. А еще в воде плавала какая-то желтая тряпка — грязная, рваная. Я глядел на все это и понимал, почему они здесь. Мне было предначертано их увидеть.

Медленно повернувшись, Фарук заглянул в глаза Скитале.

— Сам знаешь, Бог еще не закончил творить Вселенную, — проговорил он.

Болтлив, но глубок, подумал Скитале и сказал:

— Понимаю, море произвело на тебя глубокое впечатление.

— Ты — тлейлаксу, — проговорил Фарук, — ты видел много морей, а я — только одно, но о морях я знаю такое, что не было открыто тебе.

Скитале почувствовал странное беспокойство.

— Матерь Хаоса рождена была в море, — проговорил Фарук. — Наш квизара тафвид стоял рядом, когда я вышел из вод, промокший до нитки. Он не входил в волны. Он стоял на песке… на мокром песке, а возле него толпились те немногие из моих воинов, кто разделял его страх. Он смотрел на меня такими глазами… он понимал — я узнал такое, чего ему уже не узнать. Я приобщился к морю, и это испугало его. Море исцелило меня от джихада, кажется, он понял это.

Скитале вдруг осознал, что музыка давно умолкла. И рассердился на себя за то, что не помнил мгновения, когда затих балисет.

И словно все это имело отношение к его воспоминаниям, Фарук произнес:

— Охраняются все ворота. В цитадель Императора не попасть.

— Это ее слабость, — проговорил Скитале.

Фарук напряженно вытянул шею, ожидая продолжения.

— Путь внутрь существует, — пояснил Скитале, — и по большей части люди, в том числе и сам Император, как мы надеемся, не подозревают об этом… Что может послужить нам на пользу. — Он потер губы, чувствуя чужеродность выбранного им облика. Молчание музыканта встревожило Скитале; не означает ли оно, что сын Фарука передал всю необходимую информацию сжатой в музыкальные фразы? Теперь она была запечатлена в нервной системе самого Скитале, и в нужный момент ее можно будет извлечь оттуда с помощью дистранса, вживленного в кору надпочечников. Если сообщение действительно завершено — он уже несет в себе неизвестные фразы, словно сосуд, наполненный сведениями: именами заговорщиков, всеми условными

фразами — каждой подробностью заговора на Арракисе… ценная информация.

Эти знания позволяли им одолеть Арракис, захватить песчаного червя, увезти его за пределы власти Муад'Диба, начать производство меланжи на иной планете. Теперь монополию можно было разрушить, обрекая этим на падение Муад'Диба. Да, зная все это, можно было сделать многое.

— Женщина здесь, — проговорил Фарук. — Ты хочешь ее видеть?

— Я уже видел ее, — отвечал Скитале. — И внимательно изучил. Где она?

Фарук щелкнул пальцами.

Юноша поднял ребек, приложил к нему смычок. Струны зарыдали, исторгая музыку семуты. Словно привлеченная ею, из двери позади музыканта показалась молодая женщина в синем платье. Бездонно-синие «глаза Ибада» на ее лице застыли в наркотическом отупении. Фрименка привыкла к Пряности, но теперь ее поглотил и инопланетный порок. Сознание ее утопало в восторгах среди мелодий семуты, затерялось далеко-далеко.

— Дочь Отхейма, — проговорил Фарук. — Мой сын дал ей наркотик, надеясь, что так он обретет женщину из Народа, несмотря на свою слепоту.

Только это оказалась бесплодная победа. Тот выигрыш, на который он рассчитывал, достался семуте.

— Ее отец знает?

— Она сама ничего не подозревает. Сын мой придумал любовные воспоминания, что связывают их. В забытье она считает их своими. Ей кажется, что она любит его. Ее семья тоже верит в это. Все они в гневе, потому что сын мой — калека, но мешать им не станут.

Музыка постепенно умолкла.

Подчиняясь жесту музыканта, молодая женщина уселась возле него и нагнулась, чтобы расслышать его шепот.

— Что ты делаешь с ней? — спросил Фарук.

Скитале вновь оглядел дворик:

— Кто еще находится в этом доме?

— Мы все перед тобой, — отвечал Фарук. — Но ты не сказал еще мне, зачем тебе женщина? Мой сын хочет знать это.

Скитале поднял правую руку, словно собираясь ответить, — и блестящая иголка, вылетев из рукава, вонзилась в шею Фарука. Ни крика, ни звука, никто не шелохнулся. Через минуту Фарук будет мертв, но пока старик еще сидел, оцепенев под действием яда.

Потом Скитале медленно поднялся на ноги и подошел к слепому музыканту. Тот еще что-то шептал женщине, когда вторая игла нашла и его.

Скитале взял женщину за руку, мягко потянул, поднимая с пола, изменив свой внешний вид прежде, чем она подняла на него глаза.

— Что случилось, Фарук? — спросила она.

— Мой сын устал, пусть отдохнет, — проговорил Скитале. — Пойдем, выйдешь через заднюю дверь.

— Мы так хорошо поговорили, — произнесла она, — кажется, я убедила его купить глаза у тлейлаксу. Они вновь сделают его мужчиной.

— Сколько раз я уже говорил это? — спросил Скитале, подталкивая ее к двери.

Голос его, с гордостью подумал Скитале, в *точности соответствовал обличью. Голос старика фримена… он уже умер, конечно.*

Скитале вздохнул. Он ведь действительно испытывал сочувствие к своим жертвам, да и они не могли не знать, что находятся в опасности. А теперь следует предоставить последний шанс женщине.

* * *

Во время своего становления империи не страдают отсутствием целей. Только когда к ним приходит стабильность, цели теряются, уступая место утратившему смысл ритуалу.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Совещание Императорского совета не ладилось. Алия сразу почувствовала, что напряженность успела как следует окрепнуть. Это было заметно по тому, как Ирулан старалась не смотреть на Чани, Стилгар нервно перекладывал бумаги, Пауль хмуро глядел на Корбу, Верховного квизара тафвид.

Алия села в конце золотого стола. В окнах, выходящих на балкон, пылало полуденное солнце.

Корба, замолкший, когда она появилась, вновь обратился к Паулю:

— Я хочу сказать, сир, что теперь богов стало меньше, чем прежде.

Закинув голову, Алия расхохоталась. Черный капюшон ее абы соскользнул с головы: синие-на-синем «глаза Ибада», овальное лицо матери под шапкой бронзовых волос, широкий полногубый рот.

Выступивший на щеках Корбы румянец был

едва ли ярче его оранжевого одеяния. Он яростно поглядывал на Алию — кипящий гневом гном, сердитый и лысый.

— А знаешь ли ты, что говорят о твоем брате? — дерзко спросил он.

— Могу сказать, что говорят о твоем Квизарате, — парировала Алия. — Вы не слуги бога, вы — шпионы его.

Корба взглядом попросил поддержки у Пауля и произнес:

— Мы посланы заповедью Муад'Диба — дабы знал он правду о людях своих, а они о нем.

— Шпионы, — повторила Алия.

Корба, надувшись, умолк.

Пауль посмотрел на сестру, удивляясь, почему она принялась дразнить Корбу. Он вдруг заметил, какой женственной сделалась Алия, в первом цветении невинной юности. Непонятно было, как он ухитрялся до сих пор не замечать этого. Ей было пятнадцать, нет, почти шестнадцать: Преподобная Мать — девственница, невинная жрица, объект трепетного поклонения суеверных масс — Алия, Дева Ножа.

— Сейчас не время и не место для легкомысленных выходок твоей сестрицы, — заметила Ирулан.

Не обращая внимания на выпад, Пауль кивнул Корбе:

— Площадь полна паломников. Выйди и возглавь их молитву.

— Но они ожидают вас, милорд, — отвечал тот.

— Надень тюрбан, издали никто не догадается, — отмахнулся Пауль.

Заставив себя подавить раздражение, вызванное подобным пренебрежением, Ирулан смотрела, как покорно повиновался Корба. Она вдруг тревожно подумала: что, если Эдрик не в силах спрятать ее от Алии? В чем можно быть уверенным, когда речь идет о его сестре?

Стиснув руки на коленях, Чани через стол глядела на дядю своего, Стилгара, первого министра Пауля. Кто знает, не снедает ли старого фрименского наиба вечная тоска по простой жизни Пустынных сиетчей? Черные волосы Стилгара начинали седеть, но глаза под тяжелыми веками зоркости не потеряли. «Дикий»… в бороде его еще был заметен след от трубки дистикомба.

Потревоженный взглядом Чани, Стилгар оглядел Палату Совета.

Сквозь выходящее на балкон окно был виден Корба. Он благословлял толпу, простерев к ней руки, и вечернее солнце озаряло его багровыми

отблесками. На миг Стилгару показалось, что придворный квизара тафвид распят в огненном колесе. Корба опустил руки, видение исчезло, но потрясение не проходило. Мысли Стилгара обратились к раболепным просителям, ожидавшим в приемном зале, ко всей ненавистной помпе, окружавшей трон Муад'Диба.

Разговаривая с Императором, всякий стремится обнаружить его ошибки и слабости, — подумал Стилгар. — *Святотатство. Но уж таков человек.*

Корба вернулся, и вместе с ним в Зал Совета ворвался далекий гул толпы.

Дверь балкона с глухим стуком легла на уплотнение, пригасив доносящиеся снаружи звуки.

Пауль внимательно глядел на священнослужителя. Корба уселся по левую руку его, озираясь остекленевшими глазами фанатика. Миг религиозной власти всегда приносил ему упоение.

— Дух посетил нас, — произнес он.

— Благодари за это Господа, — отвечала Алия.

Губы Корбы побелели.

Пауль посмотрел на сестру, озадаченный мотивами ее поступков. Невинная внешность ее обманчива, он прекрасно понимал это. Она ведь тоже плод генетической программы Бене Гес-

серит, как и он сам. У нее тоже гены Квисатц Хадераха. Но между ними всегда было таинственное различие — ведь когда мать их, леди Джессика, преобразила в себя яд меланжи, Алия была еще крохотным эмбрионом, маленьким зародышем в материнском чреве. Мать и дочь стали Преподобными одновременно. Но одновременность не означает идентичности.

Алия рассказывала ему, как в единый страшный миг она обрела сознание, как в память ее хлынули все несчетные жизни, которые мгновенно проживала тогда ее мать.

— Я была и нашей матерью, и всеми остальными сразу, — говорила она. — Еще не доношенная и не рожденная, я стала старухой.

Алия почувствовала, что Пауль думает о ней, и улыбнулась брату. Выражение его лица смягчилось. *Действительно, на Корбу нельзя смотреть без улыбки,* подумал он. *Что может быть забавнее воина-смертника, ставшего жрецом?*

Стилгар зашелестел бумагами.

— Если повелителю угодно, — обратился он к Паулю, — рассмотрим срочные дела, не допускающие промедления.

— Тупайльский договор? — спросил Пауль.

— Гильдия требует, чтобы мы подписали его

вслепую, не имея информации об истинном расположении планет Тупайльской Антанты, — проговорил Стилгар. — Кое-кто из делегатов Ландсраада поддерживает их.

— Что в этом неотложного? — спросила Ирулан.

— Это решает мой Император, — отвечал Стилгар. В строгой формальности ответа консорт-принцесса услышала всю его недоброжелательность по отношению к ней.

— Мой повелитель и муж, — обратилась Ирулан к Паулю, требуя внимания.

Подчеркивать различия в титулах в присутствии Чани, подумал Пауль, — *это слабость со стороны Ирулан.* В подобные минуты он вполне разделял неприязнь Стилгара к принцессе, хотя сочувствие и умеряло эмоции. Бедная пешка в руках сестер Бене Гессерит.

— Да? — ответил Пауль.

Ирулан бросила на него взгляд.

— А если задержать отгрузку меланжи?

Чани неодобрительно покачала головой.

— Мы действуем с осторожностью, — ответил Пауль. — Тупайле остается местом убежища для потерпевших поражение Великих Домов. Это символ последней надежды, последний приют

для всех наших подданных. Если место нахождения убежища становится явным — оно перестает быть безопасным.

— Раз они умеют прятать людей, — пробасил Стилгар, — значит, прячут еще что-нибудь. Армию, например, или попытки развести песчаного червя…

— Нельзя загонять людей в угол, — произнесла Алия, — если ты хочешь, чтобы они соблюдали мир. — К собственному прискорбию, она оказалась вовлеченной в общий спор.

— Значит, десять лет переговоров ушли впустую, — произнесла Ирулан.

— Никакое действие моего брата не совершается впустую, — ответила Алия.

Ирулан взяла стилос[1], костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Пауль видел, как она боролась с эмоциями методом Бене Гессерит: ушедший в себя взгляд, ровное дыхание. Он едва ли не слышал, как твердит она слова литании. Наконец она произнесла:

— И чего же мы добились?

— Нам удалось вывести из равновесия Гильдию, — ответила Чани.

---

[1] Сноски: 1
Приспособление для письма.

— Необходимо избежать явной конфронтации, — подчеркнула Алия. — У нас нет желания убивать. Знамя Атрейдесов уже достаточно запятнано кровью.

Она понимает, думал Пауль. И *почему только они с такой симпатией и ответственностью относятся к этой вздорной вселенной, обители драчливых идолопоклонников, к ее бурным восторгам и тихому блаженству покоя? Может быть, мы должны защитить людей от них самих,* подумал он. *От ничтожных занятий и пустой болтовни. Они требуют от меня слишком многого.* Горло его перехватило. *Сколько будет еще потерь? Сыновей, надежд? Стоит ли всего этого будущее, открывшееся ему в видении? Кто в далеком будущем напомнит живущим: если бы не Муад'Диб, вас не было бы!*

— Отказом в меланже ничего не достигнешь, — произнесла Чани. — Просто навигаторы Гильдии потеряют способность ориентироваться в пространстве и времени. А твои гессеритки не смогут отличить правду от лжи. Многие просто умрут до срока. Расстроятся коммуникации. И кто будет виноват в этом?

— Ну, до этого не дойдет, они не допустят, — ответила Ирулан.

— Разве? — спросила Чани. — С чего бы это? Ведь не Гильдию же станут винить? Она подчеркнуто продемонстрирует свое бессилие.

— Мы подпишем договор, как он есть, — решил Пауль.

— Милорд, — произнес Стилгар, не поднимая глаз от стола, — всем нам в голову приходит один и тот же вопрос.

— Да? — Пауль внимательно посмотрел на старого фримена.

— Вы обладаете известными… силами, — произнес Стилгар. — Разве вы не можете обнаружить миры Антанты без помощи Гильдии?

Силами! — подумал Пауль. *Стилгар мог бы сказать прямо: ты ведь знаешь будущее… значит, можешь обнаружить в грядущем и тот путь, что ведет к Тупайле!*

Пауль глядел на золоченую поверхность стола. Вечно одно и то же: как объяснить необъяснимое? Разве поймут они естественную неполноту этого странного дарования? И как вообще может человек, чье сознание ни разу не преображала Пряность, воспринимать реальность, не содержащую конкретных сенсорных ощущений?

Он посмотрел на сестру. Та смотрела на Ирулан. Ощутив его взгляд, Алия кивнула в сторону прин-

цессы. Ах-хх… да, любой их ответ непременно попадет в одно из специальных посланий Ирулан сестрам Бене Гессерит. Они все еще пытаются подыскать ключи к своему Квисатц Хадераху.

Но Стилгар заслуживал ответа, Ирулан тоже… в некоторой степени.

— Непосвященные пытаются видеть в предвидении будущего следствие естественного закона, — проговорил Пауль, положив руки перед собой. — С равным успехом можно утверждать, что так говорит с нами небо. И что способность прозревать будущее гармонично укладывается в суть человека. Другими словами, предсказание будущего естественным образом определяется подхватившей нас волной настоящего. Конечно же, способность эта маскируется в естественное обличье. Но силой нельзя пользоваться, заранее определив свои цели и намерения. Знает ли щепка, куда несет ее волна? Пророчество не подчиняется причинно-следственным законам. Причины превращаются в возможности или условия, место слияния, встречи различных течений. Допуская возможность предвидения, разум вынужден принимать несовместимые концепции. И потому он отвергает их, а отвергая, становится частью процесса реализации будущего.

— То есть ты не можешь этого сделать? — переспросил Стилгар.

— Если бы я попытался отыскать Тупайле подобным образом, — ответил Пауль, глядя прямо на Ирулан, — это скорее всего помогло бы ей укрыться от моего взора.

— Хаос! — пожаловалась Ирулан. — Никакой системы, логики.

— Я же сказал, что эта способность не подчиняется естественному закону, — пожал плечами Пауль.

— Значит, твое предвидение не беспредельно? Ты не все можешь увидеть? — настаивала Ирулан.

Но прежде чем Пауль успел ответить, Алия произнесла:

— Дорогая Ирулан, предвидение безгранично, но бессистемно. Вселенная вовсе не обязана быть упорядоченной.

— Но он говорил…

— Разве может даже брат мой описать границы беспредельного, если они ускользают от разума?

Не надо было Алие говорить это, подумал Пауль. *Ирулан встревожится. Сознание ее осторожно, она во всем ищет четких границ.* Взгляд его обратился к Корбе, тот сидел в позе почтитель-

ного поклонения и с трепетом фанатика «внимал всей душой». *Теперь и Квизарат осведомлен. Как же — еще одна тайна пророка! Еще один повод к благоговению? Естественно.*

— Итак, подписываем договор в его нынешнем виде? — спросил Стилгар.

Пауль улыбнулся. По мнению Стилгара, дальнейшие разговоры о силах пророков были излишни. Стилгар всегда стремился к победе, не к истине. Мир, справедливость, твердая валюта — на трех этих китах зиждется вселенная Стилгара, и ему нужен объект реальный и ощутимый — подпись под договором.

— Я подпишу, — ответил Пауль.

Стилгар взял другую папку.

— По последним сообщениям командиров полевых частей, в Иксианском секторе возобновилась агитация за конституцию. — Старый фримен поглядел на Чани, та пожала плечами.

Ирулан, сидевшая закрыв глаза ладонями в мнемоническом трансе, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пауля.

— Иксианская конфедерация обещает покорность, но их послы оспаривают размер имперского налога, который…

— Они хотят ограничить волю Императора

рамками закона, — произнес Пауль, — и кто же собирается править мной: КООАМ или Ландсраад?

Стилгар извлек из папки записки на бумаге-инстрой.

— Этот меморандум один из наших агентов отослал прямо с закрытого заседания фракции меньшинства КООАМ в Ландсрааде. — Ровным голосом он зачитал текст:

— «Следует воспрепятствовать претензиям трона, рвущегося к самовластию. Мы должны поведать всем правду об Атрейдесе, о том, как маневрирует он между тремя основами — законодательством в лице Ландсраада, религиозной санкцией и бюрократической эффективностью». — Он убрал записку в папку.

— Конституция… — пробормотала Чани.

Пауль взглянул на нее, потом на Стилгара… подумал: *Итак, джихад выдыхается, но не настолько быстро, чтобы я сумел уцелеть.* Мысль эта вызвала эмоциональную реакцию. Он вспомнил первое видение, открывшее ему ужасы будущего джихада, охватившие его смятение и отвращение. После ему случалось видеть и более кошмарные видения. Вечное насилие повсюду. Своими глазами видел он, как в порыве воинско-

го мистицизма сметают любое сопротивление мстители-фримены. Джихад приобретал новый вид. К счастью, его бытие недолговечно — миг в сравнении с вечностью, — но за ним уже маячили новые кошмары, затмевавшие все, что свершилось.

И все творится моим именем, думал Пауль.

— Быть может, лучше даровать им видимость конституции, — предложила Чани, — не реализовывая ее.

— Обман — один из инструментов правителя, — согласилась Ирулан.

— У любой власти есть границы. Воспользоваться ими всегда надеются многие из тех, кто добивается конституций.

Почтительно склонившийся Корба выпрямился:

— Мой господин?..

— Да? — отозвался Пауль. *Вот оно! Именно Корба может испытывать тайные симпатии к надуманной власти закона.*

— Конституция может иметь религиозную окраску, — начал Корба, — если обещать кое-что верным…

— Нет! — отрезал Пауль. — Будет приказ Совета. Регистрируешь, Ирулан?

— Да, милорд, — отвечала она прохладным тоном, еще раз выражая недовольство ролью секретаря, которую выполняла по его приказу.

— Конституция приводит к окончательному произволу, — начал диктовать Пауль. — Окаменелая структура обретает власть над обществом. Конституция пробуждает дремлющие социальные силы. Они равно сокрушают высоких и низких, любое достоинство и всякую личность. Конституции нестабильны, они неуравновешенны, в них отсутствуют ограничения. И будучи верны Нашему решительному и постоянному стремлению ограждать Наш народ, Мы настоящим запрещаем конституцию как таковую. Дано в Совете сего числа — ставь дату и все такое прочее.

— А как реагировать на озабоченность иксианцев величиной налога, милорд? — спросил Стилгар.

Пауль заставил себя оторваться от задумчивого и недовольного лица Корбы и произнес:

— Что ты предлагаешь, Стил?

— Налоги следует контролировать, сир.

— За мою подпись на Тупайльском договоре, — продолжил Пауль, — Гильдия уплатит согласием Иксианской конфедерации на наши налоги. Кон-

федерация торгует, используя корабли Гильдии. Они заплатят.

— Очень хорошо, милорд. — Стилгар извлек новую папку, прокашлялся. — Отчет Квизарата по Салусе Секундус. Отец Ирулан проводит маневры… отрабатывает высадку своего легиона.

На шее Ирулан внезапно задергалась жилка.

— Ирулан, — обратился к ней Пауль, — ты до сих пор продолжаешь настаивать, что легион твоего отца — всего лишь игрушка в руках старика?

— Что можно сделать с одним легионом? — спросила она, искоса взглянув на него.

— Например, погибнуть, — ответила Чани.

— А обвинят меня, — согласился Пауль.

— Многие из моих командиров закипели бы гневом, если бы только подобное стало известно.

— Но это же всего лишь полиция! — возразила Ирулан.

— Полиция не занимается маневрами, — произнес Пауль. — И я хочу, чтобы в одном из твоих посланий отцу в самое ближайшее время оказалось бы четкое и недвусмысленное изложение моего мнения по этому деликатному вопросу.

Она потупилась.

— Да, милорд. Надеюсь, что этого хватит. Впрочем, из отца выйдет хороший мученик.

— М-мм, — протянул Пауль, — без моего приказа сестра не станет извещать своих командиров.

— Нападение на моего отца сулит и другие неприятности, кроме военных, — добавила Ирулан. — Люди и так уже начинают не без сожаления вспоминать о его правлении.

— Когда-нибудь ты наконец зайдешь слишком далеко, — смертельно серьезным фрименским тоном произнесла Чани.

— Довольно вам! — приказал Пауль.

Он взвешивал выпад Ирулан… всеобщая ностальгия. Ах, конечно же, в словах ее слышалась правда! Ирулан опять доказала свою истинную цену.

— Бене Гессерит прислали официальное прошение, — произнес Стилгар, берясь за очередной документ. — Они обращаются к Императору по поводу сохранения его наследственной линии.

Чани искоса бросила взгляд на папку, словно в ней крылось нечто смертельно опасное.

— Отошли Сестрам обычные извинения, — отвечал Пауль.

— Зачем же? — возразила Ирулан.

— Быть может… пришла пора обсудить этот вопрос, — произнесла Чани.

Пауль отрицательно покачал головой. Никому

не следует знать, что он еще не решился платить свою часть всей цены.

Но Чани было трудно остановить.

— Я побывала у молитвенной стены родного сиетча Табр, — сказала она. — У врачей тоже. Я преклонила колени в Пустыне, обратив свои помыслы к глубинам, в которых обитает Шаи-Хулуд… Но, — она пожала плечами, — ничего не помогает.

Ни наука, ни суеверие не помогли ей, думал Пауль. *И я тоже не помогу. Зачем ей знать, что случится, если она родит его — наследника Дома Атрейдес?* — Он поглядел вдоль стола и увидел сочувствие в глазах Алии. Огонек сочувствия не вдохновлял его. Или же и она тоже видела эти ужасные перспективы?

— Господин мой знает, какими опасностями для государства чревато отсутствие у него наследника, — примешивая масленые интонации к Голосу Бене Гессерит, произнесла Ирулан. — Подобные вещи трудно обсуждать, учитывая их деликатность, но этот вопрос нельзя более откладывать. Император не только мужчина. Он — символ государственной власти. В случае его смерти может разразиться гражданская война, если не будет наследника. Если ты действительно заботишься

о своем народе, престол нельзя оставлять без наследника!

Пауль отодвинулся от стола, встал и подошел к балкону. За окнами ветер прижимал к земле дым городских очагов. На фоне темно-синего неба серебрился мелкий песок, по вечерам осыпавшийся с высот Барьерной Стены. Он глядел на юг, на горы, укрывавшие город от кориолисовых ветров, и думал: почему же сердцу его не дано покоя?

Совет молчаливо ожидал: все видели, насколько он близок к гневу.

Пауль почувствовал, как время обрушивается на него. Он пытался заставить себя вернуться к уравновешенности многих вариантов… может быть, удастся повлиять на будущее.

Освободиться… освободиться… освободиться, думал он. Что, если взять Чани и вместе с нею искать убежища на Тупайле? Имя его останется. Джихад найдет себе новую, еще более грозную опору… Тогда его будут винить и в этом. Он вдруг испугался: потянувшись к чему-то новому, он неизбежно выронит свою главную драгоценность… ведь даже легкий шорох его движений способен повергнуть Вселенную в хаос, а обломки разлетятся во все стороны, так что потом не найти ни кусочка.

Внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяниях хаджа. Словно ползет, извиваясь, за проводником-арракинцем большая змея. Вид толпы напомнил Паулю, что приемный зал уже полон. Паломники! Их благочестивые странствия давали Империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками. И они все шли, шли и шли.

Как это мне удалось растормошить всю Вселенную? — мысленно удивился он. *Ах, нет же, все вышло само собой. Все это заложено в генах, столетиями накапливалось напряжение, чтобы разрядиться в недолгом пароксизме.*

Движимые глубочайшим религиозным чувством, люди искали надежды на воскресение. Здесь и кончалось паломничество: «Арракис — место возрождения, место упокоения».

Старые зануды-фримены не переставали твердить, что планета привлекает пилигримов ради их воды.

Так чего же на самом деле ищут паломники? — думал Пауль. Они твердят, что здесь священное место. Но людям давно уже следовало понять, что во Вселенной нет Эдема для души, нет для нее Тупайле. Арракис они именовали местом тайн, где неведомое находит свое объяснение.

Здесь завязывается связь между этим миром и следующим. Но все они отбывали восвояси удовлетворенными, и это пугало Пауля.

Что они здесь находят? — спрашивал он себя.

Часто в религиозном экстазе они наполняли улицы какими-то странными птичьими криками. Фримены так их и называли: «перелетные птицы». Те немногие, кто встретил здесь свою смерть, объявлены были «окрыленными душами».

Вздохнув, Пауль подумал о том, что с каждой новой планеты, покоренной его легионами, немедленно начинает извергаться вереница паломников — в благодарность за мир, данный им Муад'Дибом.

Повсюду мир, думал он. *Почти повсюду… Только не в сердце моем.*

Ему казалось, что какая-то часть его сущности погружена в зябкую, промозглую мглу, не имеющую предела. Мощью пророка сокрушил он прежнее представление о Вселенной. Он потряс весь ранее безопасный космос, заменил благополучие джихадом. Он победил и перехитрил человеческий мир своим умением предвидеть будущее, но… Вселенная, похоже, перехитрила его.

Планету, по которой ступали его ноги, он по-

велел превратить в рай, сделать сад из Пустыни. И она жила, билось ее сердце, она отвечала, как человек: строптивица сопротивлялась, не покорялась, ускользала…

На ладонь его легла рука. Он искоса глянул вниз — Чани смотрела на него встревоженными глазами. Она словно впитывала его взглядом… шепнула:

— Пожалуйста, любимый, не противься велению твоего духа *рух*. — Ее сочувствие как бы перетекало из ладони, давало ему опору.

— Сихайя… — шепнул он.

— Надо скорей отправляться в Пустыню, — негромко проговорила она.

Он стиснул ее руку, отпустил, вернулся к столу и встал перед ним.

Чани села на свое место.

Крепко сжав губы, Ирулан глядела в разложенные перед Стилгаром бумаги.

— Ирулан предлагает себя в качестве матери наследника престола, — сказал Пауль, посмотрев на Чани, потом на Ирулан, не поднимавшую глаз. — Всем известно, что она не испытывает ко мне любви.

Ирулан застыла.

— Политические аргументы мне ясны, — начал

Пауль, — но меня заботит мнение людей. Хочу сказать, что если бы действия консорт-принцессы не определялись приказами сестер-гессериток, если бы в основе ее предложения крылось не властолюбие, моя реакция, возможно, была бы другой. Но тщательно взвесив последствия, я отклоняю ее предложение.

Ирулан глубоко, со всхлипом, вздохнула.

Усаживаясь на место, Пауль подумал, что в его присутствии выдержка никогда еще так не отказывала ей. Наклонившись к ней, он сказал:

— Ирулан, мне в самом деле искренне жаль.

Яростно блеснув глазами, Ирулан вздернула подбородок.

— Твоей жалости мне не требуется! — прошипела она и, повернувшись в сторону Стилгара, спросила:

— Ну, что там еще спешного и неотложного?

Не отводя глаз от Пауля, Стилгар сказал:

— Еще один вопрос, милорд. Гильдия вновь просит разрешения направить на Арракис свое посольство.

— Что, из *этих?* Кто-то из уродов Глубокого Космоса?.. — с фанатической ненавистью в голосе произнес Корба.

— Надо полагать, да, — подтвердил Стилгар.

— К вопросу этому следует отнестись с предельной осторожностью, милорд, — предупредил Корба. — Совет наибов не одобрит появления полноправного гильдиера на Арракисе. Они оскверняют землю, которую попирают…

— Они обитают в контейнерах и не прикасаются к почве, — ответил Пауль, давая раздражению проявиться в голосе.

— Тогда наибы могут сами взяться за урегулирование вопроса, милорд, — продолжал Корба.

Пауль бросил на него яростный взгляд.

— Они же прежде всего фримены, — настаивал тот. — Мы еще не забыли, что именно Гильдия возила сюда притеснителей. И как они выжимали с нас выкуп, Пряность, за молчание о наших секретах. Они обирали нас…

— Довольно, — отрезал Пауль, — или ты считаешь, что *я* забыл? — И словно смысл его собственных слов вдруг дошел до него, Корба сначала нечленораздельно забормотал, а потом проговорил:

— Простите, мой господин. Я вовсе не хотел сказать, что вы не фримен. Я не…

— Они пришлют сюда навигатора, — сказал Пауль. — А Гильд-навигатор шагу не сделает, если заподозрит опасность.

Пересохшим от внезапного страха ртом Ирулан выговорила:

— Так ты… *видел* прибытие навигатора?

— Конечно же, я *не видел* самого навигатора, — ответил Пауль, подражая ее интонации. — Но я видел, где он был и куда направился. Пусть они пришлют навигатора. У меня найдется дело и для него.

— Как прикажете, — отозвался Стилгар.

Пряча улыбку рукой, Ирулан думала: *Значит, верно. Император… не видит навигатора. Они не видят друг друга. Заговор останется в тайне.*

* * *

И вновь начинается драма.

(Слова Императора Пауля Муад'Диба при вступлении на Львиный Престол)

Через потайное окошко Алия следила за двигавшимся по огромному приемному залу посольством Гильдии.

Резкий полуденный свет серебрил верхние окна, зеленые, синие и молочно-белые плитки мозаичного пола, изображавшего ручей, заросший водяными растениями, среди которых там и тут мелькали яркие очертания птиц и животных.

Гильдийцы ступали по плиткам, словно охотники, выслеживающие добычу в незнакомых им джунглях. Серые, черные, оранжевые одеяния в обманчивом беспорядке окружали прозрачный контейнер, в котором в клубах оранжевой дымки плавал навигатор-посол. Несомый гравиполями контейнер неслышно плыл вперед, направляемый двумя прислужниками в серой одежде, словно прямоугольный корабль, входящий в док.

Прямо под Алией на высоком подножье высился Львиный Престол. Голова Пауля была увенчана новой короной с символами рыбы и кулака. Шитые золотом царственные облачения укрывали его тело. Вокруг Императора трепетало свеченье щита. Телохранители двумя рядами стояли вдоль

лестницы и прохода. Двумя ступенями ниже по правую руку от Пауля замер Стилгар в белом одеянии, перепоясанном желтой веревкой.

Она чувствовала, что Пауль испытывал сейчас такое же, как и она, возбуждение, хотя едва ли кто-нибудь, кроме нее, мог бы заметить это. Внимание Императора было приковано к облаченному в оранжевое одеяние прислужнику, чьи слепо поблескивавшие металлические глаза глядели прямо вперед. Он шагал возле переднего правого угла контейнера, словно охранник. Плоское лицо, кудрявые черные волосы… вся фигура его, каждый жест были такими знакомыми.

Дункан Айдахо!

Это не мог быть Дункан Айдахо, и тем не менее это было так.

Память, переданная матерью крохотному зародышу во время преобразования Пряности, давала Алие возможность с помощью рихани-декодировки распознать Айдахо в любом обличье. Пауль видел Айдахо — она это знала, — Дункана он помнил со всей бесконечной благодарностью детства и юности.

Это был Дункан.

Алия поежилась. Ответ был только один. Перед ними гхола тлейлаксу, существо, созданное из

мертвой плоти оригинала, — человека, который отдал свою жизнь, спасая Пауля. Плоть, вышедшая из аксолотль-баков.

Гхола выступал настороженной походкой мастера-фехтовальщика. Он остановился, едва контейнер с послом застыл в десяти шагах от ступеней, ведущих к трону.

Способом Бене Гессерит — куда деваться — Алия ощутила волнение Пауля. Он более не смотрел на это создание, вдруг возникшее из прошлого. Но и не глядя, всем своим существом чувствовал его присутствие. Напряженно кивнув послу Гильдии, Пауль произнес:

— Нам говорили, что тебя зовут Эдрик. Мы приветствуем твое присутствие при дворе и надеемся, что сможем по-новому понять друг друга.

Развалившийся посреди клубов оранжевого дыма навигатор отправил в рот оранжевую капсулу с меланжей и тогда лишь поглядел на Пауля. Крошечный транслятор, круживший вокруг уголка его контейнера, сперва разразился покашливанием, а потом сухим бесстрастным голосом ответил:

— Простираюсь перед моим Императором и прошу разрешения представить верительные грамоты и вручить небольшой подарок.

Помощник передал свиток Стилгару, тот, хмурясь, проглядел его, а потом кивнул Паулю. Оба они повернулись к гхоле, терпеливо выжидавшему у подножия трона.

— Конечно же, мой Император уже увидел наш дар, — произнес Эдрик.

— С удовольствием принимаем верительные грамоты, — проговорил Пауль. — Объясни смысл подарка.

Эдрик колыхнулся в контейнере, обратившись лицом к гхоле.

— Вот человек по имени Хейт, — четко назвал он имя, — по нашим данным, его история весьма любопытна. Его убили здесь, на Арракисе… Серьезная рана в голову потребовала многих месяцев регенерации. Потом тело продали Бене Тлейлаксу, как тело мастера фехтования, адепта школы Гинац. Нам стало известно, что это Дункан Айдахо, приближенный вашего отца. И мы купили его, полагая, что такой дар действительно достоин Императора. — Эдрик посмотрел на Пауля. — Сир, разве это не Айдахо?

В коротком ответе Пауля слышалась сдержанность и осторожность:

— Похож.

Неужели Пауль увидел в нем что-то, скрытое

от меня, гадала Алия. *Нет! Это Дункан!..*

Человек по имени Хейт стоял спокойно и невозмутимо, металлические глаза его глядели вперед, словно речь шла не о нем.

— Наши сведения абсолютно точны. Это Айдахо, — сказал Эдрик.

— Теперь его зовут Хейт, — проговорил Пауль. — Любопытное имя.

— Сир, незачем нам гадать о смысле имен, которые дают тлейлаксу, — проговорил Эдрик. — Имя легко изменить, имя, данное ему тлейлаксу, не имеет значения.

Дело рук тлейлаксу, думал Пауль, *в этом вся проблема.* Бене Тлейлаксу почти не интересовались нравственной сутью явления. В их философии добро и зло имели странный смысл. Так что же заложили они в возрожденную плоть Айдахо — с умыслом или по прихоти?

Пауль взглянул на Стилгара, заметил на лице фримена суеверный трепет. Чувство это читалось и на бородатых физиономиях фременов-стражей. Конечно же, размышляют о мерзких повадках гильдиеров и святотатцев-тлейлаксу, создателей кощунственных гхол.

Повернувшись к гхоле, Пауль произнес:

— Хейт, одно ли у тебя имя?

Смуглое лицо гхолы озарила ясная улыбка. Невыразительные металлические глаза его обратились к Паулю.

— Так меня называют, мой господин, — Хейт.

Алия вздрогнула возле потайного окошка. Голос этот принадлежал Айдахо, таким он был запечатлен в ее клетках.

— Если это угодно милорду, — добавил гхола, — могу сказать, что голос его доставляет мне удовольствие. Бене Тлейлаксу объяснили мне: подобное означает, что мне приходилось слышать голос милорда… прежде.

— Но сам ты не уверен в этом? — спросил Пауль.

— Я не знаю ничего о моем прошлом, сир. Мне объяснили, что я не могу помнить свою прошлую жизнь. След ее сохранился только в генетическом коде. Остались ниши, в которых могут уложиться давно знакомые вещи. Голоса, места, еда, лица, звуки, действия… меч в руке, рукоятки управления топтером.

Заметив, сколь внимательно прислушивается к разговору гильдиец, Пауль спросил Хейта:

— Понимаешь ли ты, что подарен мне?

— Мне уже объяснили.

Пауль откинулся назад, положив ладони на

подручья трона.

В долгу ли я перед плотью Дункана? — размышлял он. *Человек этот умер, спасая мою жизнь. Но сейчас передо мной не Айдахо — гхола.* И все же это тело и этот разум и научили Пауля пилотировать топтер, как если бы крылья аппарата росли из его собственных плеч, а в бою он полагался на умение, которое со строгостью и тщанием было передано ему Айдахо. Гхола, плоть, в которой ложь мешается с истиной, но как… и не разобрать. Воспоминания будут влиять на отношение к нему. Дункан Айдахо. Это не мертвая маска, а подвижная, меняющаяся личность, скрывающая своими знакомыми чертами то, что тлейлаксу заложили в ее глубины.

— Какую службу можешь ты выполнить для нас? — спросил Пауль.

— Что прикажет милорд, если это будет мне по силам.

Алию, следившую за происходящим со своего наблюдательного поста, тронула застенчивость гхолы. Она не ощущала в нем никакой фальши. Новый Дункан Айдахо изнутри светился невинностью. Конечно, оригинал был забиякой, далеко не чуждым плотских удовольствий. Плоть очистилась… Что написали на этом чистом листе

тлейлаксу?

Она почувствовала вдруг, что дар этот опасен. Работа тлейлаксу. А их творения всегда обнаруживали возмутительное отсутствие моральных ограничений. Действиями тлейлаксу могло руководить одно лишь любопытство. Они похвалялись, что, имея необработанный человеческий материал, могут создать из него что угодно — дьявола или святого. Они торговали ментатами-убийцами. И сумели сделать убийцей врача, одолев запреты школ Сукк. Среди товаров их числилась услужливая челядь, покладистые игрушки для любой разновидности секса, солдаты, генералы, философы… изредка попадались даже моралисты.

Пауль повернулся, взглянул на Эдрика.

— Какое обучение прошел этот дар? — спросил он.

— С разрешения милорда, — начал Эдрик, — тлейлаксу показалось любопытным сделать этого гхолу ментатом и философом-дзенсуннитом — этим они рассчитывали усовершенствовать его фехтовальное мастерство.

— Им это удалось?

— Не знаю, милорд.

Пауль взвешивал ответы гильдийца. Чувство

правды подсказывало ему: Эдрик не лжет, он уверен, что перед ними Айдахо. Пауль знал — воды времени, которые мутил своим присутствием пророк-навигатор, предвещали опасность… но не открывали ее природы. *Хейт.* Это имя, данное тлейлаксу, сулило беду. Пауль почувствовал искушение отвергнуть подарок. Но как только осознал это, понял, что не сможет воспользоваться этим путем. Дом Атрейдес в долгу перед этой плотью… и враги знали об этом.

— Философ-дзенсуннит, — задумчиво молвил Пауль, глядя на гхолу. — Успел ли ты уже обдумать свою роль в жизни и мотивы поступков?

— Я со смирением подхожу к своей службе, сир. И разум мой чист, он отмыт ото всех императивов, важных для прежней моей жизни.

— Как ты хочешь, чтобы тебя называли: Хейт или Дункан Айдахо?

— Милорд может звать меня как угодно ему, ведь мое имя — это не мое «я».

— Но для твоего слуха приятно имя Дункана Айдахо?

— Должно быть, так меня и называли, сир. Имя кажется мне подходящим. Но… есть в нем кое-что любопытное. Впрочем, за любым именем, по-моему, кроется и приятное, и неприятное.

— А что доставляет тебе наибольшее удовольствие? — спросил Пауль.

Гхола неожиданно усмехнулся в ответ:

— Отыскивать в людях признаки моего прошлого бытия.

— И ты замечаешь их сейчас?

— О да, милорд. Вот Стилгар — его раздирают подозрительность и восхищение. В прошлом он был мне другом, но плоть гхолы отталкивает его. Вы же, милорд, восхищались человеком, которым я был… и доверяли ему.

— Очищенный разум… — сказал Пауль. — Как может очищенный разум связать себя долгом по отношению к нам?

— Долгом, милорд? Очищенный разум принимает решение, будучи окружен неизвестными величинами и без учета причин и следствий. Где же здесь долг?

Пауль нахмурился. Типично дзенсуннитское высказывание — загадочное и исчерпывающее, проистекающее из отрицания объективной функции рассудка. «Без учета причин и следствий!» Такие слова поражают. «Неизвестные величины?» — они содержатся в любом решении, даже в провидческом озарении.

— А ты не хотел бы, чтобы тебя называли Дун-

каном Айдахо? — спросил Пауль.

— Жизнь строится на различиях, милорд. Выберите для меня имя, какое будет угодно вам.

— Пусть останется полученное тобой от тлейлаксу, — ответил Пауль. — Хейт — это имя будет напоминать мне об осторожности.

Склонившись, Хейт отступил на шаг.

Как он смог понять, что аудиенция окончена? — удивилась Алия. *Я знаю это, потому что знаю моего брата. Очевидных для незнакомца признаков не было. Неужели это понял заключенный в гхоле Дункан?*

Пауль повернулся к послу.

— Для посольства выделены апартаменты. Мы желаем иметь частную беседу с тобой при первой же возможности. Я пришлю за тобой. Далее, хочу уведомить тебя, прежде чем ты услышишь эту весть из недостоверного источника и в искаженном виде, что Гайя-Елена Мохийам — Преподобная Мать Бене Гессерит — снята с доставившего тебя лайнера. Это было сделано по нашему повелению: ее присутствие на твоем корабле будет одним из предметов наших переговоров.

Мановением левой руки Пауль отпустил послов.

— Хейт, останься, — обратился он к гхоле.

Помощники посла попятились, толкая в обратную сторону контейнер. Эдрик стал оранжевым силуэтом в оранжевом газе — глаза, рот, плавно движущиеся конечности.

Пауль следил за гильдийцами, пока последний не вышел из зала… наконец тяжелые двери захлопнулись.

Ну вот и все, подумал Пауль. *Я принял дар — гхолу. Наживку, подготовленную тлейлаксу, — в этом сомнения быть не могло. Быть может, и старая карга — Преподобная Мать — играет такую же роль.* Наступило время Таро, о котором он знал еще по первым видениям. Проклятое Таро! Оно замутило воды времени так, что он, пророк, не видел грядущего даже на час вперед. Но не все рыбины попадаются, иной удается сорваться с крючка, подумал он. Таро и помогало, и мешало ему. Он не видел будущего, но его наверняка не могли видеть и остальные.

Гхола ждал, наклонив голову набок.

Стилгар повернулся, шагнул в сторону, закрывая собой от Императора гхолу, и проговорил на чакобса — на древнем охотничьем языке их дней в сиетчах:

— Сир, уже сама эта тварь в контейнере застав-

ляет меня испытывать гадливость, но подарок!.. Отошлите его!

На том же языке Пауль отвечал:

— Не могу.

— Айдахо умер, — запротестовал Стилгар, — это не Айдахо. Разрешите, я возьму его воду для племени.

— Стил, гхола — моя проблема. Займись пленницей. Охранять ее должны люди, которых я учил противостоять Голосу.

— Не нравится мне это, сир.

— Я буду осторожен, Стил. Тебе тоже следует помнить об осторожности.

— Ну хорошо, сир, — ответил Стилгар, спускаясь вниз от подножия трона. Проходя мимо Хейта, он понюхал воздух.

Зло да будет обнаружено по вони его, подумал Пауль. Что же, пусть Стилгар успел водрузить черно-зеленое знамя Атрейдесов на доброй дюжине миров, но в душе своей по-прежнему остался суеверным фрименом, издалека видящим любое коварство.

Пауль вглядывался в дар.

— Дункан, Дункан, — прошептал он. — Что они с тобой сделали…

— Дали мне жизнь, милорд, — отвечал Хейт.

— Но зачем же они все это сделали: обучали тебя и подарили мне? — спросил он.

Хейт поджал губы, потом ответил:

— Они надеются погубить вас моими руками.

Жуткая откровенность. Но чего же еще следует ожидать от ментата и дзенсуннита в одном лице? Ментат, даже будучи гхолой, вынужден говорить только правду… этого требует и внутренний покой дзенсуннита. Живой и разумный компьютер, разум и нервы его предназначены для выполнения функций расчетных устройств, преданных анафеме в давние времена. Но как дзенсуннит Хейт будет честен вдвойне… если только тлейлаксу не умудрились встроить в эту плоть ничего еще более странного.

Зачем ему, например, металлические глаза? Тлейлаксу все хвастают, что эти их устройства лучше естественных. Только, как ни странно, сами их не используют.

Пауль глянул вверх — на потайное окошко Алии, ему хотелось немедленно увидеть ее, посоветоваться, ведь чувств сестры не замутняли благодарность и долг.

Он вновь посмотрел на гхолу. Отнюдь не легкомысленный дар. Честен в самых опасных вопросах.

Им безразлично — знаю я или нет, что это оружие направлено против меня, думал Пауль.

— А как я могу защититься от тебя? — спросил Пауль. Разговор шел прямой, без императорского «мы»: так он разговаривал бы с тем, прежним Айдахо.

— Отошлите меня, милорд.

Пауль покачал головой.

— Как ты должен погубить меня?

Хейт взглянул на охрану, немедленно обступившую Пауля, едва вышел Стилгар, повернулся. Обвел зал взглядом, вновь обратив к Паулю металлические глаза, кивнул.

— В этом зале человек удаляется от людей, — проговорил Хейт. — Все здесь исполнено мощи, которую можно переносить лишь памятуя, что всему когда-то приходит конец. Не пророческий ли дар привел вас в этот зал, милорд?

Пауль побарабанил пальцами по подлокотникам трона. Ментат требовал исходных данных, но вопрос встревожил Пауля.

— Я оказался здесь… по собственной воле, — но не всегда благодаря прочим моим… способностям.

— Собственная воля, — произнес Хейт, — закаляет мужа. Но если нагреть металл и оставить его

медленно остывать, он вновь станет мягким.

— Пускаешь пыль мне в глаза, дзенсуннит? — спросил Пауль.

— Сир, дзенсуннитам некогда заниматься надувательством и обманом.

Пауль провел языком по губам, глубоко вздохнул, приводя мышление в спокойствие, как подобает ментату. Ответы были сплошь отрицательными. Зачем ему, презрев осторожность, принимать странный подарок — гхолу? Нет, не так. Почему тлейлаксу сделали именно *ментата-дзенсуннита?* Философия… слова… размышления… внутренний поиск… Данных не хватало.

— Необходима информация, — пробормотал он.

— Факты, в которых ощущает потребность ментат, не липнут к нему сами, словно цветочная пыльца к одежде праздного гуляки на лугу, — отвечал Хейт. — Свою пыльцу следует собирать с тщанием, рассматривать через сильную лупу.

— Ты должен научить меня дзенсуннитской риторике, — заметил Пауль.

Металлические глаза коротко блеснули.

— Быть может, милорд, именно это и запланировали тлейлаксу.

Чтобы ослабить мою волю идеями и слова-

ми? — думал Пауль.

— Идей следует опасаться, лишь когда они становятся действиями, — произнес он вслух.

— Отошлите меня, сир, — сказал Хейт голосом прежнего Дункана Айдахо, полным заботы о «молодом хозяине».

Голос и покорил Пауля. Знакомый голос… он не мог с ним расстаться, хотя бы он и исходил из уст гхолы.

— Ты останешься, — приказал он. — Будем осторожны — и ты, и я.

Хейт почтительно склонился.

Пауль поглядел вверх, на скрытое там окошко, взглядом умоляя Алию заняться подарком и выудить его секреты. Гхолами-призраками пугают детей. Он не думал, что когда-нибудь и ему придется встретиться с подобным существом. Чтобы понять этого гхолу, надо встать выше всего, выше сострадания… Пауль не знал, окажется ли способным на это. *Дункан…* Дункан. Есть ли хоть кроха *того* Айдахо в этой искусно сработанной плоти? Да и не плоть это вовсе — это только телесный саван. Мертвый Айдахо навсегда остался лежать на полу пещеры, а здесь смотрел металлическими глазами только его призрак. В этой возрожденной плоти уживались два существа,

и одно из них таило в себе угрозу, скрывая свою силу за незабвенной внешностью.

Закрыв глаза, Пауль позволил себе припомнить давнишние видения. Любовь переплеталась с ненавистью, из волн, поднимаемых ими в разбушевавшемся хаосе чувств, нечему было встать скалой, чтобы дать ему оглядеться посреди сумятицы бури.

Почему в своих прежних откровениях я не видел обновленного Дункана Айдахо? — спросил он себя. *Кто или что может спрятать грядущее от пророка?.. Вероятно, только другой провидец.*

Открыв глаза, Пауль произнес:

— Хейт, а пророческими способностями ты обладаешь?

— Нет, милорд.

В голосе его слышалась искренность. Впрочем, гхола может не знать, что на самом деле владеет этой способностью, хотя незнание ограничивало бы его возможности ментата. Что же замыслили эти тлейлаксу?

Прежние видения вздымались вокруг Пауля. Придется ли ему все же выбрать ужасный путь? Искаженное время содержало намеки на роль гхолы в этом страшном будущем. Неужели ему не остается выхода, что бы он ни делал?

Освободись… освободись… освободись… — звучало в душе Пауля.

Вверху, над головой Пауля, Алия, подперев подбородок рукой, глядела из окна на гхолу. Магнетизм, исходивший от этого существа, успел захватить ее. Реставраторы тела, тлейлаксу, вернули ему юность, даже невинность, столь притягательную для нее. Она словно слышала безмолвную мольбу брата. Если беспомощен оракул, приходится обращаться к обычным шпионам и прочим повседневным орудиям власти. Но ее озадачило невесть откуда взявшееся нетерпение, с которым она собиралась приступить к делу. Ей хотелось быть рядом с этим мужчиной… прикоснуться к нему.

Он опасен… для нас обоих, подумала Алия.

* * *

Излишне тщательный анализ искажает истину.

(Древнее фрименское изречение)

— Преподобная Мать, я просто содрогаюсь, видя вас в подобной ситуации, — произнесла Ирулан.

Она остановилась прямо у двери в камеру, оглядывая помещение привычным способом Бене Гессерит. Трехметровый куб вырезан был внутри пронизанных прожилками бурых скал, на которых стояла крепость Пауля. Из мебели в ней находилось одно лишь плетеное кресло, занятое теперь Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам, да матрац под коричневым покрывалом, на котором была разложена новая колода карт Таро Дюны. Умывальник с водным счетчиком висел над фильтрующей раковиной, у стены стоял фрименский туалет с водными уплотнениями и влагоперерабатывающими устройствами. Четыре плавающие лампы за решетками по углам помещения бросали в комнату желтый свет. Далеко не роскошные палаты…

— Ты известила о случившемся леди Джессику? — спросила Преподобная Мать.

— Конечно… только она и пальцем не шевельнет против воли своего первенца, — ответила Ирулан. Она поглядела на карты. Власти отвора-

чивали свой лик от просителей. Карта «Великий Червь» лежала под «Песками удаленными». Требуется терпение. Стоило прибегать к Таро, чтобы понять это!..

Снаружи через окошко из метастекла за ними следил охранник. Ирулан понимала: за их встречей следят и по-другому. А потому тщательно продумала весь разговор, прежде чем осмелилась спуститься к Преподобной. Она могла бы и не соваться сюда, но в этом крылась своя опасность…

Перекладывая карты, Преподобная Мать погрузилась в праджна-медитацию. И хотя она была почти уверена, что Арракис живой ей не оставить, занятие это возвращало известное спокойствие. Мутная вода останется мутной для любого — и для пророка тоже. И, конечно, всегда оставалась Литания против страха.

Ей надо было еще тщательно взвесить все свои действия, в результате которых она оказалась в этой камере. Мрачные подозрения бродили в ее голове, и карты Таро намекали… Неужели Гильдия рассчитывала на ее заточение?

В салоне лайнера ее поджидал квизара тафвид в желтых одеждах. Округлое невозмутимое лицо его с глазами-бусинами выдубили бури и солнце Арракиса. Оторвав свой взгляд от чашки со сдоб-

ренным Пряностью кофе, поданной услужливым стюардом, он взглянул на Преподобную, поставил чашку, а потом спросил:

— Ты — Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам?

Воспоминание об этих словах оживило события в ее памяти. Горло ее сразу стиснул непреодолимый страх. Как мог кто-нибудь из прислужников Императора узнать о том, что она здесь, на лайнере?

— Нам стало известно, что ты на борту, — произнес квизара тафвид. — Разве ты забыла, что лишена права ступать на священную планету?

— Но я не собиралась сходить на Арракисе, — возразила она, — я нахожусь в свободном пространстве, путешествую на лайнере Гильдии.

— Такой вещи, как «свободное пространство», мадам, не существует.

В его голосе она слышала ненависть и подозрение.

— Муад'Диб правит повсюду, — наставительно проговорил он.

— Но я же направляюсь не на Арракис, — повторила она.

— Все направляются на Арракис, — возразил он. На мгновение ей даже показалось, что он

вот-вот процитирует какую-нибудь банальность из мистических наставлений для пилигримов — тысячи их прибыли с этим кораблем.

Но квизара тафвид извлек из-под одеяний золотой амулет, поцеловал его, потом приложил ко лбу, потом к уху, прислушался. Затем убрал амулет на прежнее место.

— Тебе приказано собираться и отправляться со мной на Арракис.

— Но у меня дела…

Тогда она и заподозрила в предательстве Гильдию… но Император и сестра его тоже могли проявить свои трансцендентные силы. В конце концов Гильд-навигатор мог и сплоховать — что, если ему все же не удалось скрыть заговорщиков от пророческого взора Императора?

Отвратительная Алия безусловно наделена могуществом Преподобной Матери Ордена. И что происходит, когда к этому могуществу добавляются такие же силы, какими наделен ее брат?..

— Немедленно! — отрезал квизара.

Все существо ее протестовало, она так не хотела снова оказаться на проклятой иссушенной солнцем планете, на которой эта бунтовщица Джессика предала Орден. На планете, укравшей у них Пауля Атрейдеса, Квисатц Хадераха, резуль-

тат кропотливых тысячелетних трудов.

— Немедленно, — согласилась она.

— Торопись, — произнес квизара. — Когда Император приказывает, подданные повинуются.

Значит, приказ исходил от самого Пауля!

Она было подумала, не обратиться ли с протестом к Командир-навигатору, но явная тщетность этого остановила ее. Что тут может сделать Гильдия?

— Император обещал казнить меня, если я вновь ступлю на Дюну, — в последней надежде проговорила она. — Ты это знаешь. А значит, подписываешь мне смертный приговор, забирая меня отсюда.

— Разговоры бесполезны, — отвечал квизара, — так предначертано.

Вот каким словом называется теперь воля Императора. *Предначертано*! Так изрек Священный Правитель, прозревающий будущее. Пусть свершится *предначертанное.* Ведь он это видел уже, разве не так?

Напоминая себе самой паучиху, запутавшуюся в собственной паутине, она повиновалась.

Паутина превратилась в камеру… куда только что вошла Ирулан. Она чуточку постарела со времени их последней встречи на Валлахе IX. Новые

морщинки залегли возле глаз, новые горести, ну что же… пора проверить, сохранила ли эта сестра верность своим обетам.

— Мне случалось жить и в худших помещениях, — отвечала Преподобная Мать. — Тебя прислал Император? — и пальцы ее шевельнулись как бы в волнении.

Ирулан заметила жест и пальцами же ответила, вслух говоря:

— Нет, я явилась сразу же, как только узнала о вашем появлении здесь.

— А Император не разгневается? — спросила Преподобная Мать. Пальцы ее настаивали, требовали, повелевали.

— Пусть. Вы были моей наставницей в Ордене, как и наставницей его матери. Или он надеется, что и я отвернулась от вас, как это сделала она? — Пальцы Ирулан уговаривали, извинялись.

Преподобная вздохнула. Внешне вздох узницы относился к собственной участи, на деле же это была скорбь о судьбе Ирулан. Все тщетно. С помощью этого орудия — Ирулан — больше нельзя надеяться сохранить драгоценные гены Императора Атрейдеса. Красота красотой, но красавица-принцесса имеет важный порок. Под покровом сексуальной привлекательности кро-

ется плакса-проныра, для которой слова важнее дел.

Но Ирулан — одна из Сестер, а Орден умеет извлекать пользу и из самых слабых своих представительниц.

Под прикрытием разговора о более съедобной пище и более удобном ложе Преподобная Мать прибегла к своему арсеналу средств убеждения и отдала распоряжение: подумать о родственном браке и о том, как свести брата с сестрой. (Этот приказ едва не доконал Ирулан.)

«Но ведь и у меня должен быть шанс!» — настаивали ее пальцы.

«Шанс у тебя был», — возразила Преподобная. В остальном инструкции ее касались подробностей: не сердится ли иногда Император на свою наложницу? Уникальные способности обрекают его на одиночество. Так с кем он может общаться, рассчитывая, что его поймут? Только с сестрой. И она в свой черед одинока в той же мере, как и он сам. Насколько глубоки основы их общности? Придется подстроить возможность их сближения, интимных встреч. Нужно организовать устранение наложницы! Горе разрушает любые моральные барьеры!

Ирулан возражала: «В *случае смерти Чани по-*

дозрения сразу же падут на консорт-принцессу. Появилась новая проблема: Чани полностью перешла на древнюю диету фрименов, способствующую беременности, и добавлять контрацептивы в ее пищу теперь невозможно. А отсутствие этих уже привычных средств сделает организм Чани еще более восприимчивым к оплодотворению».

Преподобная Мать вспыхнула гневом и с трудом сдерживала его, быстро перебирая пальцами. Почему Ирулан не начала прямо с этого? Откуда подобная тупость? Ведь если Чани понесет и родит сына, Император провозгласит его своим наследником!

Ирулан возражала: она, конечно, понимает опасность, но все-таки в этом случае сохраняются драгоценные гены.

«Проклятая дура!» — бушевала Преподобная Мать. Разве можно даже представить, какую путаницу и какой хаос может внести Чани, влив в жилы наследника Пауля дикую фрименскую кровь! Ордену нужна чистокровная линия! К тому же наследник укрепит амбиции Пауля, побудит его к новым действиям для консолидации империи. Лишнее препятствие для заговорщиков.

Оправдываясь, Ирулан поинтересовалась, каким, собственно, путем может она помешать

Чани питаться, как принято в подобных случаях среди фременов.

Но Преподобная была не в духе. Ирулан получит новые точные указания. Если же Чани все-таки забеременеет, в еду ее и питье можно добавить средства, приводящие к выкидышу. Ну или же… убить ее в конце концов! Дети ее любой ценой не должны оказаться на троне.

«Но если эти снадобья обнаружатся, последствия могут быть столь же серьезными, как и в случае прямого покушения на жизнь наложницы», — возразила Ирулан. И сама только мысль об убийстве в данном случае вызывает в ней трепет.

«Значит, Ирулан боится?» — осведомилась Преподобная Мать. Движения ее пальцев выражали презрение.

Ирулан раздраженно ответила, что знает себе цену, — где еще Орден сыщет такого агента в Императорском доме? Или подобная ценность ни к чему заговорщикам? Значит, они в состоянии позволить себе пожертвовать ею? А кто будет потом шпионить за Императором? Или в Семье успели завербовать нового агента? Конечно, в этом случае ею можно воспользоваться в последний раз, а потом выбросить за ненадобностью.

«На войне, — возразила Преподобная Мать, — *у всякой ценности своя цена. Дом Атрейдес не должен закрепиться на троне, худшего быть не может. Сестры не могут пойти на такой риск. Уж лучше вообще потерять гены Атрейдесов. Если дети Пауля унаследуют трон, планы Сестер придется отложить на столетия».*

Ирулан согласилась с этим, но все равно не могла отделаться от ощущения, что ее, консорт-принцессу, решили попросту истратить… пусть и на что-то очень важное. И все ли, что нужно, ей известно о гхоле?

В свой черед Преподобная Мать пожелала узнать, не решила ли Ирулан, что в Орден поступают одни только дуры. Когда же это принцессе забывали сообщить хоть каплю того, что ей *положено* знать?

Это был, собственно, не ответ, а попытка уклониться от ответа, как мгновенно поняла Ирулан. Значит, ей скажут лишь то, что необходимо.

«Откуда тогда уверенность в том, что гхола действительно может победить Императора?» — поинтересовалась Ирулан.

«С тем же успехом можно спрашивать, смертельно ли употребление Пряности», — огрызнулась Преподобная Мать.

В ее укоризне содержался тонкий намек. Наставница-Преподобная давала Ирулан понять, что о сходстве между гхолой и Пряностью ей давно уже следовало бы догадаться. Меланжа бесценна, но ее цена — привыкание. Люди, принимавшие ее, жили дольше — на годы, случалось, на целые десятилетия, — но наркотик этот попросту отправлял к смерти кружным путем.

Гхола — тоже имеет смертельную ценность.

Возвращаясь к Чани, Преподобная Мать жестами объяснила: «*Нет более очевидного способа предотвратить появление нежелательного ребенка, чем убить его потенциальную мать, пока она даже не зачала его*».

Конечно, думала Ирулан, *если идешь на расходы, следует извлечь максимум удовольствия из затраченной суммы.*

Темные глаза Преподобной отливали голубизной — сказывалось употребление меланжи, — они внимательно глядели на Ирулан, измеряя, выжидая, отмечая мельчайшие детали.

Она видит меня насквозь, с горечью подумала Ирулан. *Она обучала меня и внимательно следила за мною. И прекрасно знает, на какого рода решения толкает меня, и видит, что и я понимаю это. Она только наблюдает, какой ценой дастся*

мне решение. Хорошо же, отвечу как принцесса и гессеритка.

Выдавив улыбку, Ирулан выпрямилась и обратилась к начальным строкам Литании против страха: *«Я не боюсь, я не должна бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его…»*

Когда спокойствие возвратилось, она подумала: *Ну и пусть… пусть себе жертвуют мною. Я покажу им, чего стоят принцессы. Хотя бы тем, что Сестры получат за меня больше, чем ждут.*

И, обменявшись с Преподобной несколькими словесными банальностями, Ирулан удалилась.

Когда она вышла, Преподобная Мать вернулась к прерванным раздумьям над Таро, разложив карты «огненным вихрем». Из Большого Аркана сразу же вышел Квисатц Хадерах, карта эта соединялась с Восьмеркой Кораблей — сивиллой, одураченной и преданной. Недоброе предзнаменование, у врагов оставались скрытые возможности.

Отвернувшись от карт, она с тревогой подумала: *Неужели Ирулан все-таки погубит их?*

* * *

В глазах фрименов она неразрывно связана с Землей, полубогиня-хранительница, защищающая племена всей своей губительной мощью. Для них она – Преподобная Преподобных. Как полагают паломники, она возвращает мужчинам утраченную мужскую силу, исцеляет бесплодие… а еще она для них ментат навыворот. В ней воплощена достигающая предела тоска человека по тайне. Она – живое свидетельство того, что у логики есть свои ограничения, границы, вне которых она бессильна. Она – воплощение абсолютной напряженности. Дева и девка одновременно – она остроумна, вульгарна, жестока… прихоти ее губительны, словно кориолисова буря.

(Из отчета принцессы Ирулан о Святой Алие, Деве Ножа)

Черная фигура Алии застыла, как часовой, на южной платформе посвященного ей храма, Святилища Оракула, — фримены Пауля воздвигли храм рядом с крепостью.

Эту часть своей жизни она ненавидела, но не знала, как уклониться, не погубив сразу всех. Число паломников — проклятье на их безумные

головы! — день ото дня умножалось. Двор храма уже был заполнен ими. Повсюду сновали торговцы, ворожеи, гаруспики[2], гадатели жалким подражанием Паулю Муад'Дибу и его сестре зарабатывали свои гроши.

Разносчики вовсю торговали колодами Таро Дюны в красных и зеленых упаковках. Алия не переставала удивляться — кто только выбросил эти штуки на рынок Арракина? Почему интерес к Таро вспыхнул именно теперь? Чтобы замутить будущее? Пряность наделяла каждого, кто принимал ее, некоторой способностью к предвидению. Ну а фримены всегда особенно отличались этим. Случайно ли, что сейчас они повсюду бормочут о приметах и знамениях? Она решила при первой же возможности заняться этим вопросом.

С юго-востока задувал ветер, легкий бриз, укрощенный громадным каменным валом. Кромка скал Барьерной Стены оранжево светилась сквозь легкую пыльную пелену, отражая лучи опускавшегося к горизонту солнца. Горячий ветер тронул ее щеки, напомнив о родных песках, об открытых и безопасных просторах.

Остатки сегодняшней толпы уже спускались с

[2] Сноски: 2

Предсказатели будущего по внутренностям животных (первоначально у этрусков, затем у римлян).

широких ступеней нижнего портика, выложенных зеленым камнем, люди шли по одному и группами, кое-кто задерживался поглядеть на сувениры и амулеты на лотках уличных торговцев, заводил разговор с заклинателями. Паломники, просители, городской люд, фримены, торговцы… неровной цепочкой возвращались они к центру города по обсаженной пальмами аллее.

Взгляд Алии отыскал фрименов, отметил суеверное преклонение на их лицах, дикарскую привычку держаться в стороне ото всех. В них была сила ее и всегдашний источник угрозы. Они по-прежнему ловили гигантских червей для путешествий, удалого развлечения и жертвоприношений. Пилигримов с иных миров они презирали, городской люд — жителей низин и грабенов — еле-еле терпели, а циничных, с их точки зрения, уличных торговцев яро ненавидели… Вольного или, как говорили в городах, «дикого» фримена не стоило задирать нигде, даже в святилище Алии. В святых местах, конечно, никакой резни не случалось, просто потом где-нибудь находили тела…

Над толпой клубилась пыль. Кремнистый запах щекотал ноздри Алии, внушая ей ностальгию по просторам Пустыни. Воспоминания только

обострились после появления гхолы. Сколько удовольствий приносили эти бесхитростные дни, когда брат ее еще не взошел на трон… находилось время на шутки, на всякие мелочи, можно было позволить себе просто насладиться прохладным утром или закатом… Сколько же тогда его было — времени… времени… времени… Даже опасности были тогда добрыми — смерть приходила известным путем. И не было необходимости вечно напрягать свои силы — заглядывать в будущее, за туманную пелену, в разрывах которой лишь изредка теперь проглядывало грядущее.

…Вольные фримены правильно говорили: есть четыре вещи, которые не спрячешь — любовь, дым, столб пламени и мужчина, шагающий по бледу — каменистой Пустыне.

С внезапным отвращением Алия отступила с террасы в сумеречные помещения храма, прошла вдоль балкона, тянувшегося вдоль роскошного Зала Пророчеств. Под ногами ее скрипел песок. Вечно эти просители наносят его в Святые Палаты. Не обращая внимания на прислугу, охрану, вездесущих сикофантов — жрецов Квизарата, она направилась по спиральному коридору наверх, в собственные апартаменты. Оказавшись среди диванов и толстых ковров работы Пустынных

мастериц, она отпустила фрименских амазонок, отобранных Стилгаром для ее охраны. Или скорее надзора! Бормоча возражения, они удалились: ее они все-таки боялись больше, чем Стилгара. Алия сбросила с себя всю одежду — оставив только крис на шнурке, — отправилась принимать ванну.

Теперь Алия ощущала — он близок, этот таинственный мужчина из будущего; она всегда знала, что он ждет ее, но увидеть не могла. А потому злилась, что при всем своем пророческом даре не могла представить себе во плоти этот призрак. Лишь изредка он отбрасывал тень на иные жизни, известные ей. Случалось, что по ночам, когда невинность томило желание, Алия угадывала неясный силуэт, он все время прятался за размытым горизонтом, и ей все казалось, что, если хорошенько захотеть, она увидит его. Так и таился он, незримый, не давая ей покоя… свирепый, опасный и аморальный.

В ванной комнате ее окутал влажный теплый воздух. Привычку эту она обнаружила среди воспоминаний бесчисленных Преподобных Матерей, жемчужным ожерельем нанизанных на нить ее сознания. Вода, теплая вода ласкала ее кожу. Вокруг утопленной в пол ванны на зеленых

плитках играли красные рыбки… как в море. Здесь было столько воды, что в недавнем прошлом фримены пришли бы в ярость, узнав, что подобное изобилие расходуется — на омовение человеческой плоти!

Он близок.

Смесь сладострастия со стыдливостью, думала она. Плоть ее алчет мужчину. Для Преподобной Матери, распоряжавшейся тауоргиями сиетчей, в сексе не было тайн. Общее сознание тау, всей его сущности в нужный момент могли предоставить ей любую подробность.

Ощущение близости исходило от плоти, ищущей другую плоть.

Жажда действия победила расслабленность, приносимую теплой водой.

Резко поднявшись из ванны, нагая Алия, оставляя за собой влажные следы, перебежала в тренировочный зал, примыкавший к ее спальне. Длинный зал был заставлен разными хитрыми приспособлениями, с помощью которых адепты Бене Гессерит настраивались на предельную физическую и умственную готовность. Там были мнемонические усилители, иксианские «числовые мельницы», используемые Сестрами для развития чувствительности пальцев рук и ног,

синтезаторы запахов и температурных полей, усилители тактильного восприятия, системорегистраторы — их применяли, чтобы избежать образования ненужных привычек, тренажеры коррекции альфа-ритма, блинк-синхронизаторы, чтобы совершенствовать восприятие света, тьмы и цветов спектра.

Собственной рукой ее вдоль одной из стен десятисантиметровыми буквами мнемонической краской была начертана цитата из «Кредо» Бене Гессерит:

«До нас процесс обучения засорялся инстинктами. Мы же научились тому, как следует учиться. Предшественники наши страдали узостью взгляда, огражденного рамками одной только жизни. Им и в голову не приходило начинать исследования в расчете на пятьдесят или более поколений. О возможности осуществления тотальной тренировки мышц и нервов никто не помышлял».

Вступив в тренировочный зал, Алия мельком заметила собственное многоликое отражение в хрустальных призмах. Тренировочный манеж. Длинный меч дожидался ее на подставке напротив спарринг-манекена. Алия подумала: придется сегодня попотеть, потрудиться до изнеможения… чтобы утомилась плоть и очистился ум.

Меч привычно лег в ее руку. Левой рукой она выхватила крис из висевших на груди ножен и, держа его на изготовку, кончиком меча нажала на кнопку включения. Немедленно ожившее поле щита спарринг-манекена медленно и твердо отодвинуло ее руку.

Засверкали призмы, спарринг-манекен скользнул влево.

Меч Алии следовал за ним; девушке часто казалось, что манекен живет собственной жизнью. Но это были всего лишь сервомоторы и сложные контуры, умело отвлекающие глаза от опасности, чтобы обмануть и тем самым научить. Сложная машина копировала ее собственные реакции, как анти-я; двигалась, отвечая ее движениям, мерцала светом на призмах, нападала и защищалась.

Из призм навстречу ей разом ударили отражения мечей, но только один был настоящим; она отразила удар и, преодолевая сопротивление щита, кончиком меча коснулась спарринг-манекена. Ожил огонек маркера, замерцали огни в призмах… лишь еще более отвлекая внимание.

Машина уже атаковала с новой скоростью — чуть побыстрее, чем прежде.

Она отразила удар и, дерзко шагнув в опасную зону, поразила устройство ножом.

В глубине призм засветилось уже два огонька.

Автомат задвигался быстрее, выдвинулся вперед, словно притянутый движениями ее тела и кончика меча.

Атака — удар — контрудар.

Атака — удар — контрудар.

Загорелось уже четыре маркера, машина становилась опаснее, с каждым огоньком труднее было понять, где находится истинный клинок.

Пять огней.

На обнаженном теле ее сверкали бисеринки пота. Она существовала теперь во Вселенной, границами были ее собственный меч, меч мишени, ее босые ноги, переступающие по полу фехтовального зала… Нервы и мышцы — движения против движения.

Атака — удар — контрудар.

Шесть огней… семь.

Восемь!

Она никогда еще не отваживалась на спарринг на этом уровне.

Внутри ее тела забившийся в угол разум скулил и молил прекратить безрассудство. Машина вместе со всеми ее призмами и мишенью не ведает осторожности… она не думает, она не испытывает угрызений совести. И клинок в ней самый

настоящий… иначе в тренировке нет смысла. Его острие способно и ранить, и убивать. Лучшие фехтовальщики Империи прекращали схватку при семи огоньках.

Девять!

Высший восторг охватил Алию. Атакующий нож и спарринг-манекен мелькали перед глазами, сливаясь в мерцающий морок. Собственный меч словно ожил в руке. Она превратилась в антимашину. Не она орудовала клинком — меч властвовал над всем ее телом.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то мелькнуло возле плеча и, замедленное щитом, ударило в выключатель. Огни померкли. Призмы и спарринг-манекен замерли.

Разгневанная вторжением Алия резко обернулась, успев на ходу лишь осознать невероятное мастерство, с которым был сделан бросок. Он был выверен до непостижимой точности, к щиту нож подошел с нужной скоростью: чуть быстрее — и щит отразил бы его, чуть медленнее — и нож бы не попал в цель.

Но он ударил прямо в миллиметровый выступ мишени — а ведь манекен сиял уже одиннадцатью огнями!

Алия поняла, что начинает успокаиваться, словно в ней, как на спарринг-манекене, начинают гаснуть огни. Кто бросил этот нож, было понятно.

Пауль стоял в дверном проеме, в трех шагах позади него — Стилгар.

Осознав собственную наготу, Алия подумала, что следовало бы прикрыться, потом сочла подобную мысль смешной. Что глаза уже видели, то из памяти просто так не сотрешь. И она медленно опустила нож в ножны на шее.

— Так я и знала, — произнесла она.

— Надеюсь, что ты представляешь, насколько это опасно, — бросил Пауль. Он оглядел ее, стараясь уловить все реакции лица и тела. Разрумянившуюся кожу, влажные пухлые губы. Она встревожила его женственностью, прежде Пауль не замечал ничего подобного в своей сестре. Он даже подумал, как странно вдруг обнаружить в ком-то столь близком незнакомое свойство, так не укладывающееся в привычную схему взаимоотношений, казавшуюся уже неизменной.

— Это же просто безумие, — еле выдохнул Стилгар, становясь рядом с Паулем.

За гневными словами слышалось благоговение, Алия видела трепет в его глазах.

— Одиннадцать огней, — Пауль покачал головой.

— Я дошла бы и до двенадцати, если бы ты не вмешался, — ответила она, уже начиная бледнеть под его пристальным взглядом. — Зачем же в этой проклятой штуке столько огней, если их нельзя использовать?

— И это сестра Бене Гессерит спрашивает меня о причинах, по которым система остается не ограниченной в усложнении своих действий? — проговорил Пауль.

— Но ты-то, я уверена, и за семь не заходил, — ответила она, вновь начиная сердиться. Этот изучающий взгляд уже начинал досаждать ей.

— Однажды, — отвечал Пауль, — Гурни Халлек застукал меня на десяти. Последовало наказание, достаточно унизительное, и я даже теперь не скажу, что он сделал. Кстати, об унижениях…

— Надеюсь, в следующий раз вы будете предупреждать о своем приходе, — перебила его Алия, скользнув мимо Пауля в спальню. Там она накинула просторное серое одеяние и принялась расчесывать волосы перед зеркалом на стене. Кожа ее была потной, она ощутила вдруг грусть, словно после соития… Ей захотелось опять принять ванну и лечь спать.

— Зачем вы явились? — спросила она.

— Милорд, — проговорил Стилгар совершенно необычным тоном, и Алия внимательно взглянула на него.

— Мы пришли по предложению Ирулан, каким бы странным оно ни показалось тебе. Она считает, а у Стила есть подтверждение, что наши враги собираются…

— Милорд! — еще более резко бросил Стилгар.

Алия продолжала смотреть на старого наиба, а брат ее вопросительно повернул голову. Что-то в старом фримене заставило ее подумать о том, насколько он первобытен. Стилгар верил в близость мира сверхъестественного. И мир этот говорил со старым язычником простым языком, не позволяя тому усомниться. Мир естественный и свирепый, он не поддавался контролю, в нем напрочь отсутствовали общепринятые в империи моральные принципы.

— Да, Стил, — ответил он. — Ты сам хочешь сказать ей о цели нашего прихода?

— Сейчас не время говорить об этом, — отвечал Стилгар.

— Отчего же, Стил?

Тот не отводил глаз от Алии.

— Сир, или вы ослепли?

С чувством неловкости Пауль обернулся к сестре. Из всех его помощников лишь один Стилгар осмеливался разговаривать таким тоном, но и старый фримен, дерзая на это, применялся к обстоятельствам.

— Ей же необходим мужчина! — выпалил Стилгар. — И у нас будут неприятности, если не выдать ее замуж, и побыстрее.

Алия отвернулась, пряча внезапно раскрасневшееся лицо. *Как он умудрился достать меня,* удивилась она. Даже самоконтроль Бене Гессерит не в силах был предотвратить такую реакцию. Как это удалось Стилгару, ведь он не знаком с тайнами Голоса? Она была недовольна собой и потому сердилась.

— Послушайте Стилгара Великого! — отвечала она, отвернувшись от обоих мужчин, слыша строптивость в своем голосе, но не в силах воспротивиться ей. — «Наставления старого фримена девицам!»

С глубочайшим достоинством в голосе Стилгар произнес:

— Я люблю вас обоих, поэтому и говорю. Если бы я был слеп настолько, чтобы не замечать, что связывает мужчин и женщин, то не смог бы и стать вождем среди фременов. Для этого не требу-

ется никаких сверхъестественных способностей.

Взвесив слова Стилгара, Пауль вновь обратился к оценкам… в том числе и собственной чисто мужской реакции на наготу сестры. Да — в Алие была заметна чувственность, что-то яростно распутное. Что заставило ее заняться тренировками обнаженной? И еще так отчаянно и бездумно рисковать жизнью. Одиннадцать огней в призмах фехтовального автомата! Безмозглое устройство в этот миг показалось ему древним чудовищем. Все властители использовали такие машины, но в этом оставался намек на древнюю безнравственность. Да, когда-то подобные устройства управлялись компьютерами и обладали искусственным интеллектом. Джихад Слуг покончил с этим, но не смог уничтожить ауру «аристократического порока», исходящую от подобных устройств.

Конечно же, Стилгар прав. Алие пора подыскать мужчину.

— Я этим займусь лично, — произнес Пауль. — Мы с Алией обсудим этот вопрос позже, с глазу на глаз.

Алия обернулась, внимательно посмотрела на Пауля. Зная механику его рассудка, она отдавала себе отчет в том, что решение это принято

ментатом — уложившим в должном порядке все несчетные кусочки информации. Осознание это было бесповоротным — столь же неизбежным, как движение. Выводы ментатов отражали в себе часть высшего порядка Вселенной — грозного и неотвратимого.

— Сир, — начал Стилгар, — быть может…

— Потом! — отрезал Пауль. — Это не единственная наша проблема.

Прекрасно понимая, что она не может соперничать с братом в том, что касается логики, Алия способом Бене Гессерит заставила себя отвлечься от событий нескольких последних минут.

— Значит, тебя прислала Ирулан? — произнесла она, ощущая опасность, таящуюся в самой этой мысли.

— Косвенно, — ответил Пауль. — По ее сведениям, Гильдия намеревается похитить песчаного червя.

— Они хотят выкрасть небольшого червя, чтобы попытаться перенести меланжевый цикл на какую-нибудь дальнюю планету, — произнес Стилгар. — Значит, обнаружили подходящий для этого мир.

— Это значит еще, что им помогают фримены, — добавила Алия. — Как может чужак

поймать червя?

— Ах-хх, это-то ясно без слов, — отвечал Стилгар.

— Ничего подобного, — отвечала Алия, рассерженная подобной тупостью. — Пауль, ты, конечно…

— Гниль распространяется, — перебил ее Пауль. — Мы давно знаем об этом. Но выбранной ими планеты я не *видел.* И это тревожит меня. Если они…

— Только это тебя тревожит? — бросила Алия. — Просто навигаторы Гильдии прячут ее от тебя, как и Тупайльские убежища.

Стилгар открыл и снова закрыл рот. Он был потрясен и поглощен ощущением, что оба его идола вдруг обнаружили святотатственную слабость.

Почувствовав его беспокойство, Пауль произнес:

— Да, проблема не терпит промедления! Алия, меня интересует твое мнение. Стилгар предлагает разослать патрули по всей открытой Пустыне, усилить охрану сиетчей. Быть может, мы сумеем тогда засечь место посадки и предотвратить…

— Даже если их прикрывает Гильд-навигатор? — спросила Алия.

— Они идут на все, не так ли, — согласился

Пауль, — поэтому я здесь.

— Значит, они видели нечто, скрытое от нас с тобой? — спросила Алия.

— Именно.

Алия кивнула, вспомнив опять о новой игре — о Таро Дюны. Опасения возвратились.

— Набросили на нас покрывало, — проговорил Пауль.

— С необходимым количеством патрулей, — начал Стилгар, — мы можем предотвратить…

— Предотвратить нельзя ничего… и никогда… — произнесла Алия. Ей не нравилась ограниченность Стилгара, не позволявшая фримену заметить важные подробности. Таким Стилгара она не помнила.

— Придется исходить из того, что червя они добудут, — произнес Пауль. — Но вот сумеют ли они наладить меланжевый цикл на другой планете — это другой вопрос. Одного обладания червем для этого мало.

Стилгар переводил взгляд от брата к сестре. Экологические познания были глубоко впечатаны в его память всей жизнью в сиетче, он понимал, что пойманный червь может выжить лишь на кусочке Арракиса — с песчаным планктоном, с Маленькими Податателими и всем прочим. Гиль-

дия взялась за нелегкое, но все же реальное дело. Или причины его тревоги коренятся в ином?

— Значит, в своих видениях ты не видишь действий гильдийцев? — осведомился Стилгар.

— Проклятие! — взорвался Пауль.

Алия видела, как по лицу Стилгара пробегают тени мыслей. Старый фримен скован верой в сверхъестественное. Магия! Магия! Увидеть будущее — да это все равно что украсть священный огонь из храма. Как это опасно и… привлекательно, пусть дерзкий и рискует погубить свою душу. Из бесформенных и опасных теней смельчак может принести опору и могущество. Но теперь Стилгар начал ощущать и другие силы, еще более грозные — там, за неизведанным горизонтом. Королева-колдунья и друг-пророк обнаружили опасную слабость.

— Стилгар, — произнесла Алия, пытаясь удержать его, — ты стоишь в ложбине между двух дюн. А я на гребне. Я вижу то, что тебе не видно. В том числе и горы, скрывающие далекие страны.

— Но есть и такое, что укрыто даже от вас, — возразил Стилгар, — вы оба всегда это говорили.

— Всякая сила ограниченна, — произнесла Алия.

— А опасность ведь может прийти из-за гор, —

отозвался Стилгар.

— Конечно, — согласилась Алия.

Стилгар кивнул, не отводя глаз от лица Пауля.

— Но всякому, кто придет из-за гор, придется идти по песку.

* * *

Кто может затеять в этой Вселенной игру более безрассудную, чем властелин, попытавшийся править, опираясь на пророчества?.. Мы считаем себя недостаточно мудрыми и отважными, чтобы рискнуть на это. Изложенные ниже детали, насколько это возможно, поясняют действия правительства в той мере, в какой это безопасно. Воспользуемся для удобства определением Бене Гессерит, считающим миры источниками наследственности, местом рождения учений и учителей, местопребыванием всего существующего. И мы не стремимся править – мы стремимся использовать эти генетические возможности, чтобы учиться, чтобы освободить себя от ограничений, налагаемых интересами общества и правительством.

(«Оргия как инструмент государственного правления». Руководство Гильд-навигатора, глава третья)

— Не здесь ли умер ваш отец? — спросил Эдрик, прикоснувшись тонким лучом световой указки к выложенному искрящимися драгоценными

камнями знаку на одной из рельефных карт, украшавших приемную Пауля.

— Это гробница, в которой покоится его череп, — ответил Император, — отец мой погиб пленником на фрегате Харконненов, здесь, в котловине под нами.

— Ах да, теперь я припоминаю, — проговорил Эдрик, — и он убил своего кровного врага, старого барона Харконнена.

Надеясь, что движения его не выдают даже крохи того ужаса, который вселяли в него маленькие и замкнутые помещения, Эдрик развернулся в своем контейнере лицом к Паулю, сидевшему на длинном диване, сером с черными полосами.

— Барона убила моя сестра, — сухо поправил его Пауль. — Перед битвой при Арракине.

Зачем нужно этой человекоподобной рыбе, подумал он, *бередить старые раны именно теперь?*

Навигатор, похоже, начинал проигрывать в долгой битве с собственными нервами. Движения его потеряли былую плавность. Крошечные глаза Эдрика метались… высматривали, взвешивали. Единственный провожатый его стоял в приемной неподалеку от выстроившейся вдоль стены стражи, слева от Пауля.

Помощник этот — жирный, толстошеий ува-

лень, равнодушно озиравшийся по сторонам, — смущал Пауля. Он шествовал, подталкивая вперед скользящий на силовой подвеске контейнер с Эдриком, а в походке его угадывалась поступь душителя.

Скитале, назвал его Эдрик, *Скитале, адъютант.*

Пусть внешность помощника буквально кричала: «Это тупица!», но глаза выдавали его — они осмеивали все, на что падал их взгляд.

— Вашей наложнице, кажется, понравилось представление лицеделов, — проговорил Эдрик. — Рад, что сумел доставить ей небольшое удовольствие. На нее просто приятно было посмотреть, когда вся труппа разом изобразила ее черты.

— А что слышно о гильдийцах, дары приносящих? — спросил Пауль, вспоминая представление, данное здесь же, в Большом Зале. Лицеделы то выступали в обличии карт Таро Дюны и кружили по залу, то как бы случайно сливались в огненном вихре, то распадались на группы древних гадальных сочетаний. Следующим номером чередой проследовали властители — короли и императоры, лики с древних монет — официальные и строгие, но как бы текучие. Были и шутки:

сам Пауль, то есть его копия, а потом Чани, длинная череда одних только Чани, от одного края сцены до другого. Прошествовал и Стилгар — настоящий Стилгар при этом ежился и ворчал, остальные смеялись.

— Наши дары подносятся с наилучшими намерениями, — принялся возражать Эдрик.

— Насколько же добры эти самые намерения? По словам вашего гхолы, он предназначен, чтобы погубить нас.

— Погубить вас, сир? — с абсолютной невозмутимостью отвечал Эдрик. — Разве можно погубить бога?

Вошедший на этих словах Стилгар бросил свирепый взгляд на стражу: она находилась много дальше от Пауля, чем следовало бы.

— Все хорошо, Стил, — Пауль остановил Стилгара движением руки, — всего лишь дружеская пикировка. А почему бы не пододвинуть контейнер с послом поближе к моему дивану?

Мгновенно взвесив последствия, Стилгар подметил, что контейнер, хотя и окажется возле Пауля, заслонит его от рослого помощника…

— Все хорошо, Стил, — повторил Пауль, кодовым жестом руки подтверждая приказ.

С явным неудовольствием Стилгар пододви-

нул емкость поближе. Ему не нравился даже густой запах Пряности, в котором словно купался контейнер. Он остановился возле угла его под кружащим репродуктором, через который доносились слова Гильд-навигатора.

— Убить *бога?* — переспросил Пауль. — Интересно, но кто же это решил, что я бог?

— Те, кто поклоняется вам, — улыбнулся Эдрик, глядя в упор на Стилгара.

— Неужели и вы в это верите? — спросил Пауль.

— Сир, речь не о том, во что я верю, — отвечал Эдрик, — но со стороны многим кажется, что вы вознамерились объявить себя богом. Кое-кто мог бы задуматься — в силах ли смертный дерзнуть на подобное… и уцелеть?

Пауль изучал гильдийца. Отвратительное, но сметливое создание. Пауль и сам задавал время от времени этот вопрос. Конечно, сам-то он видел достаточно временных перспектив, сулящих вещи похуже, чем святотатство. Куда хуже. Но чтобы и навигатор мог углядеть в будущем подобные подробности… Зачем ему знать? Чего хочет добиться Эдрик подобной дерзостью? Мысли Пауля замелькали: за этим ходом кроется связь с тлейлаксу; недавняя победа джихада на Симбу

сказывается на действиях Эдрика; проглядывают верования Бене Гессерит.

Мозаика из множества фрагментов информации сливалась в мысли; на расчетный транс ушло секунды три, не более.

— Не оспаривает ли навигатор открывшегося в предвидениях? — спросил Пауль, увлекая Эдрика в область, где тот не силен.

Навигатор вдруг встревожился, но быстро взял себя в руки, разразившись длинным афоризмом:

— Ни один разумный человек не станет сомневаться в словах пророка. Люди прибегали к оракулам с древнейших времен. В сети пророчеств можно запутаться в самый неожиданный момент. К счастью, в нашей Вселенной действуют и прочие силы.

— Неужели они сильнее предвидения? — наступал Пауль.

— Если бы людям дано было одно только предвидение и на него приходилось бы полагаться во всем, — оно бы само себя уничтожило, поскольку обращалось бы само к себе, постепенно вырождаясь.

— Так всегда и бывает с людьми, — согласился Пауль.

— В лучшем случае пророческий дар опасен, —

отвечал Эдрик, — даже если удастся не спутать видения будущего с галлюцинациями!

— Неужто мои видения всего лишь галлюцинации? — с притворной печалью спросил Пауль. — Или же ты имеешь в виду, что галлюцинируют верующие в меня?

Ощущая растущую напряженность, Стилгар на шаг пододвинулся к Паулю, не отрывая глаз от висящего в контейнере гильдийца.

— Сир, вы искажаете мои слова, — запротестовал Эдрик, и в словах его ощущалась странная угроза.

Неужели покушение? — думал Пауль. *Прямо здесь? Они не осмелятся. Или же,* тут он бросил взгляд на стражу, *те, кто оберегает меня, обернутся врагами?*

— Вы обвиняете меня в злом умысле, по-вашему, я плету какие-то козни, чтобы стать богом? — тихо произнес Пауль, так, чтобы его слышали только Стилгар и Эдрик. — В злом умысле?..

— Быть может, я неудачно выбрал слова, — запротестовал Эдрик.

— Весьма показательная оговорка; она свидетельствует, что вы всегда ждете от меня худшего.

Эдрик повернул голову и с опаской покосился на Стилгара.

— Сир, люди всегда ждут худшего от могущественных и богатых. По этому признаку всегда можно узнать аристократа: он обнаруживает лишь те пороки, которые способствуют его популярности.

Лицо Стилгара передернулось.

Подняв глаза на старого фримена, Пауль прочитал на лице его возмущение. Как смеет этот гильдиец так разговаривать с Муад'Дибом?

— По-моему, вы не шутите, — утвердительно сказал Пауль.

– *Шучу,* сир?

Пауль вдруг почувствовал, что рот его пересох. В комнате сразу стало слишком много людей, слишком уж много легких вдыхало воздух. В самом запахе меланжи от контейнера Эдрика чудилась опасность.

— И кто же мой соучастник в подобном сговоре, — будничным тоном произнес Пауль. — Не Квизарат ли?

Эдрик пожал плечами, оранжевые вихри заклубились возле его головы. Стилгар его более не беспокоил, но фримен все еще яростно глядел на навигатора.

— Или же вы хотите сказать, что все миссионеры моих святых Орденов лгут… *все до*

единого? — настаивал Пауль.

— В каждом конкретном случае это зависит от степени собственной заинтересованности и искренности, — отвечал Эдрик.

Стилгар опустил руку за пазуху, к крису.

Качнув головой, Пауль произнес:

— Значит, вы и меня обвиняете в неискренности?

— Сир, слово «обвинять» мне кажется здесь неуместным.

Смел же! — подумал Пауль и сказал:

— Уместно это слово или нет, но вы утверждаете, что и мои епископы, и сам я всего лишь честолюбивые бандиты.

— Честолюбивые, сир? — Эдрик вновь поглядел на Стилгара. — Чем больше власти заключено в руках одного человека, тем более отдаляется он от прочих людей. Властелины постепенно теряют всякое представление о действительности… и тогда власть их рушится.

— Мой господин, — скрипнул зубами Стилгар, — вы посылали людей на казнь за меньшее!

— Так это людей, — отозвался Пауль, — а перед тобой посол Гильдии.

— Он обвиняет вас в святотатстве и лжи! — воскликнул Стилгар.

— Меня интересует его манера мышления, — сказал Пауль. — Сдержи гнев и будь наготове.

— Как велит Муад'Диб.

— Скажи тогда, навигатор, — спросил Пауль, — как могли бы мы осуществить эту гипотетическую затею — при невообразимых расстояниях, на протяжении длительного времени, тем более что у нас нет возможности приглядеть за каждым храмом и священником Квизарата?

— Что для вас время? — спросил Эдрик.

Стилгар озадаченно нахмурился. *Муад'Диб часто говорил, что прозревает через покровы времени,* думал он. *Не это ли имеет в виду гильдиец?*

— Надувательство такого масштаба немыслимо, рано или поздно обман лопнет, — бросил Пауль. — Пойдут расколы, ереси… сомнения, признания во лжи… И всё — конец вселенской афере.

— Чего не спрячет государственная религия и собственные интересы, покроет правительство, — проговорил Эдрик.

— Ты испытываешь пределы моего терпения? — спросил Пауль.

— Или в моих аргументах имеются очевидные изъяны? — возразил Эдрик.

Напрашивается на нож, размышлял Пауль. *Предлагает себя в качестве жертвы? Зачем?*

— Я лично предпочитаю легкий цинизм, — испытующим тоном проговорил Пауль. — Вижу, ты явно искушен во всей лжи и уловках правителей, в двусмысленных речах властелинов. Язык — твое оружие, им ты испытываешь мою броню.

— Легкий цинизм, — отвечал Эдрик, растягивая тонкий рот в улыбке. — Все правители во все времена циничны в том, что касается религии. Ведь религия тоже оружие. И оружие еще более мощное, когда религия и власть объединяются.

Пауль вдруг притих, ощутив необходимость в величайшей осторожности. К кому обращается Эдрик? Чертовски умно и тонко, намеки и этот скрытый юмор. Посол словно бы стремится подчеркнуть: они с Паулем — двое посвященных, которым открыты просторы, неведомые простым смертным. С невольным смятением Пауль понял, что вся эта риторика предназначалась вовсе не ему, а Стилгару, страже, рослому помощнику посла, наконец.

— Эта религиозная мана[3] была мне навязана, — отвечал Пауль, — я ее не добивался. — А

---

[3] Сноски: 3
Сверхъестественная сила, полинез.

сам подумал: «Хорошо, пусть этот рыбо-человек решит, что остался победителем в словесном поединке!»

— Тогда почему же вы не разоблачили обман, сир? — спросил Эдрик.

— Увы, не в силах, — отвечал Пауль, внимательно вглядываясь в лицо Эдрика. — Из-за сестры. Ведь она и в самом деле богиня. И держись осторожнее в ее присутствии, не то она сразит насмерть взглядом.

Насмешливая улыбка сменилась на лице Эдрика смятением.

— Я говорю вполне серьезно, — продолжал Пауль, наблюдая за послом. Стилгар согласно кивал.

Бесцветным тоном Эдрик ответил:

— Сир, вы подорвали мою веру в вас. Не сомневаюсь, что таково и было ваше намерение.

— Не слишком полагайся на то, что тебе известны мои намерения, — отвечал Пауль, давая знак Стилгару, что аудиенция окончена.

Стилгар в ответ жестом же спросил, следует ли убить Эдрика. Пауль ответил повелительным отрицанием, чтобы Стилгар не вздумал проявлять инициативу.

Скитале, помощник Эдрика, подошел к заднему

углу контейнера, легонько толкнул его к двери. Оказавшись напротив Пауля, он вдруг поглядел на него смеющимся взглядом и спросил:

— Не угодно ли будет господину моему выслушать?

— Да, в чем дело? — отвечал Пауль, отметив мгновенную реакцию Стилгара на опасность, которую мог представлять этот человек.

— Некоторые утверждают, — проговорил Скитале, — что люди льнут к Императорской власти потому лишь, что пространство бесконечно. Они чувствуют себя одинокими, если их не объединяет символ. Для любого человека Император — это прежде всего нечто конкретное. Можно посмотреть на него и сказать: глядите, вот он, Тот, что объединяет нас. Быть может, милорд, и религия преследует ту же самую цель.

Мило улыбнувшись, Скитале еще раз подтолкнул контейнер с Эдриком. Так они оставили приемную. Эдрик покоился в своем контейнере с закрытыми глазами. Навигатор словно вдруг выдохся, вся энергия как будто оставила его.

Пауль глядел в удалявшуюся спину Скитале, удивляясь его словам. *Интересная личность этот Скитале,* подумал он. Пока он говорил, казалось, что это не один человек, а несколько,

словно бы наследственность его принадлежала нескольким личностям.

— Странно все это, — проговорил Стилгар, ни к кому не обращаясь.

Едва стража сомкнулась за Эдриком и его сопровождающим, Пауль поднялся с дивана.

— Странно, — повторил Стилгар. На виске его билась жилка.

Пригасив свет, Пауль подошел к окну, выходившему в угол между двух утесов — стен его крепости. Где-то внизу поблескивали огоньки, казавшиеся отсюда пигмеями, рабочие переносили огромные блоки пластмелда для починки фасада Храма Алие — недавняя буря обрушила на него сокрушительный удар.

— Глупо, Усул, впускать подобного гостя в эти палаты, — проговорил Стилгар.

Усул, подумал Пауль. *Мое имя в сиетче. Стилгар напоминает, что командовал мною когда-то, что спас меня от смерти в Пустыне.*

— Почему ты это сделал? — спросил Стилгар откуда-то из-за спины Пауля.

— Данные, — отвечал Пауль. — Мне необходимы данные для расчетов.

— Разве это не опасно — встречать такую угрозу *только лишь* силами ментата?

Точно подмечено, подумал Пауль.

Расчеты ментата конечны по природе. Разве можно выразить безграничное в рамках, налагаемых любым языком? Однако и от ментата есть польза. Так он и ответил Стилгару.

— Что-нибудь всегда остается снаружи, — произнес Стилгар. — А кое-что вообще лучше там и держать.

— Или же внутри, — согласился Пауль. На миг он смирился со своими ограничениями как оракула и ментата. Это снаружи. А внутри крылся чистейший ужас. Как защититься от себя самого? Конечно, они добиваются, чтобы он сам погубил себя — но это просто ничто перед еще более жуткими перспективами.

Размышления его прервали торопливые шаги. Корба-квизара влетел в дверь, на миг мелькнув черным силуэтом в ослепительном свете. Внутрь приемной его словно метнула какая-то сила, но, ощутив царившую в ней задумчивость, он почти немедленно замер на месте. В руках его были катушки шигакорда. Они поблескивали в лучах солнца странными крохотными самоцветами. Круглые бриллианты мгновенно погасли, едва рука стражника притворила дверь.

— Вы здесь, милорд? — спросил Корба, вгляды-

ваясь в полумрак.

— В чем дело? — ответил вопросом Стилгар.

— Стилгар?

— Мы оба здесь. В чем дело?

— Я обеспокоен приемом, оказанным этому гильдийцу.

— Обеспокоен? — переспросил Пауль.

— Люди говорят, милорд, что вы кланяетесь нашим врагам.

— И это все? — произнес Пауль. — Это те самые ленты, которые я просил тебя принести? — он показал на катушки шигакорда в ладонях Корбы.

— Ленты… Ох! Да, милорд! Это те самые истории. Вы будете их просматривать здесь?

— Я видел их. Они необходимы Стилгару.

— Мне? — не без обиды удивился тот. Жест Пауля показался ему капризом. Истории! Стилгар дожидался Пауля, чтобы обсудить логическую цепь действий, необходимых для покорения Забулона. Разговор прервал своим визитом посол. А теперь еще Корба с этими историческими материалами!

— Интересно, насколько ты знаешь историю? — задумчиво произнес Пауль, обращаясь к тонущему в полумраке силуэту старого друга.

— Мой господин, я могу назвать каждый мир,

на котором обитал мой народ в своих скитаниях. Я знаю пределы Имперской…

— А Золотой Век? Землю? Ты не интересовался ими?

— Землю? Золотой Век? — озадаченный Стилгар рассердился. Зачем вдруг Паулю взбрели на ум стариннейшие из мифов? Разум Стилгара еще был полон информации о Забулоне, представленной штабными ментатами: две сотни и еще пять десантных фрегатов, тридцать легионов, вспомогательные батальоны, миротворческие силы, миссионеры Квизарата… Необходимые припасы (цифры были словно перед глазами), еда, меланжа… оружие, обмундирование, медали… урны праха погибших… некоторое количество специалистов: пропагандисты низшего уровня, клерки, бухгалтеры… шпионы… и шпионы среди шпионов.

— Я прихватил и синхронизатор, милорд, — заметил Корба. Он почувствовал напряженность и обеспокоился.

Стилгар покачал головой из стороны в сторону. Синхронизатор? Зачем Паулю понадобилось, чтобы к проектору присоединили мнемоническое устройство? К чему искать какие-то конкретные сведения в исторических материалах? Это же

дело ментата! Как всегда, Стилгар вновь ощутил глубокое предубеждение: опять эти искусственные приспособления! Подобные мероприятия всегда смущали его душу: в потоке фактов вечно обнаруживалась информация, о которой он и не подозревал.

— Сир, я пришел к вам с расчетами для Забулона! — начал Стилгар.

— Да на дегидрацию все забулонские расчеты! — отрезал Пауль, воспользовавшись непристойным фрименским словечком, означавшим, что речь идет о такой воде, к которой нельзя прикоснуться, не замаравшись.

— Мой господин!

— Стилгар, — начал Пауль, — тебе абсолютно необходимо обрести внутреннее равновесие, которое можно обрести, лишь учитывая долгосрочные эффекты. Корба принес с собою все те крохи информации о древних временах, которые уцелели после Бутлерианского джихада. Начнем с Чингисхана.

— Чингисхана? Кто-нибудь из сардукаров, милорд?

— Нет, он жил задолго до них. Он истребил… миллиона четыре людей.

— О, для этого требуется соответствующее ору-

жие, сир. Лучеметы или…

— Стил, сам он не убивал. Он тоже воевал чужими руками. Тоже рассылал свои легионы, как и я. Вот еще один император, о котором ты должен помнить. Его звали Гитлер. Этот погубил уже больше тридцати миллионов. Неплохо для того времени.

— Тоже руками легионов? — спросил Стилгар.

— Да.

— Не слишком впечатляющие цифры, милорд.

— Отлично, Стил. — Пауль поглядел на катушки шигакорда в руках Корбы. Тот стоял, мечтая только об одном: бросить все и убежать отсюда. — Вот другие цифры: по весьма умеренным оценкам, я истребил шестьдесят один миллиард людей, уничтожил всю жизнь на девяноста планетах, полностью деморализовал еще пять сотен миров. Я истребил последователей сорока религий, существовавших от…

— Это же неверные! — запротестовал Корба. — Неверные все до одного!

— Нет, — возразил Пауль, — они верили…

— Господин мой изволит шутить, — дрожащим голосом отвечал Корба. — Десяти тысячам миров джихад принес ослепительный свет.

— Не свет — навел тьму кромешную, — отвечал

Пауль. — После джихада Муад'Диба человечество будет приходить в себя сотню поколений. Трудно представить, чтобы люди не осознавали этого, — лающий смешок вырвался из его горла.

— Что так развеселило Муад'Диба? — спросил Стилгар.

— Я вовсе не радуюсь. Просто мне представился император Гитлер с подобными словами на устах. Конечно же, и ему они приходили в голову.

— Но ни у одного правителя еще не было такой мощи, — принялся возражать Корба. — Кто осмелится противостоять вам? Ваши легионы уже контролируют известную Вселенную и все…

— Легионы контролируют? — спросил Пауль. — Интересно, сами они знают об этом?

— А вы, сир, повелеваете своими легионами, — перебил Стилгар Императора. По тону его чувствовалось, что он внезапно осознал собственное место в длинной цепи наделенных властью, ведь вся эта мощь подчинялась его руке.

Направив таким образом мысли Стилгара в желательном направлении, Пауль обратил все свое внимание к Корбе.

— Положи записи сюда, на диван.

Когда Корба повиновался, Пауль произнес:

— Как проходит прием, Корба? Моя сестра пол-

ностью контролирует ситуацию?

— Да, милорд, — осторожным тоном отвечал Корба. — Чани следит за всем через потайное окошко. Она опасается, что среди гильдийцев могут затесаться сардаукары.

— Не сомневаюсь в ее правоте, — проговорил Пауль. — Шакалы сбиваются в стаю.

— Баннерджи, — Стилгар назвал имя шефа безопасности Императора, — уже выражал опасения, что они могут попытаться проникнуть в запретные апартаменты Цитадели.

— Они уже рискнули?

— Нет еще.

— Однако в парке имела место некоторая сумятица, — проговорил Корба.

— Какого рода? — требовательным тоном бросил Стилгар.

Пауль кивнул.

— Незнакомцы, — произнес Корба, — они входили и выходили, мяли растения, шептались… мне доносили о кое-каких возмутительных высказываниях.

— Например? — спросил Пауль.

— Ну, скажем, «так вот как расходуются наши налоги?». Мне сказали, что эту фразу произнес сам посол.

— Это неудивительно, — проговорил Пауль. — В садах было много чужаков?

— Несколько дюжин, милорд.

— Баннерджи расставил около дверей отборную стражу, милорд, — заговорил Стилгар. С этими словами он повернулся. Единственный оставшийся светильник осветил половину его лица. В скудном свете черты друга сразу напомнили Паулю что-то из их Пустынных времен. Он не стал припоминать обстоятельства — все внимание его было обращено на лицо Стилгара. На туго обтянутом кожей лице фримена отражались едва ли не все мысли, проскальзывающие в уме. Ныне он сомневался… его беспокоило необъяснимое поведение Императора.

— Мне не нравится вторжение в сады, — проговорил Пауль. — Одно дело вежливо встретить гостей… посольство все-таки, но это…

— Я распоряжусь, чтобы всех их выдворили, — вызвался Корба. — Немедленно!

— Подожди! — приказал ему Пауль, едва Корба стал поворачиваться к выходу.

Во внезапно наступившей тишине Стилгар переступил, так, чтобы видеть лицо Пауля. Сделано было великолепно. Пауль просто восторгался тем, как это делают фримены. Никакой прямо-

линейности, гибкость, хитрость и ловкость, к которым примешивается уважение к личности, порожденное необходимостью.

— Сколько сейчас времени? — спросил Пауль.

— Почти полночь, сир, — отвечал Корба.

— Иногда я думаю, Корба, что я и есть самое совершенное из моих творений, — сказал Пауль.

— Сир! — в голосе Корбы слышалась боль.

— А ты чувствуешь трепет передо мной? — спросил Пауль.

— Пауль Муад'Диб, звавшийся Усулом в нашем сиетче, — начал Корба, — тебе известна моя преданность...

— А ты не ощущаешь себя апостолом? — продолжал Пауль.

Корба не понял его, но тон истолковал правильно.

— Мой Император знает, что совесть моя чиста.

— Шаи-Хулуд, спаси нас! — пробормотал Пауль.

Невысказанные вопросы развеял свист, раздавшийся вдруг за дверью в зале. Свист умолк после резкой команды.

— Корба, мне кажется, ты переживешь все это, — проговорил Пауль и увидел огонек пони-

мания в глазах Стилгара.

— Но в садах чужаки, сир, — напомнил ему Стилгар.

— Ах да, — усмехнулся Пауль. — Пусть Баннерджи выставит всех, Стил. Корба поможет.

— Я, сир? — лицо Корбы выражало глубокое беспокойство.

— Кое-кто из моих друзей уже позабыл, что раньше они назывались Вольным Народом, — обратился Пауль к Корбе, слова свои предназначая Стилгару. — Запомни тех, кого Чани назовет сардаукарами, и прикажи убить всех. Сделай это. Пусть все будет сделано тихо, без ненужного шума. Не следует забывать, что законы веры и власти не сводятся к простому выполнению договоров и обрядов.

— Повинуюсь воле Муад'Диба, — прошептал Корба.

— А расчеты для Забулона? — спросил Стилгар.

— Завтра, — отвечал Пауль. — Когда в садах не останется чужаков, объяви, что прием закончен. Партия сыграна, Стил.

— Понимаю, милорд.

— Уверен в этом, — отвечал Пауль.

* * *

Вот бог поверженный лежит – он пал,
и низко пал.
Мы для того и строили повыше пьедестал.

(Эпиграмма тлейлаксу)

Алия сидела, уперев руки локтями в колени, положив на кулаки подбородок, и разглядывала останки: эти несколько источенных песком и ветром костей и лохмотья плоти недавно принадлежали молодой женщине. Остальное — руки, голову, верхнюю часть тела — сожрала кориолисова буря. Песок вокруг был теперь покрыт следами врачей и следователей, высланных по указанию ее брата. Все они уже разошлись, рядом с ней оставалась одна лишь похоронная команда — они стояли чуть в стороне. Хейт — среди них, ожидая, пока она завершит свое таинственное исследование.

Золотистое солнце струило теплый полуденный свет, как и положено в этих широтах.

Тело обнаружили несколько часов назад с низколетящего курьерского топтера — приборы вдруг зарегистрировали слабый водяной след там, где влаги не должно быть и в помине. После сообщения на место прибыли эксперты. Они узнали… что женщине этой было около двадцати

лет, что она — фременка и привержена семуте… Умерла она здесь, в Пустыне, от тонкого яда, изготовленного тлейлаксу.

Смерть в Пустыне для фременов естественна. Но семута… — такое случалось так редко, что Пауль послал ее проследить за всем так, как учила их мать.

Алия чувствовала, что ничего не достигла, только сгустила облако тайны, и без того уже охватившее здесь все. Услышав, как гхола провел ногой по песку, она поглядела на него. Лицо гхолы было обращено вверх, к эскорту, стаей ворон кружившему над ними.

Бойся Гильдии, дары приносящей, думала Алия.

Похоронный топтер вместе с ее собственным стояли на песке возле скалистого выступа позади гхолы. Мельком глянув на крылатые машины, Алия едва подавила в себе желание скорее взлететь… оказаться подальше от этого места.

Но Пауль решил, что она сумеет увидеть нечто, сокрытое от прочих. Она поежилась в дистикомбе. После проведенных в городе месяцев он казался неудобным. Она посмотрела на гхолу, подумала: *что, если он догадался о каких-нибудь обстоятельствах странной смерти?* Завиток его курчавых волос выбивался из-под капюшона

дистикомба. Рука ее так и тянулась заправить волосы на место.

Словно бы ощутив ее мысль, гхола обратил к ней поблескивавшие металлом глаза. Она затрепетала под пристальным его взором и отвернулась.

Фрименка умерла от яда, называемого «глоткой ада».

Фрименка. Привыкшая к семуте.

Она разделяла беспокойство Пауля, вызванное сочетанием этих фактов.

Похоронная команда терпеливо ждала. В трупе оставалось уже слишком мало воды, сберегать было нечего, можно не торопиться. И еще — они верили, что Алия тайным знанием читает судьбу той, кому принадлежали эти останки.

Но озарения не было.

И в глубине души рос гнев на этих простофиль. Вот они — результат проклятой ложной религиозности. Конечно же, и она сама, и ее брат — не народ. Власть должна пребывать на высотах. Об этом позаботились и Бене Гессерит, потрудившиеся над наследственностью Атрейдесов. Свою лепту добавила и их мать, наставившая своих детей в знании Пути…

И Пауль еще более усугубил этот отрыв от обыч-

ных людей.

Преподобные Матери пробудились в памяти Алии, вспышками адаба заговорили: *тихо, маленькая! Ты есть ты. Потому тебе и дано кое-что*.

Дано!

Она жестом подозвала гхолу.

Он встал перед нею, внимательный и терпеливый.

— И что ты об этом думаешь? — спросила она.

— Скорее всего мы никогда не узнаем, кто она, — отвечал он, — нет ни зубов, ни головы, они исчезли. Разве что руки… но ее генетические характеристики едва ли где-нибудь зарегистрированы.

— А яд тлейлаксу? — продолжала она. — Что из этого следует?

— Подобные яды покупают многие люди.

— Верно. Но от этой почти ничего не осталось, нечего восстанавливать. С тобой было иначе.

— Даже если бы вы решили доверить это тлейлаксу, — ответил он.

Она кивнула, встала:

— Теперь отвези меня в город.

В воздухе, когда нос аппарата уже обратился к северу, она произнесла:

— Ты пилотируешь совершенно как Дункан Айдахо.

Он бросил на нее испытующий взгляд:

— Мне уже говорили об этом.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила она.

— О многом.

— Не смей, шайтан побери, уклоняться от вопроса!

— Какого вопроса?

Она яростно посмотрела на него.

Встретив ее взгляд, он передернул плечами.

Жест Дункана, подумала она. И хриплым обвиняющим тоном произнесла:

— Я просто хотела услышать твое мнение, взвесить собственные соображения и сопоставить их. Гибель этой молодой женщины смущает меня.

— Я думал не об этом.

— О чем же?

— О том странном чувстве, которое я испытываю всякий раз, когда слышу разговоры о том, кем я, возможно, был.

– *Возможно?*

— Тлейлаксу хитры…

— Не настолько. Ты был Дунканом Айдахо.

— Весьма вероятно. Это лежит на поверхности.

— Итак, ты становишься эмоциональным?

— В известной степени. Я чувствую нетерпение. Я волнуюсь. Меня просто трясет, и я едва сдерживаюсь. В голове моей… вспыхивают какие-то картинки.

— И что же?

— Они слишком быстро гаснут. Просто какие-то вспышки… Похожие на память.

— А для тебя они представляют интерес?

— Конечно же. Любопытство подталкивает, но я словно иду против ветра. Я думаю: что, если я не тот, за которого меня принимали? И мне не нравится эта мысль.

— И это все, о чем ты думаешь?

— Вы это лучше знаете, Алия.

Как смеет он обращаться ко мне по имени? Обдумывая его слова, она чувствовала, как вскипает и отступает гнев, — на бьющую из обертонов его голоса возмутительную мужскую самоуверенность. На щеке ее дернулся мускул. Она стиснула зубы.

— Там внизу не Эль-Кудс? — спросил он, коротко качнув крылом и мгновенно вспугнув всю стаю эскорта.

Она поглядела вниз на тени, скользящие по взгорью возле перевала Харг, на скалу и укрывавшую череп ее отца пирамиду на ней… *Эль-Кудс* —

святое место.

— Это святое место, — отвечала она.

— Надо будет когда-нибудь посетить его, — промолвил он, — возле останков твоего отца меня могут посетить воспоминания.

Вдруг она впервые поняла, как сильна в нем потребность узнать, кем он был. Это желание было для гхолы главным. Она поглядела назад, на скалы. Утес обрывался прямо в море песка… коричневым обрывом скала, словно корабль, разрезала дюны.

— Вернись назад, — приказала она.

— А эскорт…

— Развернись и проскользни под ними. Они последуют за нами.

Он повиновался.

— Ты и в самом деле верно служишь моему брату? — спросила она, когда топтер лег на новый курс, а эскорт пристроился следом.

— Я служу Атрейдесам, — отвечал он формальным тоном.

Рука его поднялась, упала, почти в точности повторяя принятое на Каладане приветствие. Лицо его стало скорбным. Он глядел вниз, на гробницу, высящуюся среди скал.

— Что с тобой? — спросила она.

Губы его шевельнулись. Ломким, напряженным голосом он произнес:

— Он был… он был, — и слеза скользнула вниз по щеке.

Фрименское благоговение заставило Алию примолкнуть. Он отдает воду мертвым! Она с сочувствием тронула его щеку пальцем, ощутив отданную влагу.

— Дункан, — прошептала она.

Руки его словно прилипли к рукояткам управления, взгляд не отрывался от пирамиды.

Она повторила громче:

— Дункан!

Он сглотнул, качнул головой, сверкнув на нее металлическими глазами.

— Я… почувствовал… руку… на моих плечах, — выдавил он. — Я чувствовал! Руку! — он справился с горлом. — Это был… друг. Это был… мой друг.

— Кто?

— Не знаю. Я думаю, это был… Не знаю.

Перед Алией замигал огонек вызова, капитан эскорта желал знать, зачем они возвращаются в Пустыню. Взяв микрофон, она пояснила, что они просто поклонились гробнице ее отца. Капитан напомнил ей, что уже поздно.

— Теперь прямиком в Арракин, — сказала она, опуская в гнездо микрофон.

Глубоко вздохнув, Хейт заложил вираж обратно на север.

— Так значит, это была рука отца, не так ли? — спросила она.

— Быть может.

В голосе его слышались интонации ментата, оценившего вероятности, она видела, что он уже взял себя в руки.

— Понимаешь ли ты, насколько я знаю своего отца? — спросила она.

— Только догадываюсь.

— Тогда слушай, — произнесла она. И коротко объяснила, что обрела сознание Преподобной еще до рождения, что воспоминания бесчисленных жизней запечатлены в ее нервных клетках… пусть случилось все это после смерти отца.

— Я знаю его таким, каким его знала моя мать, — проговорила она. — До всех мельчайших подробностей. В какой-то мере я сама — моя мать. Я помню все, что происходило с ней до того момента, когда она выпила воду жизни и вошла в транс переселения душ.

— Ваш брат кое-что уже объяснил мне.

— Он говорил об этом? Почему?

— Я спрашивал его.

— Почему?

— Ментату необходима информация…

— Ох, — она поглядела на зализанные ветром очертания Барьерной Стены, на расщелины и рытвины в истерзанном камне.

Заметив направление ее взгляда, он произнес:

— Очень уж внизу открытое место.

— Зато здесь легко скрываться, — проговорила она и поглядела на него. — Пустыня похожа на человеческий ум… со всеми его укромными закоулками.

— Ах-хх, — отвечал он.

— Ах-хх? И что значит твое «ах-хх»? — она вдруг рассердилась на него по совершенно непонятным причинам.

— Вам хотелось бы знать, что таится в моей голове, — проговорил он без тени сомнения в голосе.

— Почему ты решил, что я еще не разобралась в тебе, прибегнув к предвидению? — требовательно спросила она.

— А вам это удалось? — спросил он с искренним интересом.

— Нет!

— Значит, возможности сивилл не беспре-

дельны.

Он казался довольным, и это пригасило гнев Алии.

— Чему ты радуешься? Разве ты не чтишь мою мощь? — спросила она. Но и для собственных ушей словам ее не хватало уверенности.

— Все ваши знамения и предзнаменования я чту гораздо в большей степени, чем вы думаете, — отвечал он. — Я присутствовал на вашей утренней службе.

— И какой смысл ты углядел в ней?

— Вы очень искусно манипулируете символами, — отвечал он, вглядываясь в приборы управления, — фирменный знак сестер Бене Гессерит, я бы сказал. Но как это часто случается с ведьмами… вы стали беспечны в обращении с собственной силой.

Внезапно испугавшись, она буркнула:

— Как ты смеешь?

— Я смею гораздо больше, чем предполагали мои создатели, — отвечал он. — А потому я остаюсь с вашим братом.

Алия вглядывалась в стальные шары, служившие ему глазами: ничего человеческого в них не было. Капюшон дистикомба скрывал его щеки. Губы были плотно сжаты. В них угадывалась

сила… и решительность. В словах его слышалась надежность — он действительно был способен и на большее. Так мог сказать и сам Дункан Айдахо. Или же тлейлаксу сумели вложить в него больше, чем рассчитывали… или же это просто обман, часть его подготовки?

— Объясни свои слова, гхола.

– *Познай себя,* разве не такова ваша заповедь? — спросил он.

Алия заметила вновь радость на его лице.

— Эй, ты, не пытайся играть в слова со мной! — бросила она, потянувшись рукой за пазуху к рукояти криса. — Почему тебя подарили брату?

— Ваш брат рассказывал, что вы следили за приемом, — ответил он, — значит, вы слышали мой ответ.

— Повтори еще раз… для меня!

— С моей помощью его хотят погубить.

— Это слова ментата?

— Ответ вам уже известен, — проговорил он. — Дар этот не нужен. Ваш брат и так уже сам губит себя.

Не выпуская из пальцев рукояти ножа, она взвешивала его слова. Речи сомнительные, но в голосе слышится искренность.

— Тогда зачем же им это понадобилось? — осве-

домилась она.

— Быть может, тлейлаксу решили поразвлечься. Кроме того, неоспоримо, что Гильдия запрашивала у них именно меня.

— Зачем?

— По той же причине.

— И в чем же мы небрежны?

— В том, как вы используете собственные возможности, — парировал он.

Ответ его разил в самое сердце, в самые глубины его. Отняв руку от ножа, она спросила:

— А почему ты считаешь, что брат мой губит себя?

— Ох, девочка! Где же твои таинственные силы? Разве ты не способна подумать?

Сдерживая гнев, она ответила:

— Подумай за меня, ментат.

— Отлично, — он обежал взглядом эскорт, вновь поглядел вперед. За северной кромкой Барьерной Стены показался край Арракинской равнины.

— Вот симптомы, — начал он. — Твой брат содержит официального панегириста, который…

— Это дар от фрименских наибов.

— Странный подарок… — проговорил он, — зачем друзьям окружать его подобострастием

и лестью? Неужели вы сами не слышали слов панегириста: «*Муад'Диб, просвети люди своя! Уммарегент, Император наш! Воды его драгоценны и изобильны, как фонтан неиссякающий. Счастье, расточаемое им, пьют души всех людей во Вселенной».* Тьфу!

Алия невозмутимым тоном ответила:

— Если я передам твои речи нашей фрименской охране, они тебя изрубят в лапшу.

— Пожалуйста.

— Мой брат правит согласно божественно установленному порядку.

— Зачем говорить то, во что вы и сами не верите?

— Что ты знаешь о моей вере? — Вдруг оказалось, что, невзирая на все знания и навыки Бене Гессерит, она не в силах подавить дрожь. Слова гхолы подействовали на нее неожиданным образом.

— Вы же только что приказали ментату взяться за расчеты, — напомнил он.

— Никакому ментату не может быть ведомо, во что я верю! — и она дважды глубоко, с дрожью, вздохнула. — Как ты смеешь судить нас?

— Судить? Ни в коей мере.

— Ты и представить себе не можешь всех на-

ших познаний!

— Во-первых, вас обоих учили править, — отвечал он, — в вас воспитывали жажду власти. Вас обучили видеть насквозь все уловки политики, все глубокие тайны религии и войны. Естественный закон? Что в нем естественного? Этот миф паразитирует на истории человечества! Это же призрак, привидение! Он и нематериален, и нереален. Или вы считаете, что «естественный закон» обрел воплощение в вашем джихаде?

— Это пустая трескотня, ментат, — отвечала она.

— Я слуга Атрейдесов и нелжив в словах.

— Слуга? У нас нет слуг, только ученики!

— И я учусь — постижению, — отвечал он, — детка, запомните это и…

— Не смей называть меня деткой! — отрезала она, выдвинув крис наполовину из ножен.

— Поправка введена. — Он посмотрел на нее, улыбнулся и вновь взялся за управление и пилотирование. Возведенная среди утесов Цитадель Атрейдесов уже виднелась вдали — они подлетали к северным пригородам Арракина. — Безусловно, вы существо древнее, но воплощенное в теле, едва вышедшем из детства, — проговорил он. — И теперь тело это волнует вновь обретен-

ная женственность.

— Просто не знаю, почему я тебя слушаю, — буркнула она, роняя крис обратно в ножны и вытирая вдруг вспотевшую ладонь об одежду. Фрименская скаредность немедленно возмутилась: напрасная трата влаги!

— Вы слушаете меня лишь потому, что знаете, как глубоко я предан вашему брату, — отвечал он. — И мои поступки для вас и понятны, и объяснимы.

— В тебе нет ни понятного, ни объяснимого. Кажется, ты — самое сложное существо из всех, кого я знаю. Как узнать, что могли тлейлаксу встроить в тебя?

— Намеренно или по ошибке, — произнес Хейт, — они наделили меня способностью изменяться.

— Опять дзенсуннитские притчи, — обвиняющим тоном сказала она. — Да, мудрец изменяет себе, а глупец живет лишь для того, чтобы умереть. — Передразнивая его, она повторила: «Учусь постижению…»

— Человек не может различить причин озарения и его сути.

— Что за новая загадка?

— Я разговариваю с пробуждающимся разу-

мом.

— Я все расскажу Паулю.

— Он уже слышал почти все это.

Не скрывая любопытства, она произнесла:

— Интересно. И несмотря на это, ты еще жив… и свободен? Что же он ответил?

— Он расхохотался и ответил: «Люди не будут повиноваться бухгалтеру. Им нужен повелитель, который будет защищать их от всех перемен». Но он согласился со мной в том, что представляет собою основную угрозу для собственной империи.

— Почему он заговорил об этом?

— Я сумел убедить его в том, что понимаю все его трудности и способен помочь.

— Ну и что же ты пообещал ему?

Гхола молчал, бросив топтер на подветренное крыло, чтобы опуститься на крышу цитадели возле охранников.

— Я требую, чтобы ты все рассказал мне.

— Я не уверен, что вы поймете…

— Ну, это решать не тебе! Повелеваю, немедленно говори!

— Позвольте мне сперва приземлиться, — отвечал гхола. Не дожидаясь согласия, он выпустил главные посадочные опоры и, затормозив широко раскрытыми крыльями, опустился на ярко-оран-

жевую площадку, поднятую над крышей.

— А теперь — говори! — приказала Алия.

— Я сказал ему, что иногда нет ничего сложнее, чем продлевать собственное существование.

Она покачала головой:

— Это же… это же…

— Горькая пилюля, — закончил он за нее.

— Горькая чушь!

— У величайшего из владетельных графов и у презреннейшего из наемных серфов одни и те же проблемы. И ты не наймешь никого, кто решил бы их за тебя, будь он даже ментат. В писаниях и в чужих свидетельствах напрасно искать готовых ответов. И некому перевязать рану: ни слуге, ни ученику. Человек должен залечить ее сам, прежде чем у всех на глазах истечет кровью.

Она резко отвернулась от него, успев при этом понять, что таким образом выдает собственные чувства. Как без хитростей Голоса, без прочих ведьмовских штучек сумел он проникнуть в ее психику? Как он смог совершить такое?

— И что ты посоветовал ему? — прошептала она.

— Судить, наводить порядок.

Алия взглянула на охранников, отметив, как терпеливо они ожидали, соблюдая строгий по-

рядок.

— Дарить правосудие… — прошептала она.

— Да нет же! — отрезал он. — Я просто предложил ему судить, руководствуясь одним лишь принципом.

— А именно?

— Поддерживать друзей и губить врагов.

— Иначе говоря, судить несправедливо.

— А что есть справедливость? При столкновении двух сил каждая бывает по-своему правой. Император всегда может явить свою волю: если конфликт нельзя предотвратить, его можно разрешить.

— Как?

— Простейшим способом: принимая решения.

— В пользу друзей и против врагов.

— Но разве в этом не чувствуется стабильность? Людям нужен порядок, каким бы он ни был. Все мы узники, рабы собственных страстей; все видят, что война стала развлечением для богатых. Понимание подобных закономерностей опасно. В этом нарушение порядка.

— Я обязана предупредить своего брата: ты слишком опасен, а потому тебя следует уничтожить, — сказала она, оборачиваясь лицом к гхоле.

— Я уже предлагал ему это, — согласился он.

— А опасен ты потому, — произнесла она, тщательно выверяя слова, — что овладел собственными страстями.

— Ну уж вовсе не поэтому. — И прежде чем Алия могла шевельнуться, гхола взял ее за подбородок и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй короткий и нежный. Он отодвинулся… потрясенная Алия глядела на него, не обращая внимания на ухмылки, которые прятали старавшиеся держаться невозмутимо охранники.

Алия тронула свои губы пальцем… поцелуй оказался знакомым. Она знала эти губы… пусть грядущее старательно скрывало от нее их обладателя. Задыхаясь, она проговорила:

— Пожалуй, стоило бы приказать содрать с тебя кожу.

— Потому что я опасен?

— Потому, что слишком многое позволяешь себе!

— Я ничего не позволяю себе. Я просто беру то, что мне предлагают. И радуйтесь, Алия, что я беру не все, что мне предлагают. — Открыв дверцу, он выскользнул наружу. — Пойдем, мы и так уже здесь слишком долго дурачимся. — Он направился к куполу за посадочной платформой — ко

входу в здание.

Алия выскочила и побежала следом, стараясь попадать ему в шаг.

— Я ему все скажу, все, — и что ты сказал, и что сделал!

— Отлично, — он отворил перед ней дверь.

— Он прикажет, чтобы тебя казнили.

— Почему же? Из-за одного поцелуя, который я хотел получить? — Он последовал за ней, чуть поторопив ее своим движением. Дверь затворилась.

— Поцелуя, который *ты* хотел получить? — в негодовании вскричала она.

— Ну, хорошо, Алия. Поцелуя, которого *ты* хотела. — Обойдя ее, он шагнул к лифту — шахте с опускающимся полом.

И словно бы это движение вдруг обострило все ее чувства, она вдруг поняла, в чем его обаяние, — в полнейшей правдивости. *Да, я хотела этого поцелуя,* мысленно согласилась она. *Действительно хотела.*

— Ты правдив и потому опасен! — буркнула она, отправляясь за ним.

— Вижу, ты возвращаешься на стезю мудрости, — проговорил он, не изменяя шага, — ни один ментат не сформулировал бы эту мысль

точнее. А теперь скажи, что открылось тебе там, в Пустыне?

— Не могу объяснить причины, — сказала она, — но я все думала о лицеделах. Почему?

— Потому-то брат и отправил тебя в Пустыню, — проговорил он, кивая головой. — Не забудь рассказать ему об этой навязчивой мысли.

— Но почему, — удивилась она, — при чем здесь лицеделы?

— Там осталась мертвая женщина, — проговорил он, — скорее всего, среди фрименок пропавших не числится…

* * *

Я все думаю, какая это радость – жить, но едва ли я смогу спуститься когда-нибудь к глубинам своего существа, к корням этой плоти, чтобы познать, кем я был. Да, корень там. И смогу ли я что-нибудь сделать, чтобы отыскать его, – это еще сокрыто в грядущем, но что по силам человеку, по силам и мне. Любой мой поступок способен опустить меня к этим глубинам.

(«Гхола рассказывает»; комментарии Алии)

Утопая в оглушительном запахе Пряности, он тщетно старался заглянуть вглубь себя в пророческом трансе. Пауль видел луну — она пульсировала, удлинялась, дергалась. С ужасным шипением звезды гасли в водах безграничного моря. И луна тонула в глубинах его — как мраморный шарик, выброшенный ребенком.

Утонула.

Луна не садилась, он понимал это. Она исчезла, и не стало луны. И земля трепетала в ужасе, словно перепуганное животное. Страх не отпускал его.

Пауль резко сел с широко раскрытыми глазами, но часть его все еще глядела туда, где тонула

луна… Перед глазами его была только решетка из пластали, через которую свежий воздух проникал в его личные апартаменты. Он знал, что находится внутри огромной рукотворной скалы — его Цитадели. Но внутри его самого — падала луна.

Наружу! Наружу!

За решеткой ослепительными лучами сиял полдень Арракина. Внутри же царила черная ночь. Благоухание цветов в саду на крыше ласкало ноздри, но никакие ароматы не могли вернуть обратно ночное светило.

Опустив ноги на холодную поверхность пола, Император глядел сквозь решетку. Изящная арка мостика из кристалл-стабилизированного сплава золота с платиной, усыпанная огненными самоцветами с далекого Кидона. Мостик уводил во внутренние галереи, мимо фонтана над прудом, поросшим водяными цветами, каплями крови алевшими на ровной изумрудной глади.

Глаза его впитывали увиденное… но не было выхода из меланжевой тюрьмы.

Как страшно — видеть, как гибнет луна.

Видение сулило чудовищную потерю… личную. Или же это под тяжестью собственных притязаний рухнула созданная им цивилизация.

Луна… луна… зачем ты упала?..

Муть, взбаламученную Таро, удалось успокоить лишь огромной дозой меланжевой эссенции. Но перед глазами была только падающая луна и страшный путь, известный ему из первых видений. Чтобы наконец захлебнулся джихад, чтобы затих этот вулкан, извергающий потоки крови, он должен дискредитировать себя самого.

Освободись… освободись… освободись…

Запах цветов, доносящийся из сада, напомнил ему о Чани. Он тосковал… руки ее, объятия несли любовь, давали забвение. Но даже любви Чани не справиться с этим видением. Да и что вообще скажет его фременка, если он объявит ей, что наконец выбрал свою смерть. И почему, раз уж смерть вообще неизбежна, он решил отнестись к ней как подобает аристократу и покончить все счеты с жизнью в пору расцвета, пренебрегая остающимися годами? Разве это не благородно: умереть прежде, чем иссякнет воля?

Он встал, подошел к двери в решетке и вышел на балкон над цветами и лианами сада. Во рту было сухо, как во время перехода через Пустыню.

Луна… луна, где ты, луна?

Он думал о словах Алии, она рассказала ему о найденном среди песков теле фременки, поддавшейся семуте! Событие это укладывалось в

ненавистную цепь.

Ну что может взять человек у Вселенной, думал он. *Ведь она всегда дает ему сама и лишь то, что считает необходимым.*

Витая, с отбитым краем раковина из морей Матери-Земли лежала на низком столе у поручня балкона. Тронув ее переливчатую поверхность, он попытался мысленно заглянуть назад. Яркие луны играли в радужном перламутре. Он оторвал взгляд. Радуга стояла в облаках пыли возле серебряного солнца.

Мои фримены называют себя «детьми Луны».

Он положил раковину, прошел вдоль балкона. Кошмарная луна не давала надежды на спасение. Он подумал о мистическом смысле видения. Прянность все еще не выпускала из своей хватки его, обессилевшего пророка.

К северному подножию воздвигнутого по его воле утеса из пластали жались низкие здания правительственных служб. Пешеходные дорожки на крышах полны были людей. И словно ветерок нес их мимо дверей, стен, изразцовых узоров. Люди сливались с мозаикой — они *были* его мозаикой, деталями узора! Зажмурив глаза, он мог различить силуэты, ставшие фигурками неподвижного фриза.

Но пала луна и исчезла.

Накатило… город этот сделался странным символом его Вселенной. Дома его возведены на равнине, где фримены резали сардаукаров. Кровопролитная битва забылась, все затопил суматошный и крикливый бизнес.

Держась поближе к краю балкона, Пауль завернул за угол. Теперь перед ним оказался пригород, дома его прятались между скал, пыль покрывала их. Спереди высился Храм Алии, черно-зеленые полотнища ниспадали по стенам, скрывая знак луны — символ Муад'Диба.

Упала луна.

Пауль провел рукой по лицу и глазам. Его столица, символ его власти, угнетала Императора. Он с презрением подумал о собственных колебаниях: подобная нерешительность в ком-нибудь другом вызвала бы его гнев.

Он терпеть не мог свой город!

Ярость, порожденная скукой, билась в глубинах его разума, подталкивала к решениям, которых нельзя было избежать. Он-то знал, каким путем придется ему идти. Сколько раз он видел его. Видел! Когда-то, очень давно, он казался себе изобретателем праведной власти. Но все вернулось на круги своя. Грандиозный и уродливый

нарост на обществе словно навсегда запомнил собственную форму. Мни его, изменяй как угодно обличье, но только выпустишь из рук — раз, и он обрел прежний вид. Силы, правящие людьми, всегда были неподвластны ему.

Пауль глядел вдаль поверх крыш. Какие сокровища, какие богатства, сколько жизней таилось под ними! Красно-белые и раззолоченные крыши, пятна листвы. Зелень, дар Муад'Диба и вод его. Он глядел на сады и рощи под открытым небом, что были пышнее, чем в сказочном Ливане.

— Муад'Диб тратит воду, словно безумец, — говорили фримены.

Пауль закрыл руками лицо.

Луна упала.

Уронив ладони, он обвел столицу прояснившимся взором. Эти строения… варварская пышность имперской архитектуры. Громадные здания поблескивали крышами под лучами солнца. Колоссы! Любой архитектурный каприз, порожденный сумасбродкой-историей, можно было отыскать внизу. Плоские равнины террас, площади размером с небольшой городок, парки, дома с усадьбами — окультуренный им ландшафт.

Тут шедевр, там пышная и наглая безвкусица.

Впечатления сменяли друг друга: вот древняя аркада из баснословного Багдада. Вот купол, о котором только мечтали в мифическом Дамаске, или арки, что могли родиться лишь в слабом тяготении Атара. И все это сливалось воедино в несравненном великолепии. Гармония башен и странных глубин.

Луна! Луна! Луна!

Разочарование не отпускало его. Сознание масс, потоки разума в его Вселенной. Они вздымались огромными валами прилива. Он ощущал влияние далеких миграций на человечество: все их вихри, токи, течения генов, которых не остановить никаким воздержанием… бессилию и проклятьям они тоже не подвластны.

И что есть джихад Муад'Диба перед всем этим? Он минует в мгновение ока. По течению времени скользили и сестры Бене Гессерит, но и они тонули в потоке, подобно ему самому, несмотря на искусные манипуляции с генетикой человека. Видение падавшей луны нужно было еще сопоставить с другими видениями, с другими легендами. Во Вселенной умирают и гаснут даже вечные звезды.

И что такое одна луна перед ликом Вселенной?

Где-то в глубинах его крепости, вдалеке, так

что городской шум временами заглушал музыку, затренькал десятиструнный рубаб. Он пел песни джихада, пел о тоске по женщине, оставшейся на Арракисе:

Бедра ее – дюны, скругленные ветром,
И в глазах – полдневное пламя.
Две косы по спине змеятся.
Ах-хх, сколько в них водяных колец!
Руки мои помнят ее кожу,
Благоуханную, словно розы и амбра.
И глаза исполнены воспоминаний,
И опять опаляет меня белое пламя любви.

От песни ему стало совсем тошно. Дурацкие чувства, пошлая музыка… погрязшие в сентиментальности людишки. Поди-ка, спой ее источенному Пустыней трупу, который видела Алия.

В тени за балконной решеткой кто-то шевельнулся. Пауль мгновенно обернулся.

Гхола выступил вперед под жаркое солнце. Металлические глаза его поблескивали.

— Передо мной Дункан Айдахо или некто по имени Хейт? — осведомился Пауль.

Гхола остановился в двух шагах.

— А что предпочтет господин мой?

В голосе его слышалась осторожность.

— Игры дзенсуннитов, — с горечью проговорил Пауль. — *«Смысл, скрытый внутри смысла…»* Так что бы мог сказать или сделать философ-дзенсуннит, чтобы хоть на йоту изменить открывающуюся перед нами реальность?

— Господин мой обеспокоен.

Пауль повернулся к далеким обрывам Барьерной Стены, к ее источенным ветром аркам и бастионам, в которых нетрудно было углядеть жутковатую пародию на его город. Сама природа изволит шутить над ним! Погляди-ка, мол, на что *я* способна. Он заметил в дальней гряде расщелину, по которой стекал вниз песок, и подумал: *Там! Именно в этом месте мы били сардаукаров!*

— Так что же беспокоит моего повелителя? — спросил гхола.

— Видение, — хрипло шепнул Пауль.

— Ах-хх, когда тлейлаксу впервые пробудили меня, и ко мне тоже приходили видения. Я не знал покоя, я был одинок… еще не понимая того. Тогда я не понимал. И видения ничего не открывали мне. Тлейлаксу объяснили мне, что причиной тому плоть, и такому подвержены все

люди и гхолы — простая хворь, не более.

Пауль обернулся и поглядел прямо в бесстрастные глаза гхолы, запавшие в глазницы шарики стального цвета. Какие видения открывались им?

— Дункан… Дункан… — шепнул Пауль.

— Меня зовут Хейт.

— Я видел, как пала луна, — проговорил Пауль, — она сгинула. Исчезла с великим шипением. Земля содрогнулась.

— Вы опьянены временем, сир, — отвечал гхола. — Вы поглотили слишком много его.

— Спрашиваю у дзенсуннита, отвечает ментат! — усмехнулся Пауль. — Что же, отлично! Пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй и сведи в простые слова, готовые к погребению.

— Действительно, к погребению, — отвечал гхола. — Вы спасаетесь от смерти и укрываетесь в следующем миге, не желая жить здесь и сейчас. Что гаданье? Разве в нем опора для Императора?

Знакомая родинка на подбородке словно заворожила Пауля.

— Стараясь существовать в этом будущем, — произнес гхола, — вы делаете его материальным. Хотите ли вы, чтобы оно стало реальным?

— Если я пойду путем моего видения, я останусь жив, — пробормотал Пауль. — Почему ты считаешь, что я хочу жить в таком будущем?

Гхола пожал плечами.

— Вы требовали от меня общего решения.

— Разве сущность Вселенной состоит из событий? — проговорил Пауль. — Разве есть в ней окончательный ответ? Разве каждое решение не порождает новых вопросов?

— Вы уже поглотили столько времени, что оно породило в вас иллюзию бессмертия, — проговорил гхола. — Даже ваша империя, государь мой, просуществует свое время и неизбежно падет.

— Довольно вещать про обгорелые алтари, — буркнул Пауль. — Хватит богов и мессий. Предсказать падение моей собственной власти можно без сверхъестественных способностей. На это способен последний поваренок на кухне. — Он покачал головой. — Луна упала!

— Следует возвратить разум свой к началу, — отвечал гхола.

— Не этим ли ты должен погубить меня? — задумчиво спросил Пауль. — Ты должен мешать мне собрать воедино мои думы.

— Как можно собрать воедино хаос? — спросил гхола. — Мы, дзенсунниты, говорим: «Не копи — в

этом высшая бережливость». Что можно собрать, не собрав себя самого?

— Меня бесит это видение, а ты еще несешь эту бессмыслицу! — сердито выкрикнул Пауль. — Ну что ты знаешь о предвидении?

— Мне приходилось видеть и пророчествующих оракулов, — возразил гхола, — а еще и тех, кто ищет предзнаменования и знаки, определяющие их судьбу. Они боятся того, чего ищут.

— Ну, *моя-то* луна упала взаправду, — прошептал Пауль. И судорожно вздохнул. — Она падала… падала…

— Люди всегда опасаются того, что двигается как бы само по себе, — объяснил гхола. — Вы боитесь собственных сил. Того, что попадает вам в голову из ниоткуда. А что выпадает из нее? Куда отправляется?

— Твои утешения усеяны шипами, — пробурчал Пауль.

Лицо гхолы вдруг словно озарил свет. На миг он стал истинным Дунканом Айдахо.

— Утешаю чем могу, — мягко проговорил он.

Пауль удивился. Неужели гхола почувствовал скорбь, которую его разум отвергает? Неужели и Хейту открываются собственные видения?

— У моей луны было имя, — прошептал Им-

ператор.

И вновь позволил видению овладеть им. Все существо его корчилось, кричало, но губы безмолвствовали. Он боялся заговорить, ведь голос мог выдать его. В том ужасном грядущем не было Чани. Не было ее, стонавшей в его объятиях, ее, в чьих глазах горело желание, не было чарующего голоса, лишенного, к счастью, всех этих утонченных ведьмовских штучек… Не было! Вся эта сладкая плоть вернулась в землю, стала песком и водой!

Пауль медленно отвернулся к площади перед Храмом Алии. По дороге процессий ко входу в храм приближались три бритоголовых пилигрима. Они торопились, пригнув головы, пряча лица от полуденного ветра. Один прихрамывал, подволакивая левую ногу. Обогнув угол, они исчезли из вида.

И луна его исчезла. И эти… Но видение все еще было перед ним. В ужасном предназначении его не оставалось сомнений.

* * *

Плоть сдается, думал он. Вечность забирает свое назад. Да, нашим телам недолго бороздить эти воды, попляшем в опьянении собой и любовью, выдумаем пару странных идеек, а потом каюк – время, бери нас! Что сказать? Вышло так, пожил… и все, исчез, но ведь – жил!

(Что проку просить у солнца пощады.
«Ламентации Муад'Диба»;
из «Комментариев» Стилгара)

Один-единственный миг, одна-единственная ошибка могут стоить жизни — напомнила себе Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам.

Она ковыляла вперед с абсолютно непринужденным видом, окруженная кольцом охранников-фрименов. Как раз позади нее шел глухонемой — она знала это, — не подверженный влиянию Голоса. Без сомнения, он должен был убить ее при малейшем поводе — если она даст его.

Почему Пауль призвал ее? — удивлялась она. Или он собирается вынести ей приговор? Она вспомнила тот давнишний день, когда она испытывала его… ребенка… Квисатц Хадераха. Уже тогда он был глубок.

К чертям его мать на всю вечность! По ее вине

эта генетическая линия потеряна для Бене Гессерит.

При ее приближении все разговоры под сводами коридоров смолкали. Перед ней словно бежало повеление Императора. Пауль услышит это молчание. И он заранее узнает о ее прибытии, прежде чем о ней объявят. Уж себя-то она не обманывала: он был сильнее ее.

Проклятый!

Она сожалела, что возраст уже наложил на нее свою печать: ноют суставы, реакция замедлилась, и мышцы — вовсе не те хлысты, какими были когда-то. Сегодня был долгий день, долгой была и жизнь. И весь сегодняшний день она посвятила Таро Дюны, безуспешно стараясь отыскать хоть какое-нибудь указание на собственную участь. Но карты молчали.

Обогнув угол, стража ввела ее в очередной из казавшихся бесконечными сводчатых коридоров. За треугольниками окон из метастекла вились на подпорках лианы с индиговыми цветами, заходящее солнце бросало глубокие тени. Под ногами мозаика: водяные твари дальних планет. Всюду напоминания о воде. Богатство… роскошь.

По залу расхаживали облаченные во фрименские одеяния фигуры, люди бросали косые

взгляды и узнавали… чувствовалось напряжение.

Преподобная Мать сосредоточила внимание на короткой стрижке шедшего впереди стража — юное тело, розовые морщинки у края воротника.

Колоссальные размеры Цитадели начинали производить впечатление даже на нее. Коридоры… переходы. Из открытой двери слева донеслись звуки тимбура и флейты, негромкая древняя музыка. В полумраке блеснули синие-на-синем фрименские глаза. Она просто чуяла, как бродит в генах этого народа фермент легендарных бунтов прошлого. Какая потеря, какая потеря: и все этот дурак — Атрейдес. Как смел он пренебречь драгоценностью, носимой им в чреслах! Квисатц Хадерах! Безусловно, рожденный до времени, но реальный, как и его мерзкая сестра… в ней таилась опасная неизвестность. Дикая Преподобная Мать, воспитанная вне ограничений, налагаемых Орденом, не испытывающая никакой лояльности к генетической программе Бене Гессерит. Без сомнения, она обладала теми же силами, что и брат, и не только ими.

Размер Цитадели теперь уже угнетал Преподобную. Неужели коридоры так и не кончатся? Все здесь свидетельствовало о колоссальной

физической мощи. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой истории не видела еще подобного рукотворного колосса. В одном погребе этого сооружения можно было бы уместить дюжину древних городов!

Они миновали овальные двери, на створках мерцали огни. Преподобная Мать признала иксианское изделие: пневматическую транспортную систему. Зачем тогда ее заставили так далеко идти?.. Ответ был прост — чтобы она успела почувствовать трепет перед Императором, не дать ей подготовиться к встрече с ним.

Небольшой намек, впрочем, согласовывавшийся с прочими тонкими признаками: тем, как сопровождающие ее выбирали слова, обращаясь к ней «Преподобная Мать», и тем, как они явно обнаруживали смущение, смахивающее на примитивное опасение перед колдовством. Эти холодные Пустынные залы, в которых не было даже запаха… все вместе много говорило Бене Гессерит.

Пауль надеялся что-то получить от нее.

Она постаралась скрыть облегчение. Можно будет поторговаться. Нужно только нащупать необходимый рычаг и опробовать его прочность. Подобными рычагами сдвигались и объекты

поболе этой Цитадели. Прикосновением пальца можно перевернуть целую цивилизацию.

Преподобная Мать припомнила слова Скитале: *«Если существо уже стало кем-то, оно умрет, но не превратится в собственную противоположность».*

Коридоры, по которым ее вели, постепенно и незаметно становились шире — тонкая игра арок, полуколонн, и треугольники окон незаметно стали продолговатыми, подчеркивая эффект. Наконец впереди нее в дальнем конце высокой приемной показались огромные двустворчатые двери. Она успела заметить, что двери эти весьма велики, но, когда осознала, *насколько* они громадны, еле успела справиться с изумлением. Они были не менее восьмидесяти метров высотой и в половину того шириной.

Когда они приблизились, створки мягко стронулись с места, открывая проход, — для этого были предусмотрены соответствующие механизмы. Опять иксианская работа. И через раскрывшийся колоссальный проем вместе с конвоем вступила она в Великую Приемную Императора Пауля Атрейдеса, Муад'Диба, «перед ликом которого ничтожен любой». Теперь она видела материальное воплощение этого изречения.

Двигаясь к далекому трону, Преподобная Мать подмечала архитектурные тонкости, впечатлявшие, пожалуй, не менее, чем размеры зала. В нем могла бы разместиться цитадель любого правителя древней и новой истории человечества. Подобный размах говорил о многом. Конструкция зала была великолепной. Балки и контрфорсы, удерживавшие стены и далекий куполообразный потолок, наверняка превосходили все, что создано руками человека. Во всем ощущался инженерный гений.

В дальнем конце зал как-то незаметно сужался, чтобы не подавлять своими размерами трон Пауля, находившийся на возвышении. Человеку с нетренированным восприятием фигура Пауля сперва должна была казаться во много раз больше, чем на самом деле. Даже цвет давил на незащищенную психику: зеленый трон Пауля целиком был выточен из громадного хагальского изумруда. Этот цвет — символ жизни, а по фрименским поверьям он обозначал траур. Шептали, что сидящий на троне может заставить возрыдать любого. Жизнь и смерть сливались в едином символе — подчеркивая единство в противоположностях.

Позади трона ниспадали драпировки — дым-

чато-оранжевые, тускло-золотые, с коричневыми вкраплениями, напоминавшими зерна меланжи: гобелены Пустынь Дюны. Очевидная для посвященного глаза символика, как молотом, сокрушала профанов.

Даже время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать считала минуты, за которые сможет доковылять до трона. Требовалось время, чтобы внушить вошедшему должное смирение. И вину перед безграничной мощью, придавливавшей входящего. Долгий путь к подножию престола начинал человек, но оканчивала букашка.

Императора окружали помощники и адъютанты, хитроумно расставленные вокруг престола, около четырех стен замерла домашняя стража… и эта кощунственная тварь, Алия, стояла чуть пониже престола. На следующей ступеньке ниже нее — Стилгар, лакей Императора; справа от него на первой ступеньке снизу замерла одинокая фигура: гхола, возрожденная плоть Дункана Айдахо. Среди охранников было много фременов постарше — бородатых наибов с мозолями от трубки дистикомба возле носов, на поясах их — крисы в ножнах, маула-пистолеты, даже несколько лучеметов. Чрезвычайно доверенные люди, подумала

она, ведь Император явно при щите! Вокруг него мерцало поле. Один только выстрел из лучемета — и на месте огромной цитадели останется огромная яма.

Ее конвой остановился шагах в десяти от подножия трона и расступился, чтобы Императору можно было видеть ее. Преподобная не заметила ни Чани, ни Ирулан, и удивилась: Пауль никогда не проводил важных аудиенций без них обеих.

Пауль задумчиво и безмолвно кивнул ей головой.

Она сразу же решила захватить инициативу.

— Итак, великий Пауль Атрейдес решил вызвать к себе опальную…

Пауль сухо улыбнулся, отметил: старуха понимает, что мне кое-что от нее нужно. Иначе и быть не может… при всех ее знаниях. Он признавал ее силу. Гессеритки не делались Преподобными Матерями случайно.

— Быть может, обойдемся без словесного фехтования? — спросил он.

Неужели все окажется настолько просто? — удивилась она и спросила:

— Чего ты хочешь?

Стилгар шевельнулся, бросил взгляд на Пауля. Его не устраивало подобное обращение к Импе-

ратору.

— Стилгар советует мне отослать тебя прочь, — отвечал Пауль.

— А не убить? — переспросила она. — Прежде наибы фременов не имели привычки миндальничать.

Стилгар, хмурясь, проговорил:

— Иногда приходится говорить вовсе не то, что думаешь. Это называется дипломатией.

— Оставим тогда и дипломатию, — отвечала она. — Зачем было заставлять старуху идти в такую даль?

— Следовало показать, насколько бессердечным я могу быть, — отвечал Пауль, — чтобы ты сумела понять и мое великодушие.

— И ты осмеливаешься прибегать к такой чуши, имея дело с проктором Бене Гессерит? — спросила она.

— В крупных делах — свои мерки, — отвечал он.

Нерешительно она взвесила его слова. Значит… он может и устранить ее… *если* она… *что* она?

— Говори, чего ты хочешь от меня, — буркнула она.

Алия поглядела на брата, кивнула в сторону драпировок за троном. Аргументы Пауля были

известны ей, но она их не одобряла, совершенно не одобряла. Дикое пророчество, так сказать. Ее просто мутило от нежелания участвовать в этой сделке.

— Осторожно разговаривай со мною, старуха, — проговорил Пауль.

Он назвал меня старухой, еще когда был всего лишь юнцом, думала Преподобная. *Значит, он хочет напомнить мне о моем участии в его прошлом? И принятое мною прежде решение должно быть изменено?* Необходимость решать тяжко придавливала ее к земле… даже колени дрожали. Мышцы стенали от усталости.

— Путь оказался дальним, — сухо заметил Пауль, — я вижу, ты устала. Продолжим в моих апартаментах позади престола. Там ты сможешь сесть. — Сделав рукой сигнал Стилгару, Император встал.

Стилгар и гхола помогли ей подняться и повели следом за Паулем в проход, прикрытый драпировками. Теперь она поняла, зачем ему понадобилось принимать ее в зале, — немая сцена предназначалась для наибов и стражи. Значит, он опасается их. А теперь… теперь он выражал благосклонность, лукавил с ней, с адептом Бене Гессерит. Играл ли? Она почувствовала, что сле-

дом за ней кто-то идет, обернулась и увидела Алию. Глаза юной особы были задумчивы и сердиты. Преподобная Мать поежилась.

Личные апартаменты, ожидавшие их в конце коридора, оказались двадцатиметровым кубом из пластали, освещенным желтыми плавающими лампами. Стены прикрывали оранжевые гобелены, словно в сиетче в открытой Пустыне. Диваны, мягкие подушки, слабый запах меланжи. Хрустальные графины с водой на низком столе. Такое крошечное помещение после огромного зала.

Пауль усадил ее на диван и встал рядом, изучая древнее лицо, — стальные зубы, глаза, что прятали много больше, чем выдавали… Он указал на графин. Она отрицательно качнула головой, уронив на лоб прядь седых волос.

Тихим голосом Пауль произнес:

— Я хочу выкупить у тебя жизнь моей возлюбленной.

Стилгар прочистил горло.

Алия поигрывала рукоятью ножа, висящего на ее груди.

Гхола оставался у двери, с безразличным видом что-то разглядывая над головой Преподобной Матери.

— А ты видел, что я покушаюсь на ее жизнь? —

буркнула Преподобная Мать. Все внимание ее теперь было уделено гхоле — он смутно беспокоил ее. Почему именно он показался ей источником угрозы? Ведь он — инструмент заговорщиков.

— Что от меня хочешь ты, мне известно, — уклонился он от прямого ответа на ее вопрос.

Значит, он пока только лишь подозревает, подумала она, переводя взгляд на носки собственных туфель, выглядывавшие из-под края ее одеяния. Черные туфли и черная аба обнаруживали уже следы заточения: пятна, мятая ткань. Подняв подбородок, она встретилась с яростным взором Пауля. Воодушевление овладело ею, она постаралась спрятать его за прищуренными глазами, поджала губы.

— И чем ты собираешься платить? — спросила она.

— Вы получите мое семя, не меня самого, — произнес Пауль. — Ирулан будет изгнана после искусственного осеменения.

— Как ты смеешь! — яростно вспыхнула Преподобная.

Стилгар на полшажка переступил вперед.

Гхола рассеянно улыбался, Алия внимательно глядела на него.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой запреты

Ордена, — проговорил Пауль. — И не желаю слушать о грехах, мерзостях и предрассудках прошлых джихадов. Вы получите мое семя для ваших нужд, но ребенок Ирулан не сядет на мой престол.

— Твой престол! — фыркнула она.

— Мой.

— И кто же родит императорского наследника?

— Чани.

— Она же бесплодна.

— Она в тягости.

Потрясение ее выдал невольный вздох.

— Ты лжешь! — отрезала она.

Подняв руку, Пауль остановил рванувшегося Стилгара.

— Мы только два дня как узнали об этом.

— Но Ирулан…

— Только искусственным образом. Таково мое условие.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лицо. Проклятие! Так бросаться наследственностью! Гнев кипел в ее груди. И учение Бене Гессерит, и заповеди Джихада Слуг запрещали подобный поступок… Не надо марать высочайшие устремления человечества. Никакая

машина не может функционировать подобно человеческому уму. И ни слово, ни дело не должно даже намекать, что человека можно выводить селекцией, подобно животным.

— Каково твое решение? — спросил Пауль.

Она качнула головой. Гены, драгоценные гены Атрейдесов, они были важнее всего. Необходимость была сильнее всех запретов. Сестры в соединении двух тел видели не только сперму и яйцеклетку. Они старались уловить *душу.*

Теперь Преподобная Мать понимала тонкую глубину предложения Пауля. Он собирается заставить Бене Гессерит совершить поступок, который вызовет всеобщее осуждение… если обнаружится. Как могут они объявить об этом отцовстве, если его будет отрицать Император? *Гены* Атрейдесов такой монетой можно купить, но Сестры не смогут добиться трона.

Она быстро обвела взглядом комнату, вглядываясь в каждое лицо: Стилгар теперь невозмутимо ожидал, гхола застыл, углубившись в себя. Алия следила за гхолой… и Паулем, — тая гнев.

— Таково твое единственное предложение? — спросила она.

— Да, единственное.

Она поглядела на гхолу, заметила легкое подер-

гивание мускулов на щеке. Эмоция?

— А теперь, гхола, — проговорила она, — скажи, следовало ли делать подобное предложение? А уж коли оно сделано, следует ли мне принимать его? Выполняй обязанности ментата.

Металлические глаза повернулись к Паулю.

Обратившись к Преподобной, гхола вновь потряс ее — на этот раз улыбкой.

— Предложение не хуже покупаемого объекта, — отвечал он. — Здесь обмен ведется на уровне — жизнь за жизнь. Высокая цена.

Отбросив со лба прядку медных волос, Алия проговорила:

— А что еще кроется в такой сделке?

Преподобная Мать не желала даже глядеть на Алию, но слова эти горели в ее мозгу. Да, в них крылись глубокие последствия. Конечно же, сестра эта — мерзость, но ей нельзя отказывать в праве на титул Преподобной со всем, что проистекает отсюда. Гайя-Елена Мохийам вдруг ощутила себя не одной, а комком многих крошечных личностей. Они бодрствовали, все Преподобные Матери, память которых впитала она, становясь Жрицей Ордена. Алия находится в том же положении.

— Что *еще*? — спросил гхола. — Еще можно

только удивляться, почему ведьмы-гессеритки не прибегают к методам тлейлаксу.

Гайя-Елена Мохийам и все Преподобные Матери поежились. Да, тлейлаксу делали мерзкие вещи. Но если допустить искусственное осеменение, следующий шаг — контролируемую мутацию — сделают уже тлейлаксу.

Следя за бушующими эмоциями, Пауль вдруг почувствовал, что все эти люди ему незнакомы. Он уже не знает их. Даже Алию.

Алия сказала:

— Если мы пустим гены Атрейдесов в реку Бене Гессерит, кто может знать, что получится?

Гайя-Елена Мохийам резко обернулась, встретилась глазами с Алией. И на миг обеих Преподобных словно соединила единая мысль: *Что замышляют тлейлаксу? Гхола — их творение. И не он ли подсказал этот план Паулю? И не обратится ли теперь Император прямо к Бене Тлейлаксу, предлагая им эту сделку?*

Ощущая двусмысленность и неопределенность собственного положения, она отвела глаза от Алии. И напомнила себе: любой из Сестер собственные умения всегда грозили опасностью; высшая власть над собой и людьми искушала их гордостью и тщеславием. Любая сила обманчива.

И некоторые могут решить, что одолеют любую преграду, в том числе собственное невежество.

Но среди дел Бене Гессерит есть наиважнейшее, напомнила она себе. Пирамида поколений, на вершине которой стоял Пауль Атрейдес… и мерзкая сестра его. Малейшая ошибка, и пирамиду придется возводить вновь, начиная отбор по параллельным линиям, пользуясь субъектами, лишенными самых важных характеристик.

Контролируемые мутации, размышляла она. *Неужели тлейлаксу и в самом деле прибегают к ним? Соблазн!..* Она тряхнула головой, чтобы отделаться от подобных дум.

— Ты отвергаешь мое предложение? — спросил Пауль.

— Я еще не решила, — отвечала она.

И она вновь поглядела на сестру. Оптимальный брачный партнер для этой девицы погиб… убит Паулем. Остается еще одна возможность… которая еще более укрепит в отпрыске необходимые характеристики. Пауль посмел предложить Сестрам прибегнуть к животному способу для завершения программы. Решится ли он заплатить *настоящую* цену за жизнь Чани? Пойдет ли на связь с собственной сестрой?

Пытаясь выгадать время, Преподобная Мать

произнесла:

— Поведай же мне, о безукоризненный образец святости, как сама Ирулан отнесется к твоему предложению?

— Ирулан сделает, как вы ей прикажете, — проворчал Пауль.

Верно, подумала Мохийам. И бестрепетно намекнула:

— Кстати, Атрейдесов — двое.

Мгновенно уловив, что крылось за этими словами, Пауль почувствовал, как побагровело его лицо.

— Поосторожнее, — бросил он.

— А тебе, значит, можно делать подобные предложения Ирулан? — спросила она.

— Разве не для этого вы ее готовили? — ответил вопросом Пауль.

Да, готовили, думала Мохийам. *Ирулан не медяк. На что еще можно потратить ее?*

— И ты возведешь ребенка Чани на трон? — спросила Преподобная.

— На *мой* трон, — ответил Пауль, глядя на Алию, стараясь понять, все ли следствия из предложения Мохийам видела сестра. Странно притихшая, она стояла зажмурив глаза. С какой внутренней силой ведет она разговор? Алия стояла, но его

самого словно уносило куда-то. Она оставалась на берегу и все дальше и дальше удалялась от Пауля.

Преподобная Мать наконец приняла решение и сказала:

— Столь важный вопрос нельзя решать в одиночку. Я должна снестись с Советом на Валлахе. Ты позволишь?

Словно ей необходимо мое разрешение! — подумал Пауль и ответил:

— Хорошо, согласен. Но не тяните. Я не могу ждать сложа руки, пока вы там размышляете.

— Будете ли вы обращаться к Бене Тлейлаксу? — резким тоном вторгся в разговор гхола.

Глаза Алии внезапно широко распахнулись — словно бы разбуженная опасным гостем, она смотрела на гхолу…

— Пока я не решил, — произнес Пауль. — И при первой же возможности я отправлюсь в Пустыню. Наш ребенок рожден будет в сиетче.

— Мудрое решение, — одобрил Стилгар.

Алия не хотела даже глядеть на него. Брат ошибался. Она ощущала это каждой клеточкой своего тела. Сам Пауль не может не знать этого. Почему он выбрал именно эту тропу?

— Бене Тлейлаксу предлагали уже свои услу-

ги? — спросила Алия. Она почувствовала, как замерла Мохийам в ожидании ответа.

Пауль покачал головой.

— Нет, — и обернулся к Стилгару:

— Стил, распорядись, чтобы послание Преподобной ушло на Валлах.

— Непременно, милорд.

Стилгар подозвал стражу и вышел, следуя за старухой. Пауль молча глядел в сторону. Он видел, что Алия не решается спросить его о чем-то. Но так и не обратившись к нему, она повернулась к гхоле.

— Ментат, — сказала она, — будут ли тлейлаксу просить милости у моего брата?

Гхола пожал плечами.

Тлейлаксу? — позволил себе отвлечься Пауль. *Нет… не так. Вопрос Алии говорил, что она не видит других вариантов.* Ну что же, у каждой сивиллы собственные возможности, и у пророка тоже. Разве сестра одно и то же со своим братом? Скитания… Скитания… Вздрогнув, он отвлекся от собственных мыслей, чтобы услышать обрывки разговоров:

…должен знать, что тлейлаксу…

…полнота данных всегда…

…следует проявить здоровую осторожность…

Пауль повернулся к сестре, привлекая ее внимание. Он понимал, что она заметит следы слез на лице его и удивится… Пусть удивляется. Удивление не грех. Он взглянул на гхолу, но перед глазами был Айдахо. Грусть и сочувствие боролись в его душе. Интересно, какими видят их эти металлические глаза?

У зрения и слепоты много ступеней, думал Пауль, вспоминая фразу из Экуменической Библии: *«Каких же еще чувств надо вам, чтобы увидеть невидимый мир вокруг вас?»*

Органом каких чувств были эти металлические глаза?..

Ощутив горькую печаль брата, Алия подошла к нему. Благоговейным жестом фрименки коснулась слезинки на щеке его и проговорила:

— Не надо горевать о ближних, прежде чем они оставили нас.

— Прежде, — прошептал Пауль. — Скажи мне, сестренка, что такое — *«прежде»?*

* * *

«Я уже сыт по горло и богами, и их жрецами! Неужели думаете, что собственный мир не понятен мне? – Хейт, что следует из имеющихся данных? – Греховные обряды мои проникли в сердце потребностей человека. Люди и едят теперь по милости Муад'Диба! Любят ради меня, рождаются во имя мое… улицу переходят, благодаря за это Пророка. Даже балку в захудалом домишке на каком-нибудь Шри-Ганге не станут менять, не испросив благословения у жрецов Муад'Диба».

(Книга Обличений из «Хроники Хейта»)

— Ты многим рискуешь, являясь ко мне в это время, — произнес Эдрик, бросив яростный взгляд на лицедела через стенки контейнера.

— Насколько же слабосильно и узко твое разумение! — ответил Скитале. — И кто же, по-твоему, явился с визитом в твой дом?

Эдрик нерешительно вглядывался в объемистое тело, тяжелые веки, припухшее лицо. Было рано, и метаболизм Эдрика после ночного отдыха еще не перестроился на полное потребление меланжи.

— Надеюсь, по улице ты шел не с этой физиономией? — спросил Эдрик.

— Среди моих обличий сегодня были и совершенно не запоминающиеся.

Этот хамелеон решил, что смена шкуры защитит его ото всех неприятностей, необычайно отчетливо понял Эдрик. И вновь подумал: *а что, если его участие в заговоре не скрывает соучастников от прочих пророков… Сестры Императора, например?*

Эдрик качнул головой, взбаламутив оранжевый газ во всем контейнере, и произнес:

— Зачем ты здесь?

— Наш дар должен быстрее перейти к решительным действиям, — объявил Скитале.

— Это невозможно.

— Следует отыскать способ, — настаивал Скитале.

— Почему?

— Мне не нравится течение дел: Император пытается разделить нас. Он уже обратился с предложением к Бене Гессерит.

— Ах, это…

— Это! И вы обязаны заставить гхолу немедленно…

— Сделали его вы, тлейлаксу. Какие рекомен-

дации нужны вам от меня? — Эдрик умолк, пододвинулся к прозрачной стенке контейнера. — Или же вы солгали, и дар этот предназначен для иного?

— Чем солгали?

— Ты ведь утверждал, что гхола — оружие, которое нужно просто направить в цель… И когда гхола обретет хозяина, нам не придется уже вмешиваться.

— Ну, действия всякого гхолы можно ускорить, — отвечал Скитале. — Для этого достаточно просто поинтересоваться прежней личностью его.

— И к чему это приведет?

— Он станет действовать в соответствии с нашими целями.

— Но Император все-таки ментат, а потому мудр и логичен, — возразил Эдрик, — он может просто догадаться о наших мотивах… или его сестра. Если она обратит все свое внимание на…

— Что же, ты не в силах укрыть нас от его сестры? — спросил Скитале.

— Речь не о пророках, — отвечал Эдрик. — Я опасаюсь логики, нюха шпионов и ищеек империи, ее мощи и власти над Пряностью, ее…

— Перед мощью Императора не обязательно

испытывать трепет — если помнить, что она конечна, — отвечал Скитале.

Навигатор начал возбужденно извиваться, размахивая конечностями, словно некий диковинный тритон. Скитале подавил отвращение. Гильдиец был облачен в свой обычный темный комбинезон, на поясе вздувались емкости для всяких мелочей. И все же при движении он казался нагим. Виной тому эти плавательные движения, рассудил Скитале, и вновь поразился странной связи, собравшей таких различных заговорщиков. Они попросту несовместимы друг с другом. В этом кроется слабость их замысла.

Возбуждение Эдрика утихло. Он видел Скитале сквозь оранжевую дымку перед глазами. Каким ходом запасся лицедел, чтобы успеть вовремя спасти собственную шкуру? Поступки тлейлаксу были непредсказуемы. Недобрый знак.

Нечто в голосе и действиях навигатора свидетельствовало, что гильдиец боится сестры Императора куда больше, чем самого Муад'Диба. Мысль эта встревожила Скитале. Неужели заговорщики не знают об Алие чего-то важного? Сумеет ли один гхола погубить и брата, и сестру?

— Знаешь ли ты, что говорят об Алие? — принялся прощупывать почву Скитале.

— Что ты хочешь сказать? — человек-рыба вновь казался обеспокоенным.

— Что у философии и культуры еще не было такой покровительницы, — ответил Скитале. — Радость и красота в едином…

— Ни радость, ни красота не вечны, — возразил Эдрик. — Мы погубим обоих Атрейдесов. Культура! Да они насаждают ту культуру, которая помогает им править! Красота! Их красота порабощает. Они создают вокруг себя грамотное невежество, ведь это легче всего. Атрейдесы ничего не оставляют на волю случая. Ковать оковы — вот дело, привычное для их рук, Атрейдесы только сковывают и порабощают. Но всякий раб однажды да восстанет!

— Сестра может выйти замуж и родить, — проговорил Скитале.

— Что нам до сестры? — спросил Эдрик.

— Пару ей может подобрать Император, — пояснил Скитале.

— Пусть выбирает. Для этого уже слишком поздно.

— Будущего не выдумать, — предостерег его Скитале. — Ты не творец его, но и Атрейдес тоже. — Он кивнул. — Не следует рассчитывать на многое.

— Мы не из тех, кто легкомысленно болтает о творении, — запротестовал Эдрик. — Довольно того, что мы не принадлежим к сброду, пытающемуся сделать Муад'Диба мессией. Что за чушь? Зачем ты задаешь такие вопросы?

— Это не я, — отвечал Скитале, — вся эта планета задает такие вопросы.

— Планеты не разговаривают.

— Согласен — все, кроме этой.

— Неужели?

— Она говорит о творении. Песок, выпадающий по ночам, твердит эти слова.

— Это песок-то?

— Когда ты пробуждаешься утром, глазам твоим каждый раз предстает новый мир — девственная гладь, на которой еще никто не оставлял следа.

Девственная гладь, думал Эдрик. *Творение?* Его вдруг охватило беспокойство. Этот тесный контейнер, давящие стены вокруг… каменная темница угнетала его.

Следы на песке.

— Ты говоришь как фримен, — произнес Эдрик.

— Да, мысль эта принадлежит Вольному Народу, и она достаточно поучительна, — согласился Скитале. — Они говорят, что джихад Муад'Диба

оставляет свои следы во Вселенной, подобно фримену, ступающему по пескам. И следы эти подобны жизни человека.

— Так ли?

— Но всегда приходит ночь, — ответил Скитале, — а с ней ветер.

— Да, — согласился Эдрик. — Джихад не вечен. Муад'Диб использовал свой джихад и…

— Нет, — возразил Скитале. — Это не он использовал джихад — это джихад воспользовался им. По-моему, Муад'Диб прекратил бы его, если б только мог.

— Если б только мог? Для этого-то нужно всего…

— Ох, перестань! — бросил Скитале. — Как остановить эпидемию ментатизма? Она передается от личности к личности через парсеки. Она заразна, невероятно заразна. К тому же поражает человека в самое уязвимое место, и так переполненное останками прежде перенесенных подобных хворей. Кому по плечу остановить эту чуму? Даже у Муад'Диба не было противоядия. Корни этой болезни уходят в хаос. Кто может приказывать хаосу?

— Значит, и ты заразился? — спросил Эдрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, удив-

ляясь страху в словах Скитале. Или же лицедел успел предать их? Он не мог заглянуть в будущее, проверить, так ли это. Грядущее бурлило мутным ручьем, клокотало на камнях-пророках.

— Мы все уже заражены ею, — отвечал Скитале, напоминая себе, что интеллект Эдрика, увы, ограничен. Как бы намекнуть, чтобы гильдиец понял?

— Но ведь когда мы уничтожим его, — проговорил Эдрик, — зараза…

— Следовало бы оставить тебя в невежестве, — усмехнулся Скитале, — но долг не позволяет. К тому же это опасно для всех нас.

Эдрик дернулся, взмахнул перепончатой ногой, остановился, всколыхнув облака оранжевого газа.

— Странные речи, — неуверенно сказал он.

Более спокойным тоном Скитале проговорил:

— Да, власть Муад'Диба уже готова взорваться, развалиться на части, которые будут разлетаться столетиями! Разве ты не видишь этого?

— Гильдии приходилось иметь дело с религиями, — запротестовал Эдрик. — И если новая…

— Это же не просто религия! — попытался растолковать Скитале, подумывая, что сказала бы Преподобная Мать, если бы оказалась свидетель-

ницей суровой трепки, которую ему пришлось задать собрату-заговорщику. — Эта государственная религия — нечто совершенно иное. Муад'Диб повсюду насажал своих квизара тафвид, и они подменили собой былые правительства. Эта власть не имеет постоянных представительных органов, не имеет посольств. И то и другое подменяют епископы, которым и принадлежит власть. Люди завистливы.

— Но пока их ничто не соединяет, с ними легко справиться поодиночке, — отозвался Эдрик с самодовольной усмешкой, — стоит отрубить голову, и тело упадет на…

— У этого тела две головы, — заметил Скитале.

— Сестра… которая может выйти замуж.

— Которая *выйдет* замуж.

— Скитале, мне не нравится этот тон.

— А мне не нравится твое невежество.

— Ну и что, если она выйдет замуж. Как это скажется на наших планах?

— Это скажется на целой Вселенной.

— Но ведь они вовсе не уникальны. И я сам, например, обладаю известными силами.

— Ты младенец рядом с ними. Ползешь на четвереньках там, где они бегут.

— И все же они не уникальны!

— Не забывай, гильдиер, что мы, тлейлаксу, некогда сами породили Квисатц Хадераха. Существо, способное лицезреть весь спектакль, разворачивающийся во времени. Это неотъемлемое свойство его, нельзя надеяться на собственную безопасность, угрожая ему. Муад'Дибу, конечно, известно, что удар будет нанесен по его Чани. Значит, мы должны действовать быстрее, чем он. Свяжись с гхолой, заставь его действовать. Я сказал, как это сделать.

— А если я не смогу?

— Тогда перуны Муад'Диба поразят нас.

О червь пожирающий,

Устоишь ли против стремления необоримого?

Плоть и дыхание влекут бессчетнозубого

В землю начал, дабы

Сокрушить чудищ, в пламени пляшущих.

Нет обличья у многоликого,

Что укрыло бы пламень желания,

Жар божественный, яд устремления.

(«Гимн Червю» из «Книги Дюны»)

Пауль хорошенько пропотел в тренировочном зале, фехтуя с гхолой крисом и коротким мечом. Он теперь стоял у окна, глядел на площадь перед храмом и пытался представить себе, что делается с Чани в лазарете. Утром ей стало плохо, шла шестая неделя беременности. Врачей лучше тех, что уже суетились вокруг нее, попросту не существовало. Они известят его, если что-нибудь произойдет.

В полуденном небе над площадью нависали темные пылевые тучи. Такую погоду фримены звали «грязной».

Когда же наконец придет весть от врачей? Секунды осторожно крались мимо него, не решаясь обеспокоить своим присутствием.

Ожидание… ожидание… И Бене Гессерит еще ничего не ответили с Валлаха. Естественно, не без умысла.

Все это он уже видел… когда-то. Но теперь он отгораживал свое сознание от пророчества, желая быть просто рыбой, скользящей в водах времени не по собственной воле, а повинуясь могучим течениям и не сопротивляясь судьбе.

Гхола звенел оружием, разглядывал его. Пауль вздохнул, протянул руку к поясу и выключил щит. Как и всегда, по коже волной пробежали

мурашки.

Когда придет Чани, придется встретить ее гнев лицом к лицу, думал Пауль. Пока еще ему отпущено достаточно времени, чтобы примириться с тем, что его умолчание продлило ей жизнь. Разве он был не прав, предпочитая Чани наследнику? Ах-хх, по какому праву он решил это за нее? Дурацкая мысль. Нечего было и колебаться, зная альтернативу: застенки, пытки, горе… и все остальное, куда худшее.

Он услышал, как отворилась дверь… раздались шаги Чани.

Пауль повернулся.

Лицо Чани дышало убийством. Все прочее: золотое одеяние, подбиравший его широкий фрименский пояс, ожерелье из водяных колец, рука на бедре, возле ножа, внимательный взгляд, мгновенно обежавший комнату, — только подчеркивало грозу на лице.

Когда она оказалась рядом, Пауль раскрыл объятия и привлек ее к себе.

— Кто-то, — выдохнула она, уткнувшись носом в его грудь, — все это время потчевал меня контрацептивом… пока я не перешла на новую диету. Будут сложности с родами.

— Но есть же какие-то средства? — спросил он.

— Опасные. Я знаю, кто давал мне этот яд! И возьму ее кровь!

— Сихайя, — шепнул он, еще крепче прижимая ее к себе, чтобы унять внезапную дрожь. — Ты же понесла. Разве этого не довольно?

— Сейчас моя жизнь просто сгорает, — отвечала она, — будущие роды определяют теперь всю мою жизнь. Врачи сказали мне, что все жизненные процессы ужасно ускорились. Я должна есть, есть и есть… Пряность тоже — во всех видах — есть и пить. Я убью ее за это!

Пауль притронулся губами к ее щеке.

— Нет, моя Сихайя, ты никого не убьешь, — и подумал: *Любимая, Ирулан продлила твою жизнь. Роды принесут тебе смерть.*

Горе грызло кости его, и жизнь утекала… в черную пустоту.

Чани отодвинулась от него.

— Ее нельзя простить!

— Кто говорил о прощении?

— А тогда почему мне нельзя просто убить ее?

Вопрос откровенный, чисто фрименский, и Пауль едва сумел подавить истерическое желание расхохотаться, с трудом выдавив взамен:

— Это ничего не исправит.

— Ты *видел* это?

И то, что он видел, мгновенно предстало перед его умственным взором. У Пауля заныло под ложечкой.

— Видел… видел… — пробормотал он. Все вокруг до мельчайших подробностей укладывалось в будущее, которое буквально парализовало его. Слишком часто он видел все это; какие-то цепи приковали его к этому будущему, которое сладострастным суккубом[4] наваливалось на него. Горло стиснула внезапная сухость. Значит, ведьмин зов проклятого пророческого дара наворожил ему наконец сегодняшний день, не ведающий пощады?

— Говори, что ты *видел*, — потребовала Чани.

— Не могу.

— А почему я не должна убивать ее?

— Потому что я прошу тебя об этом.

Он смотрел, как она реагировала на его слова. *Так песок поглощает воду, впитывает и скрывает. Найдется ли хоть одна капля повиновения под этой гневной, раскаленной поверхностью?* — думал он. И теперь только понял, что жизнь в Императорской Цитадели совершенно не изменила Чани. Очередная остановка на долгом пути

---

[4] Сноски: 4
Демон женского пола, вступающий в связь с мужчинами.

по Пустыне, отдых с любимым… Она не утратила ничего, дарованного ей Пустыней.

Отстранив его, Чани смотрела на гхолу, ожидавшего возле многоугольника, выложенного на полу тренировочного зала.

— Ты фехтовал с ним? — спросила она.

— Да, мне это нравится.

Она глянула на многоугольник, перевела взгляд на металлические глаза гхолы.

— А мне — нет.

— Враги не прибегнут к насилию, он не нападет на меня, — проговорил Пауль.

— Ты видел это?

– *Этого* я не видел.

— И откуда ты знаешь?

— Ну, это не только гхола, но еще и Дункан Айдахо.

— Его сделали Бене Тлейлаксу.

— Они сделали больше, чем предполагали.

Она качнула головой. Кончик шарфа-нежони лег на воротник ее платья.

— Он — гхола, и этого тебе не изменить.

— Хейт, — повернулся к гхоле Пауль, — являешься ли ты орудием, созданным для моего уничтожения?

— Если изменятся суть и природа настоящего,

будущее тоже изменится, — отвечал гхола.

— Это не ответ, — возразила Чани.

Пауль возвысил голос:

— Хейт, как я умру?

В искусственных глазах блеснули искорки.

— Говорят, милорд, вы умрете от избытка власти и денег.

Чани застыла.

— Как он смеет так разговаривать с тобою?

— Ментат говорит правду, — проговорил Пауль.

— А Дункан Айдахо был тебе истинным другом? — спросила она.

— Он отдал за меня жизнь.

— Но все знают, — шепнула Чани, — что гхола не становится тем человеком, которым когда-то был.

— Не хотите ли вы обратить меня? — поднял брови гхола, глядя на Чани.

— Что он имеет в виду? — удивилась та.

— Обратить в свою веру, или повернуть обратно… — проговорил Пауль, — но пути назад не существует.

— Каждый человек несет в себе собственное прошлое, — заметил Хейт.

— И каждый гхола? — спросил Пауль.

— Некоторым образом, милорд.

— Тогда скажи, что осталось от прошлого в глубине твоей плоти? — спросил Пауль.

Чани видела, как вопрос этот взволновал гхолу. Ладони его сжались в кулаки, движения стали порывистыми. Она поглядела на Пауля, удивляясь: зачем ему это? Или же есть способ преобразить это создание в того, прежнего человека?

— Случалось ли прежде, чтобы гхола вспоминал свое истинное прошлое? — спросила Чани.

— Этого пытались добиться, и не однажды, — отвечал Хейт, не подымая глаз. — Но ни один гхола никогда не обрел свою прежнюю память.

— Но ты жаждешь этого, — проговорил Пауль.

Гладкие глаза гхолы в упор смотрели на Императора.

— Да!

Тихим голосом Пауль начал:

— Если есть способ…

— Эта плоть, — проговорил гхола, словно в странном приветствии взметнув руку ко лбу, — не есть плоть моего рождения. Она… восстановлена. Это всего лишь форма. Такое по силам и лицеделам.

— Ну, не совсем, — отвечал Пауль, — к тому же ты не лицедел.

— Совершенно верно, милорд.

— Что же определяет форму твоего тела?

— Наследственная информация, записанная в исходных клетках.

— Где-то существует, — сказал задумчиво Пауль, — пластиковая штуковина, помнящая форму тела Дункана Айдахо. Говорят, что древние пытались заниматься этими вещами еще до Джихада Слуг. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что взяла она от оригинала?

Гхола пожал плечами.

— А что, если это был не Дункан Айдахо? — спросила Чани.

— Это был он.

— Почему ты в этом уверен? — спросила она.

— Он похож на Дункана совершенно во всем. Я не могу представить себе такой силы, что могла бы точно, без искажений, без устали выдерживать эту форму изо дня в день.

— Мой господин! — запротестовал Хейт. — То, что мы не можем чего-либо представить, еще не делает такую вещь невозможной. Как гхола, я могу оказаться вынужден сделать такое, чего бы не сделал, будучи просто человеком!

— Теперь видишь? — спросил Пауль, внимательно глядя на Чани.

Она кивнула.

Пряча глубокую печаль, Пауль отвернулся. Он подошел к двери на балкон, отодвинул шторы. В наступившей мгле вспыхнуло освещение. Он потуже запахнулся в одеяние, прислушиваясь к тому, что творилось у него за спиной.

Тишина.

Он обернулся. Чани стояла как в трансе, не отводя глаз от гхолы.

Хейт же, как показалось Паулю, спрятался в какую-то из внутренних каморок собственного существа, в месте, подобающем гхоле.

Чани повернулась на звуки шагов Пауля. Она все еще не могла отделаться от ощущения: слова Пауля на какой-то миг сделали гхолу полнокровным живым человеком. На миг она перестала бояться его, он вдруг превратился в личность, которая была достойна ее восхищения. Теперь она поняла, зачем все это потребовалось Паулю. Он хотел, чтобы она заметила мужчину во плоти гхолы.

Она поглядела на Пауля.

— И таким-то мужем был этот Дункан Айдахо?

— Да, таким он и был. И есть ныне.

— А он позволил бы Ирулан остаться в живых? — спросила Чани.

Впитывается вода, да неглубоко, подумал Пауль, но произнес только:

— Если бы я приказал ему.

— Не понимаю, — сказала она, — ведь и тебе следовало бы сердиться?

— Я уже сердит.

— Не похоже. Ты какой-то грустный.

— Да, немного. — Он закрыл глаза.

— Ты — мой мужчина, — вздохнула она. — Я так давно знаю тебя, но вдруг оказалось, что не понимаю.

Паулю вдруг представилось, что он спускается в глубь длинной пещеры. Плоть его двигалась, ноги переступали сами собой, но мысли были далеко.

— Я и сам не понимаю себя, — прошептал он и, открыв глаза, обнаружил, что Чани нет рядом.

Она проговорила откуда-то из-за спины:

— Любимый мой, я больше не буду спрашивать, что ты видел. С меня хватит того, что я рожу тебе долгожданного наследника.

Он кивнул и отозвался:

— Это я знаю уже давным-давно. — Он обернулся к ней. Чани казалась такой далекой…

Взяв себя в руки, она положила ладонь на живот.

— Есть хочется… Врачи сказали, что теперь мне придется есть в три-четыре раза больше, чем прежде. Я боюсь, любимый. Все идет слишком быстро.

Слишком, мысленно согласился он. *Плод сам понимает, что следует поспешить.*

* * *

Дерзость Муад'Диба проявляется в том, что знал он с самого начала путь свой, но ни разу не сошел с него. Яснее всего сказал об этом он сам: «Говорю вам: пришло время моего испытания, и покажет оно глубину служения моего». Так сплетал он все воедино, чтобы и друг, и враг поклонялись ему. Поэтому и только поэтому взывали его апостолы: «Боже, спаси нас от прочих путей, которые Муад'Диб укрыл под водами своей жизни». Даже представить себе эти «прочие пути» можно лишь с глубочайшим отвращением.

(Из «Йиам-эль-Дин», Книги Суда)

Весть принесла молодая женщина — имя ее, лицо и семья были известны Чани, потому-то она и миновала преграды, расставленные Имперской службой безопасности.

Чани лишь назвала ее имя начальнику охраны Императора по имени Баннерджи, устроившему встречу вестницы с Муад'Дибом. Офицер руководствовался чистой интуицией и заверениями молодой женщины, что отец ее в дни, предшествовавшие джихаду, принадлежал к числу смертников Императора, ужасающих

федайкинов. Иначе он, скорее всего, не счел бы необходимым обращать внимание на ее утверждение, что весть предназначена для ушей одного лишь Муад'Диба.

Перед аудиенцией женщину, конечно же, и просветили, и обыскали в личных апартаментах Пауля. А потом, не выпуская из ладони ножа, Баннерджи повел ее за руку.

Почти в полдень вступили они в это странное жилище, в котором обиход фримена дополнялся роскошью наследственной знати.

Три стены его были завешены гобеленами, типичными для хайрега, — изящными вышивками на темы мифов Пустыни. Четвертую стену занимал обзорный экран — ровная серебристо-серая поверхность его поднималась за овальным столом, на котором находились одни только фрименские песочные часы, встроенные в орерий[5] — этот иксиканский гравимеханизм объединял макеты лун солнц Арракиса в классическую Триаду Червя.

Стоявший возле стола Пауль смотрел на Баннерджи. Этот офицер попал на службу безопасности из фрименских констеблей, добившись места

---

[5] Сноски: 5

Астрономический инструмент, демонстрирующий движение планет, механическая модель планетной системы; иногда планетарий.

лишь собственным умом и преданностью, хотя анкету его портило происхождение из контрабандистов, о чем говорила сама фамилия. Крепкий мужчина, чуть ли не толстый. Черные пряди хохолком экзотической птицы ниспадали на казавшийся влажным лоб. Синие-на-синем глаза его могли, не меняя выражения, невозмутимо взирать и на сцены блаженства, и на корчи мук. Чани и Стилгар доверяли ему. Пауль знал, что, если он прикажет удавить напросившуюся в гости девицу, Баннерджи немедленно исполнит приказ.

— Сир, вот девушка с вестью, — проговорил Баннерджи. — Госпожа Чани говорила, что предупредила вас.

— Да, — коротко кивнул Пауль.

Как ни странно, девушка на него не глядела. Внимание ее было поглощено оррерием. Смуглая, среднего роста, закутанная в одежды, роскошная ткань и простой покрой которых свидетельствовали о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из той же ткани. Руки ее прятались в складках платья. Пауль подумал — должно быть, они стиснуты в кулаки. Это соответствовало характеру. Все в ней вообще соответствовало характеру, в том числе и одежда:

последние остатки былой роскоши, приберегенные для подобной оказии.

Пауль жестом велел Баннерджи отступить. Тот нерешительно повиновался. Девушка шевельнулась, грациозно шагнула вперед. Но глаза ее глядели в сторону.

Пауль кашлянул.

Только теперь девушка подняла взгляд. Синие глаза ее округлились, выражая точным образом отмеренный трепет. Странное личико с узким подбородком, сдержанный рот. Глаза над высокими скулами казались слишком большими. Но было в ней нечто безрадостное, свидетельствующее о том, что улыбка — редкая гостья на этом лице. В уголках глаз желтела легкая дымка — или от раздражения песком, или из-за привязанности к семуте.

Все как и должно быть.

— Ты попросила, чтобы я принял тебя, — проговорил Пауль.

Теперь настал миг высшего испытания девичьего обличья. Скитале воспроизвел все, что мог, — облик, манеры, пол, голос. Но эту девушку Муад'Диб знал в дни своей жизни в сиетче. Пусть она была только ребенком тогда, но их с Муад'Дибом объединял одинаковый образ жизни.

Некоторых тем следовало избегать в разговоре. Скитале не приходилось еще исполнять более сложной роли.

— Я — Лихна, дочь Отхейма, сына Бериаль-Диба.

Девушка выговорила имена тихо, но твердо.

Пауль кивнул. Он уже понял, каким образом этот лицедел сумел обмануть Чани. Если бы не знания Бене Гессерит, если бы не паутина дао, которой его пророческое зрение окутывало его, такое обличье, возможно, ввело бы в заблуждение и его самого.

Тренировка позволила подметить некоторые ошибки. Девушка казалась старше, чем следовало; голосовые связки явно были перенапряжены; посадка головы и плеч буквально на йоту отличались от непринужденной осанки фрименской женщины. Но кое-что было сделано просто отменно: богатое платье кое-где подштопано, выдавая истинное положение дел, черты лица сымитированы безупречно. Значит, лицеделу понравилась эта роль.

— Отдохни в моем доме, дочь Отхейма, — отвечал Пауль обычным фрименским приветствием, — я рад тебе, как воде после дневного перехода.

Только легчайшее удовлетворение этим очевидным доверием отразилось на физиономии лицедела, выдавая его самоуверенность.

— Я принесла весть, — проговорила девушка.

— Вестник человека все равно что сам человек, — отвечал Пауль.

Скитале тихо вздохнул. Все пока шло хорошо, но наступал важный момент: Атрейдеса следовало подтолкнуть в нужную сторону. Свою фрименку-наложницу он должен потерять в таких обстоятельствах, когда винить в этом будет некого. Кроме себя самого, всесильного Муад'Диба. Следует заставить его сперва осознать собственное падение, а потом принять предложение тлейлаксу.

— Я дым, который разгоняет ночную дремоту, — сказал Скитале, воспользовавшись кодовой фразой федайкинов, означавшей: *я несу плохие известия.*

Пауль с трудом сохранял спокойствие, он казался себе нагим, душа его бродила в темноте, скрытой от всех видений. Этого лицедела укрывал могучий оракул. Только краешки этой ситуации были ведомы Паулю. Он знал только, чего ему *не следует* делать. Лицедела нельзя было убивать. Это вело к будущему, которого

следовало избегать любой ценой. Может быть, и в этой тьме отыщется тропинка, которая выведет его из кошмара.

— Говори свою весть, — произнес Пауль.

Баннерджи шагнул в сторону так, чтобы видеть лицо девушки. Она, казалось, впервые заметила рукоятку ножа под ладонью офицера безопасности.

— Невинный не верит во зло, — проговорила она, глядя на Баннерджи.

Ах-х, великолепная работа, думал Пауль. Так сказала бы и настоящая Лихна. Острая жалость на миг пронзила его — к истинной дочери Отхейма, убитой и выброшенной в пески. *Не время для подобных эмоций*, нахмурился он.

Баннерджи внимательно глядел на девушку.

— Мне было приказано тайно передать эту весть, — проговорила она.

— Почему? — резким голосом спросил Баннерджи.

— Так пожелал отец.

— Это мой друг, — отвечал Пауль. — Или я не фримен? Мой друг может слышать все, что предназначено для моих ушей.

Скитале в девичьем обличье подобрался. *Обычай фрименов… или ловушка?*

— Император вправе устанавливать собственные законы, — ответил он. — Вот моя весть: отец мой хочет, чтобы ты пришел к нему вместе с Чани.

— Зачем ему Чани?

— Она твоя женщина и сайядина. По законам наших племен, это водяное дело. Она должна подтвердить, что отец мой говорит по фрименскому обычаю.

Значит, в заговоре участвуют и фримены, думал Пауль. Это соответствовало тем событиям, что скоро последуют. И у него не было выхода, оставалось только идти этим путем.

— О чем будет говорить твой отец? — спросил Пауль.

— О заговоре против тебя, о заговоре среди фрименов.

— Почему же он сам не принес сюда эту весть? — потребовал ответа Баннерджи.

Она глядела на Пауля.

— Он не может этого сделать. Заговорщики подозревают его. Он не дойдет до дворца.

— А он не мог поделиться подробностями с тобой? — спросил Баннерджи. — Иначе зачем еще рисковать собственной дочерью?

— Детали запечатлены в дистрансе, который

откроется для одного Муад'Диба, — проговорила она. — Мне известно лишь это.

— Почему он не послал этот дистранс? — спросил Пауль.

— Это человек, — отвечала она.

— Тогда я приду, — проговорил Пауль, — но только один.

— Чани должна прийти вместе с тобой.

— Чани в положении.

— Разве беременные фрименки отказываются ходить?

— Мои враги травили ее тонким ядом, — отвечал Пауль. — Ее ждут трудные роды. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скитале сумел овладеть собой, странные эмоции отразились на девичьем лице: гнев и разочарование. События невольно напомнили ему: у каждой жертвы должен быть путь к спасению. Заговор не провалился, нет. Атрейдес увяз в сетях, ведь он уже стал самим собой. И скорее погибнет, чем превратится в собственную противоположность. Так было с Квисатц Хадерахом тлейлаксу. Так будет и с ним. А потом… гхола.

— Разреши мне самой попросить Чани об этом, — попросила девушка.

— Я решил, — отвечал Пауль. — Вместо нее будешь сопровождать меня *ты.*

— Но я не сайядина обрядов!

— Разве ты не подруга Чани?

Попался! — подумал Скитале. *Неужели он заподозрил? Нет… Просто он осторожен, как подобает фримену. И к тому же контрацептив — это факт. Хорошо, существуют и другие пути.*

— Отец не велел мне возвращаться, — продолжил Скитале, — он сказал, чтобы я просила убежища у тебя. Он сказал, что ты не будешь рисковать мною.

Пауль кивнул. Абсолютно достоверно. Он не мог отказать ей в убежище. Ей, фрименке, покорной слову отца.

— Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, — ответил Пауль. — Расскажи нам, как идти к твоему отцу.

— А ты уверен, что можешь доверять жене Стилгара?

— Я знаю это.

— А я — нет.

Пауль поджал губы, потом спросил:

— Твоя мать жива?

— Моя истинная мать ушла к Шаи-Хулуду. Но приемная жива и заботится об отце. Зачем она?

— Она из сиетча Табр?

— Да.

— Я помню ее, — проговорил Пауль. — Она заменит Чани.

Он дал знак Баннерджи.

— Пусть помощники отведут Лихну, дочь Отхейма, в подходящее для нее помещение.

Баннерджи кивнул. *Помощники.* Слово это означало, что вестницу следует поместить под усиленный надзор. Он взял ее за руку. Девушка воспротивилась.

— Как ты пойдешь к моему отцу? — спросила она.

— Как идти, расскажешь Баннерджи, — отвечал Пауль. — Он мой друг.

— Нет! Отец не велел! Не могу!

— Баннерджи?.. — обратился Пауль к офицеру.

Тот помедлил. Пауль видел, что Баннерджи роется в своей энциклопедической памяти, благодаря которой он стал доверенным лицом Императора.

— Я знаю проводника, который может отвести вас к Отхейму, — ответил наконец Баннерджи.

— Я пойду один, — отрезал Пауль.

— Сир, если вы…

— Этого ведь хочет Отхейм, — проговорил Па-

уль, едва скрывая иронию.

— Сир, это слишком опасно, — возражал Баннерджи.

— Даже Императорам приходится порой рисковать, — отвечал Пауль. — Я принял решение. Повинуйся.

Баннерджи не без колебаний вывел лицедела из комнаты.

Пауль отвернулся к пустому экрану. Ему казалось, что на него с высоты вот-вот свалится скала.

Сказать Баннерджи, кто эта вестница? — спросил он себя. Нет! В видении он не делал этого. Любые отклонения от видения лишь усугубляют насилие. Только бы успеть отыскать ось, на которой все крутится, чтобы вырвать себя из видения.

Если только она существует…

* * *

Какой бы экзотический вид ни принимала цивилизация, каких высот развития ни достигло бы общество, какой сложной ни становилась бы связь людей и машин, всегда наступает момент кульминации сил, когда дальнейшее направление развития человечества, само будущее его оказываются зависящими от простых поступков отдельных личностей.

(Из Богокниги Тлейлаксу)

На высоком пешеходном мостике между Цитаделью и зданием Квизарата Пауль начал прихрамывать. Солнце садилось, и в длинных тенях ему легче было скрыться, но внимательный взгляд всегда мог высмотреть в его походке какую-нибудь особенность и узнать его. Щит был на нем, но Пауль не включал его: помощники считали, что мерцание поля только вызовет подозрения.

Пауль посмотрел налево. Песчаные облака, как разрезные жалюзи, перегородили небо. Воздух за фильтрами дистикомба казался столь же сухим, как посреди хайрега.

Конечно, он был не один, десница службы безопасности вовсе не расслабилась с тех пор, когда он перестал прогуливаться по ночам в одиночку.

Высоко над головой как бы случайно пролетали орнитоптеры с приборами ночного видения и контрольными приемниками, следящими за укрытым в его одеянии передатчиком; проверенные люди патрулировали улицы. Прочие разбредались по городу, рассмотрев и запомнив Императора в его фрименском обличье: дистикомб, Пустынные сапоги-тимаги. Грим делал его кожу более темной, за щеки были вставлены пластиковые вкладыши. Слева у подбородка торчала трубка дистикомба.

С противоположного края мостика Пауль оглянулся назад. Около каменной решетки, скрывавшей вход в его апартаменты, что-то шевельнулось. Конечно же, Чани. «Пошел искать песка в Пустыне», — говорила она в таких случаях.

Ничего не знает, думал он. Приходилось выбирать меньшее из страданий, но теперь уже даже самое малое становилось непереносимым. В последний раз тау чуть не выдало все его чувства. К счастью, она неправильно их истолковала… Она-то думала, что страхи его вызваны неизвестностью.

Если бы только не знать ни о чем, думал он.

Он сошел с моста и вошел в верхний коридор.

Повсюду там были плавающие лампы, торопились по делам люди. Квизарат не дремал. Внимание Пауля привлекли таблички над дверьми, прежде он не обращал на них внимания: *«Скорая торговля», «Ветровые конденсаторы и дистиллирующие устройства», «Перспективные пророчества», «Испытания Веры»…*

Надо всем этим можно было повесить одну общую табличку — *«Распространение бюрократии».*

В его Вселенной само собой зарождалось новое существо: чиновник гражданский и религиозный. Вступая в Квизарат, он чаще всего был новообращенным. Ключевые посты занимали фримены, зато *эти* кишмя кишели во всех нишах пониже. Они могли позволить себе меланжу — и как свидетельство богатства, и в гериатрических целях. Они держались в стороне от властей: Императора, Гильдии, Бене Гессерит, Ландсраада, правящего семейства и Квизарата. Рутина и отчетность были их истинными божествами. Им служили ментаты, они пользовались изощренными системами ведения документации. Целесообразность была главным понятием в их катехизисе. И на словах всякий из них открещивался от идей, против которых выступил Джихад

Слуг. Да, машина не может быть подобием человеческого разума. Но на деле любой из них явно предпочитал машины людям, статистику — личности и общий подход — личным контактам, требующим воображения и инициативы.

Выходя на пандус с другой стороны здания, Пауль услышал, как зазвонили колокола, созывая на вечернюю службу в Храм Алии.

В тревожном перезвоне колоколов странным образом слышалась вечность.

Располагавшийся по ту сторону заполненной народом площади храм еще не успел потерять новизну, и обряды его были придуманы недавно. Но что-то в этом здании, высящемся на краю Арракинской впадины, свидетельствовало о противоположном. Быть может, потому, что песок и ветер уже начинают точить камень и пластик, или потому, что прочие сооружения словно жались к нему. Храм казался древним, исполненным тайн и традиций.

Пауль отдался напору толпы. На этом настоял единственный оказавшийся неподалеку сопровождающий. Быстрое согласие Пауля вовсе не обрадовало службу безопасности. Еще менее того — Стилгара; больше всех беспокоилась Чани.

Несмотря на обступившую толпу, он ощущал

странную свободу в движениях, его старательно обходили, не задевая; горожан и паломников учили правильно обходиться с фрименами. И он держался как человек из глубокой Пустыни. Такие легко вспыхивают гневом.

К ступеням храма подходили быстрее, напор толпы даже увеличивался. Теперь окружавшим трудно было избегать столкновений с ним и отовсюду неслись ритуальные извинения: «Прошу прощения, благородный господин. Увы, я был неловок», «Простите, почтеннейший, но такой давки я еще не видел», «Извиняюсь, святой человек, какой-то грубиян подтолкнул меня».

После первых извинений Пауль уже не обращал внимания на последующие. За ними не было ничего, кроме ритуального страха. Ему даже подумалось — как далеко ушел он от родного Каладанского замка! Где впервые поставил он ногу на путь, что привел его на эту людную площадь, в столицу планеты, находящейся в невероятной дали от Каладана? И вступал ли он на эту тропу вообще? Разве хоть однажды в жизни действия его определялись только одной причиной? Сложные мотивы, комплексы побуждений действовали на него; подобного переплетения реальности не ведал никто из людей во всей истории челове-

чества. Пауля все преследовало ощущение, что он может еще уклониться от поджидающей его в конце концов участи… но толпа валила вперед, и с легким головокружением он подумал, что заблудился, потерял свой собственный путь по жизни.

Толпа несла его вверх по ступеням под портик храма. Голоса приумолкли. Запахло страхом — едким и кислым, как пот.

Псаломщики-аколиты уже начали службу. Простой речитатив их заглушал прочие звуки — перешептывание, шелест одежд, шарканье ног, покашливание, — гимн говорил о Дальних Краях, которые в священном трансе посещает Великая Жрица.

Она едет на великих червях пространства
Сквозь бури и ураганы
В страну тишины, и покоя.
И хранит уснувших у логова змей,
Облегчает жар Пустыни,
Прячет нас в прохладной тени.
Это блеск белых зубов ее
Ведет нас в ночи,

Это пряди волос ее
Уводят нас в небо;
Благоухание, ароматы цветочные
Окружают ее.

Балак! — по-фрименски подумал Пауль. *Будь осторожен! Она может быть разгневана.*

Вдоль стен портика высился ряд светящихся трубок, выполненных в форме свечей. Они мерцали, тем самым пробуждая древние воспоминания в душе Пауля… так и было задумано. Хитроумный замысел, атавизм. Пауль ненавидел себя: ведь и он приложил руку к этому обману.

Через высокие металлические двери толпа втекала в огромный неф, во мраке его высоко над головой играли огоньки, вдали ярко светился алтарь. Пляшущие огни за этим обманчиво простым сооружением из черного дерева, украшенным изображениями на темы фрименских мифов, в сочетании с полем преддвери[6] создавали впечатление северного сияния.

Семь рядов служек, выстроившихся под этим призрачным занавесом, обретали совершенно странный вид: чернели их одежды, белели лица, в

[6] Сноски: 6

Преддверь, или «выход предусмотрительности», — запасной выход, защищенный силовым щитом.

едином порыве открывались и закрывались рты.

Пауль вглядывался в окружавших его пилигримов, вдруг позавидовав их сосредоточенности, страстному ожиданию откровений, которых сам он и слышать не мог без зевоты. Паломники же словно обретали здесь нечто таинственное и целительное, сокрытое для него.

Он попытался подвинуться поближе к алтарю, но на руку его вдруг легла чья-то ладонь. Пауль мгновенно обернулся, встретил испытующий взгляд старика-фримена — синие-на-синем глаза под кустистыми бровями, в них светилось узнавание. В мозгу Пауля вспыхнуло имя — Разир. Он помнил этого фримена еще по временам жизни в сиетче.

Пауль понимал, что в окружении толпы окажется совершенно беспомощным, если Разир попытается напасть на него.

Старик пододвинулся ближе, рука его под вытертым песком одеянием, конечно же, сжимала рукоять криса. Пауль постарался насколько возможно изготовиться к защите. Старик наклонил голову к уху Пауля и шепнул: *«Мы пойдем вместе с ними».*

Кодовый сигнал. Сопровождающий. Пауль кивнул.

Разир отодвинулся, повернулся к алтарю.

– *«Она грядет с востока,* — возглашали аколиты. — *Солнце стоит за ее спиною. Ничто не скроется от нее. Ослепительный свет солнца все откроет ее глазам, от которых ничто не утаится: ни свет, ни тьма».*

Поверх голосов застонал ребаб, пение замолкло, настало молчание. В наэлектризованном возбуждении толпа продвинулась вперед на несколько метров. Теперь все сбились в тугую массу, дыхание людей смешалось с густым запахом Пряности.

– *Шаи-Хулуд пишет на чистом песке!* — провозгласил хор.

Пауль вдруг ощутил, что даже у него, как и у всех прочих, перехватило дыхание. В тенях позади сверкающей преддвери тихо вступил женский хор:

— Алия… Алия… Алия…

Пение становилось все громче и вдруг умолкло.

А потом нежные, как заря, голоса завели:

Она усмиряет бури,

Глаза ее истребляют врагов,

Терзают неверных.

От шпилей Туоно,
Где брезжит рассвет,
Где текут чистые воды,
Видна ее тень.
В летнюю жару она
Дарует нам хлеб и млеко
Прохладное, благоухающее травами,
Ее глаза испепеляют врагов,
Терзают угнетателей
И проницают все тайны.
Она – Алия… Алия… Алия… Алия.

Голоса медленно смолкли. Пауля замутило. *Что же мы наделали,* подумал он. *Алия пока еще только юная ведьма, но вот-вот повзрослеет и станет еще страшнее.*

Духовная атмосфера этого храма терзала его. Какая-то его часть была заодно со всеми здесь собравшимися, но другая противилась, отвергая услышанное, и противоречие было мучительным. Он словно утопал в собственном неискупном грехе. Вселенная за пределами храма необъятна. Разве способен один человек в придуманном ритуале охватить весь необъятный простор… объединить людей единым верова-

ем, доступным для каждого?

Пауль поежился.

Вселенная всегда противостояла ему. Она так и стремилась выскользнуть из его хватки, принимала несчетные обличья, чтобы обмануть его. Вселенная никогда не примет формы, которую он будет придавать ей.

Глубокое молчание охватило храм.

Из тьмы за играющей радугой выступила Алия. На ней были желтые одежды, расшитые зелеными узорами — фамильным цветом Атрейдесов: желтизна символизировала золотое солнце, зелень же — смерть, которая порождает жизнь. Паулю вдруг показалось, что Алия предстала перед ним одним, только ради него одного. Он глядел над толпой на собственную сестру. Ту, что была его сестрою. Он знал и весь ритуал, и истоки его, но никогда еще не случалось ему стоять здесь вместе с паломниками, глядеть на нее их глазами. И чувствуя таинственность сего, Пауль понял, что она — часть противостоящей ему Вселенной.

Аколиты поднесли Алие золотую чашу-потир.

Она подняла чашу.

Пауль знал, что в ней — непреобразованная меланжа, тонкий яд, благословение оракула.

Не отводя глаз от потира, Алия заговорила.

Голос ее журчал ручейком, ласкал уши, как серебряный колокольчик.

— Вначале все мы были пусты, — начала она.

— Не ведали ни о чем, — отозвался хор.

— И мы не знали той Силы, что обитает повсюду и во всех временах, — продолжила Алия.

— Не знали, не ведали, — откликнулся хор.

— Вот Сила, — проговорила Алия, приподнимая потир.

— Она дарует нам счастье, — пел хор.

И горе, думал Пауль.

— Она пробуждает душу, — говорила Алия.

— Рассеивает сомнения, — звенел хор.

— Слова убивают нас, — продолжила Алия.

— Сила исцеляет, — отозвался хор.

Приложив потир к губам, Алия отпила.

К собственному удивлению, Пауль понял, что он затаил дыхание, как и все вокруг него. Как самый простой паломник. И хотя он до тонкостей знал, что именно ощущает сейчас Алия, всеобщее тау захватило его. Он вдруг вспомнил, как течет по телу этот огненный яд. Как потом замирает время, как восприятие стягивается в точку, преобразующую яд. Он вновь вспомнил, как пробуждаешься среди безвременья, ощущая, что все возможно. Он знал все, что сейчас чувствует

Алия. Но и не знал этого: тайна застилала глаза.

Затрепетав, Алия опустилась на колени.

И Пауль охнул вместе с завороженными паломниками. И кивнул сам себе. Дымка тайны начинала развеиваться. Посреди всеобщего благоговения он успел позабыть, что каждое видение принадлежит тем, кто ищет, тем, кто еще в пути, тем, кто вглядывается во тьму, не умея отличить действительности от малого случая. Люди жаждут абсолюта, но не могут достичь его.

И в жажде своей теряют сегодняшнее.

В миг преобразования яда Алия пошатнулась.

Пауль ощущал, что какая-то трансцендентная сущность твердит ему: «Погляди! Сюда! Понимаешь теперь, чего ты не заметил?..» В этот момент он словно смотрел чужими глазами, ощущая здесь ритм и фантазию, невозможные ни для художника, ни для поэта. Все было прекрасно и исполнено жизни, и ослепительный свет высветил все пресыщение властью… его собственной властью.

Алия заговорила. Усиленный репродукторами, голос ее грохотал под сводами нефа.

— Светлая ночь, — провозгласила она.

Стон волной понесся над паломниками.

— Ничто не укроется во тьме этой ночи! — про-

должила Алия. — Какой редкостный свет — эта тьма! На нее нельзя смотреть! Чувствам не понять ее. Словам не описать ее, — голос Алии стал тише. — Но перед нами пропасть. И она несет в чреве своем все, чему предстоит еще быть. Ах-хх, какое сладостное насилие!

Пауль почувствовал, что ждет от сестры чего-то, какого-то знака, предназначенного лишь ему одному. Дела или слова, мистического знака или заклинания, которым она словно стрелу наложит его на свой космический лук. Капелькой ртути трепетал этот миг в его сознании.

— Будет печаль, — нараспев проговорила Алия. — Помните, что все, что есть вокруг нас, — лишь начало, вечное начало. Миры еще не покорены. И голос мой отзовется в возвышенных судьбах. И вы посмеетесь над прошлым, и забудете эти слова: за всеми различиями кроется единство.

Подавив разочарование, Пауль глядел на склонившую голову Алию. Она ничего не сказала ему, он ждал напрасно. Собственное тело вдруг показалось ему пустой скорлупкой, шкуркой, сброшенной насекомым в Пустыне.

И другие ощущают это, думал он. Вокруг беспокойно зашевелились. Слева от Пауля в нефе

скорбно и неразборчиво вскрикнула женщина.

Алия подняла голову, и Пауль с легким головокружением понял, что словно бы смотрит в ее остекленевшие глаза с расстояния в несколько дюймов.

— Кто призывает меня? — спросила Алия.

— Я, — закричала женщина… — Это я, Алия! Помоги мне, о Алия! Мне сказали, что сын мой погиб на Муритане. Он оставил меня? И я никогда больше не увижу сына?.. Это правда, скажи мне?

— Не иди назад по песку, — нараспев отвечала Алия. — Ничто не гибнет. Все возвращается, но ты можешь не узнать того, кто вернется.

— Я не поняла, Алия, — стенала женщина.

— Ты живешь в воздухе, но не видишь его, — резко ответила Алия. — Или ты ящерица? Твой голос — голос фрименки. Разве зовут фримены своих мертвых обратно? Что нам надо от них, кроме воды?

В центре нефа мужчина в богатом красном плаще закричал, воздев вверх обе руки так, что рукава плаща упали вниз, открыв тонкое полотно рубашки.

— Алия, — закричал он. — Мне предлагают сделку. Согласиться ли?

— Ты пришел сюда попрошайничать? — от-

вечала Алия. — Хочешь найти золотую чашу — встретишь кинжал.

— Меня попросили убить человека, — бухнул голос справа, в котором слышались интонации жителя сиетча. — Соглашаться ли? А если соглашусь, сложится ли все удачно?

— Конец и начало едины, — отрезала Алия. — Разве я еще не говорила об этом? Ты пришел не за этим. Ты уже сомневаешься — раз явился сюда и задал этот вопрос!

— Она сегодня не в духе, — пробормотала женщина, стоявшая рядом с Паулем, — я еще не видела ее такой гневной.

Она знает, что я здесь, подумал Пауль. *Неужели видение разгневало ее? И ярость эта направлена против меня?*

— Алия, — обратился к ней человек, стоявший прямо перед Паулем. — А скажи-ка всем этим деловым и мягкосердечным людям, сколько еще суждено править твоему брату!

— За этот уголок неведомого ты можешь заглянуть сам, — огрызнулась Алия. — Твои предрассудки на твоем языке. Ты пьешь воду и живешь под крышей потому, что брат мой оседлал змея хаоса.

Яростным жестом запахнув плащ, Алия по-

вернулась и исчезла во тьме под блистающей радугой.

Аколиты завели заключительный напев, но ритм ускользал от них. Неожиданное завершение службы выбило всех из привычной колеи. В толпе поднялся ропот. Вокруг беспокойно и неудовлетворенно зашевелились.

— А все этот дурак со своим бизнесом, — пробормотала та же самая женщина. — Ханжа!

Что увидела Алия? Какую дорогу в грядущем?

Здесь сегодня что-то вышло не так, оракул так и не заговорил. Обычно Алия долго отвечала на вопросы. Да, все они вымаливали пророчество. Он слышал это много раз, сам следил за всем из мглы за алтарем. Что же не сложилось этим вечером?

Старый фримен потянул Пауля за рукав, кивнул ему в сторону выхода. Толпа уже начинала тесниться в ту сторону. Пауль последовал за общим движением, рука сопровождающего держала его за рукав. Он чувствовал, что в теле его воплотилась некая сила, более не поддающаяся контролю. И он перестал быть существом — осталась одна тишина, которая двигалась сама по себе. Только в самой сердцевине этого не-существа еще нашлось ему место, и старик вел его по улицам города таким путем, что сердце леденело

от скорби.

Нужно узнать у Алии, что она увидела, подумал он. *Я видел это много раз. Но Алия не возвысила голоса… значит, она тоже не видела альтернативы.*

* * *

Рост доходов в моей Империи не должен отставать от роста промышленного производства. В этом суть моего правления. И никакого дисбаланса во взаимных расчетах. По одной причине – я так приказываю. Я хочу подчеркнуть этим мою власть. В моем домене я верховный потребитель энергии и останусь им даже после кончины. Экономия – вот мое правление.

(Приказ Императора Муад'Диба Совету)

— Здесь я оставлю тебя, — сказал старик, снимая руку с рукава Пауля. — Там справа, вторая дверь от конца. Ступай с Шаи-Хулудом, Муад'Диб… и не забывай, что был Усулом.

Проводник Пауля исчез во тьме.

Люди из службы безопасности следят за ними. И явно выжидают удобного момента, чтобы схватить старика и отвести его в место допроса. Пауль знал это. И надеялся, что старому фримену удастся скрыться.

Над головой уже мерцали звезды, дальний свет Первой луны угадывался за Барьерной Стеной… Но здесь не открытая Пустыня, здесь звезды не путеводны. Старик привел его в один из новых

пригородов — лишь это успел заметить Пауль.

Улицу покрывал густой слой песка, нанесенного ветром с подступающих дюн. Тусклый свет одинокого уличного светильника освещал дальнюю часть улицы, давая понять, что перед ними тупик.

В воздухе стоял густой запах — вонял сортир, конечно, это был туалет со влагопоглотителем, но, должно быть, крышка прилегала неплотно и пропускала, кроме вони, еще и слишком много воды. Сколь беспечны стали его люди, подумал Пауль. Теперь все миллионеры… позабыты те дни, когда на Арракисе могли убить человека, получив в уплату всего восьмую часть воды его тела.

Что же я медлю, думал Пауль. *Вторая дверь от дальнего конца. Это я знаю и сам, без всяких слов. Но роль следует сыграть, не фальшивя. Поэтому… я колеблюсь…*

В угловой части дома, справа от Пауля, послышались звуки ссоры. Женский голос громко костерил кого-то:

— В новую пристройку просачивается пыль! Что, по-твоему, вода падает с неба? Когда пыль входит, уходит вода.

Помнят еще… — думал Пауль.

Он двинулся дальше, и звуки ссоры за спиной утихли вдали.

Вода с неба! — усмехнулся он.

Фрименам уже случалось видеть такое чудо на других мирах. Некогда он и сам его видел, а потом повелел, чтобы так было и на Арракисе, но воспоминания о дожде словно принадлежали другому человеку. Да, дождь, так это зовется. На миг ему вспомнился ливень под небом его родного мира, заряженные электричеством серые густые тучи в небе Каладана, крупные капли, растекающиеся на окнах. Ручейки, бегущие вниз с карнизов. Ливневая канализация сбрасывала воду в мутную реку, бурлившую возле садов Семьи, деревья в них блестели влажной корою.

Ногой Пауль зацепил невысокий песчаный нанос… — словно к пятнам его детских сапог на миг налипла влажная глина. А потом он вновь оказался в песках, в пыльной, продутой всеми ветрами мгле. И будущее грозно нависало над ним. И вечная сушь теперь казалась ему обвинением. *Это ты виноват*! Люди стали невозмутимыми наблюдателями, следят вокруг сухими глазами и рассказывают друг другу. А все свои проблемы решают силой… только силой… и еще более превосходящей силой, ненавидя каждый эрг ее.

Под ногами оказались грубые плиты. Он помнил их по видению. Справа темный прямоугольник двери… черный на темной стене. Дом Отхейма, дом Судьбы… отличавшийся от соседних лишь ролью, которую выбрало для него Время. Неожиданное место, слишком обыкновенное, чтобы оказаться увековеченным в анналах истории.

На стук дверь отворилась. Стал виден освещенный тусклым зеленым светом атриум. Из приотворенной двери выглянул карлик с лицом древнего старца на теле ребенка. Прежде подобного наваждения он не видел.

— Значит, вы пришли, — проговорило наваждение. Карлик без всякого трепета шагнул в сторону, расплывшись в злорадной улыбке. — Входите, входите!

Пауль колебался. В его видении не было карлика, но прочее совпадало до мельчайших подробностей. Подобные редкие несоответствия не меняли видений. Однако отличие порождало надежду. Он оглянулся на молочный диск луны, жемчужиной повисший над дальними скалами. Луна томила его. Как же она упала?

— Входите же, — настаивал карлик.

Пауль вошел, дверь с глухим стуком легла на

уплотнения за его спиной. Карлик прошел вперед, чтобы показать путь. Шлепая огромными ступнями по полу, он отворил изящную резную дверцу в крытый дворик.

— Они ждут вас, сир.

Сир, думал Пауль. *Значит, он знает меня.*

Но прежде чем Пауль смог обдумать свое открытие, карлик исчез в боковом проходе. Надежда дервишем кружилась в голове Пауля. Он шел через дворик. В помещении было сумрачно и тоскливо, в нем чувствовалось поражение и болезнь. Атмосфера этого дома угнетала его. Или он должен избрать поражение в качестве меньшего зла? И как далеко он успел зайти по этому пути?

Сквозь узкую дверь в дальней стене пробивался свет. Пауль, стараясь не обращать внимания на давящий вкус воздуха, на ощущение внимательного чужого взгляда, перешагнул порог. Маленькая комната, голая по фрименским меркам — драпировки покрывали лишь две стены. Напротив двери, под самым красивым гобеленом, на карминно-красных подушках сидел какой-то человек; за проемом в левой, голой, стене царил сумрак — там, среди теней, смутно виднелся женский силуэт.

Пауль ощутил, что запутывается в сетях ви-

дений. Так оно должно было быть… но откуда взялся карлик? В чем разница?..

Он использовал все свои чувства, в едином гештальте вбирая в себя комнату. Да, обстановка бедная — но видно было, что хозяева изо всех сил пытаются поддерживать достойный вид комнаты. Карнизы и крюки на оголенных стенах показывали, что и тут прежде висели драпировки; Пауль напомнил себе, что паломники платили невероятные суммы за подлинные фрименские изделия. Те из них, что побогаче, считали изготовленные в Пустыне гобелены настоящим сокровищем — лучшим отличием совершившего хадж пилигрима.

Свежая алебастровая побелка оголенных стен, казалось, бросает Паулю обвинение. Гобелены на других двух стенах, протертые до основы, лишь усиливали чувство вины.

Справа от входа на стене висела узкая полка, занятая целым рядом портретов. Большинство из них изображали бородатых фрименов, некоторые из которых были в дистикомбах с болтающимися катетерными трубками, а на других портретах имперские мундиры сверкали на фоне экзотических пейзажей иных миров. Чаще всего пейзажи были морскими.

Фримен, восседавший на подушках, откашлялся, привлекая внимание Пауля. Это был Отхейм, точно такой, как в видении — исхудавшая птичья шея, которая, казалось, едва выдерживает тяжесть массивной головы. Изуродованное лицо — вся левая сторона под слезящимся глазом состоит из пересекающихся шрамов, хотя справа кожа не повреждена, а синий-на-синем фрименский глаз смотрит прямо и зорко. Неповрежденную половину лица отделял от изуродованной длинный крючковатый нос.

Подушка, на которой сидел Отхейм, лежала в центре вытертого ковра — тот казался бурым, но был сплетен из темно-бордовых и золотистых нитей. Потертые ткани подушки кое-где подштопаны, но все металлические предметы в комнате начищены до блеска — и рамки портретов, и окантовка полки, и подножие низкого стола.

Кивнув живой половине лица Отхейма, Пауль заговорил:

— Счастья тебе и твоему обиталищу, — так приветствовали друг друга друзья, люди одного сиетча.

— Значит, я снова вижу тебя, Усул, — произнес племенное имя дрожащий старческий голос. Тусклый глаз на изуродованной половине лица

задвигался над пергаментной, изборожденной шрамами кожей. Эта сторона лица была покрыта седой щетиной, вниз свисали редкие пряди волос. Рот Отхейма раскрылся, блеснули зубы из серебристого металла.

— Муад'Диб всегда отвечает на зов своих федайкинов, — отвечал Пауль.

Женщина возле двери шевельнулась:

— Так болтает Стилгар.

Она вышла на свет, копия Лихны, изображенной лицеделом, только постарше. Пауль припомнил, что жены Отхейма были сестрами. Волосы ее поседели, нос заострился, словно у ведьмы. Пальцы ее были покрыты мозолями от прядения. В былые времена фрименки гордились ими, но, заметив его взгляд, она спрятала руки в складках бледно-синего платья.

Пауль вспомнил ее имя — Дхури. Но, к ужасу своему, он помнил ее ребенком, не такой она была в видении. Во всем виноват ее голос, попробовал убедить себя Пауль. Было в нем что-то детское.

— Видишь, я здесь, — ответил Пауль. — Разве мог бы я прийти сюда без согласия Стилгара? — Он обернулся к Отхейму. — На мне долг воды, Отхейм. Распоряжайся мною.

Так и принято было разговаривать в сиетче

со своими.

Отхейм кивнул трясущейся головой, слишком тяжелой для тонкой шеи. Приподняв покрытую пятнами левую руку, он указал на изуродованное лицо.

— Пузырчатку я поймал на Тарах елле, Усул, — проскрипел он. — Сразу же после нашей победы. — И зашелся в припадке кашля.

— Скоро племя заберет его воду, — вздохнула Дхури. Она подошла к Отхейму, заложила за его спину подушки, поддержала за плечо, пока не прошел приступ. Пауль заметил, что она не так стара, как показалось ему вначале: потерянные надежды кривили рот ее, горечь залегала в глазах.

— Я пришлю докторов, — проговорил Пауль.

Дхури обернулась, уперевшись рукой в бедро.

— Были у нас всякие врачи, не хуже, чем те, которых ты можешь прислать. — Она выразительно поглядела на голую стенку слева от себя.

Дорогие врачи, подумал Пауль.

Он чувствовал, что, словно водоворот, видение поглотило его, но заметил и некоторые различия. Как воспользоваться ими? Время вышило на канве немного иные узоры, но фон ковра был прискорбно знакомым. И с ужасающей уверенно-

стью ощутил он, что любая попытка вырваться из настоящего приведет к еще более жестокому насилию. Мощь обманчиво неторопливого тока времени угнетала его.

— Говори, чего ты хочешь от меня, — пробормотал он.

— А если Отхейм нуждается просто в том, чтобы рядом с ним сейчас был друг? — спросила Дхури. — Разве федайкин может доверить свою плоть незнакомцам?

Мы были своими в сиетче Табр, напомнил себе Пауль, *и она имеет право укорять меня за явную черствость.*

— Я сделаю все, что могу, — проговорил Пауль.

Новый приступ кашля сотряс тело Отхейма. Когда он окончился, фримен выдохнул:

— Предательство, Усул! Фримены замышляют против тебя. — Он безмолвно пожевал губами. Струйка слюны вытекла из уголка рта.

Дхури утерла ему рот краем платья, Пауль видел негодование на ее лице — такая трата влаги.

Разочарование и гнев охватили вдруг Пауля. *Чтобы Отхейма ждала такая судьба! Федайкины заслуживают лучшего.* Но выбора не оставалось ни для смертника, ни для его Императора. В этой комнате они шли по лезвию бритвы Оккама. Лег-

кий неверный шажок сулил кошмары, и ждущие не только их самих, но все человечество. Даже для тех, кто замыслил погубить их.

Заставив себя успокоиться, Пауль поглядел на Дхури. Выражение бесконечной тоски, с которой она смотрела на Отхейма, придало сил Паулю. *Чани никогда не будет глядеть на меня такими глазами*, сказал он себе.

— Лихна говорила о вести, — промолвил Пауль.

— Мой карлик, — проскрипел Отхейм. — Я купил его… на… на… забыл где. Это человек-дистранс. Игрушка, брошенная тлейлаксу. В нем имена… всех предателей.

Отхейм умолк, сотрясаясь всем телом.

— Ты говоришь о Лихне, — произнесла Дхури, — когда ты появился, мы поняли, что она добралась благополучно. Если ты думаешь об этом грузе, который Отхейм вручает тебе, его цена — безопасность Лихны. Бери карлика, Усул, и ступай.

Подавив дрожь, Пауль закрыл глаза. Лихна! Настоящая дочь ее погибла в Пустыне, тело, подточенное семутой, отдано песку и ветру.

Открыв глаза, Пауль сказал:

— Ты бы мог прийти ко мне в любой момент,

чтобы…

— Отхейм держался в сторонке, чтобы его не причислили к тем, кто ненавидит тебя, Усул. В южном конце улицы находится дом, где собираются твои враги. Поэтому и мы перебрались сюда.

— Тогда зови карлика и уходим, — отвечал Пауль.

— Ты плохо слушал, — заметила Дхури.

— Отведешь карлика в надежное место, — промолвил Отхейм с неожиданной силой в голосе. — В нем единственный список предателей. Никто не заподозрит этого; все думают, что он развлекает меня.

– *Мы* не уйдем, только ты и карлик. Все знают… как мы бедны. И мы сказали, что продаем карлика. Тебя примут за покупателя. Это единственный шанс.

Пауль помнил, что в видении он оставил дом, узнав имена предателей, но неведомым образом. Значит, карлика укрывал оракул. Должно быть, подумал он, каждый человек помечен судьбой, и цель его жизни определяется всеми наклонностями, всем воспитанием и обучением. С того самого часа, когда джихад избрал его, он чувствовал на себе его ужасающую мощь. Она властно вела его

к заранее намеченной цели. И любые помыслы о том, что собственной волей… все, что он мог, — раскачивать изнутри свою клетку! Видит!

Теперь он вслушивался в тишину дома: их было четверо — Дхури, Отхейм, карлик и он сам. Он видел страх и напряженность в своих компаньонах, ощущал наблюдателей — и свою собственную охрану — в топтерах над головою… и этих самых — за соседней дверью.

Я ошибся, надежды нет, думал Пауль. И одно только слово «надежда» вызвало вдруг бурную вспышку этой эмоции… может быть, не поздно поправить…

— Зови карлика, — сказал он.

— Биджас! — позвала Дхури.

— Ты зовешь меня? — карлик шагнул в комнату из дворика, с легкой озабоченностью на лице.

— Биджас, у тебя теперь новый хозяин, — сказала Дхури. Поглядев на Пауля, она произнесла:

— Можешь звать его… Усул.

— Усул — подножие столпа, — перевел Биджас. — Как это Усул может быть подножием, когда это *я* — под ногами у всех и, стало быть, нету никого подножнее меня?

— Он всегда так разговаривает, — извинился Отхейм.

— Я не говорю, — отозвался Биджас, — я использую речевую машину. Пусть она скрипит и стонет, но все-таки она моя.

Игрушка, сработанная тлейлаксу, думал Пауль, *ученая и бойкая бестия. Бене Тлейлаксу не бросаются подобными ценностями.* Он повернулся и внимательно поглядел на карлика. Круглые глаза, синие, как у фримена, безмятежно встретили его взгляд.

— Ну, Биджас, какими же еще талантами ты обладаешь? — спросил Пауль.

— Я знаю, когда наступает пора уходить, — отвечал тот. — Таким даром обладают немногие из мужей. Есть время оканчивать… когда доброе начало положено. Пора начинать уходить, Усул.

Пауль вновь обратился к воспоминанию: карлика в видении не было, но слова вполне соответствовали ситуации.

— У двери ты назвал меня «сир», — ответил Пауль, — значит, ты знаешь, кто я?

— Сир, вы же сир с головы до пят, — ухмыляясь, отвечал Биджас, — и сиром являетесь в большей степени, чем основанием столпа — усулом. Вы — Император. Пауль Муад'Диб Атрейдес. И одновременно мой собственный палец. — Он поднял указательный палец на правой руке.

— Биджас! — осадила его Дхури. — Не искушай судьбу.

— Какую судьбу? Свой только палец, — визгливо возразил Биджас. Он показал на Усула. — Я указываю пальцем на Усула. Разве мой палец не совмещается с ним? Или же он отражает нечто более фундаментальное? — Он поднес палец к глазам, насмешливо повертел им, потом произнес: — Ах-хх, вы правы, это всего только палец.

— Он любит пустую трескотню, — озабоченным тоном проговорила Дхури. — Потому-то его тлейлаксу и бросили.

— Я не нуждаюсь в покровительстве, — возразил Биджас, — но тем не менее у меня новый покровитель. Загадочны деяния пальца… — Странно яркими глазами он поглядел на Дхури и Отхейма. — Слаба связь между нами, Отхейм. Пара слезинок — и в путь. — Огромные ступни карлика шаркнули об пол, он повернулся к Императору:

— Ах-хх, патрон! Как долго мне пришлось искать вас!

Пауль кивнул.

— Усул будет добр ко мне? — спросил Биджас. — Вы ведь знаете — я личность. Личности могут обладать разной величиной… и обличьем. И

это — одно из обличий. Я слаб телом, но могуч речью; меня легко прокормить и трудно насытить. Опустошайте меня, но внутри все равно останется больше, чем вложили люди.

— У нас нет времени на твои дурацкие загадки, — буркнула Дхури. — Вам следовало бы уже идти.

— Я просто нашпигован загадками, — ответил Биджас. — И не все дурацкие. Если пора уходить — значит, следует уйти. Так, Усул? Дхури говорит правду, и мои способности позволяют мне слышать это.

— Так ты чувствуешь правду? — спросил Пауль, решив в точности выдержать время, отмеренное видением. Все лучше, чем вносить возмущения, этим усугубляя последствия. Отхейм должен еще сказать кое-что, иначе время потечет еще более ужасающим путем.

— Я чувствую *настоящее*, — отвечал Биджас.

Пауль заметил, что карлик нервничает. Неужели человечек представляет себе, что случится? Или же Биджас — сам себе оракул?

— Ты спросила о Лихне? — внезапно проговорил Отхейм, поглядев на Дхури единственным здоровым оком.

— Лихна в безопасности, — отвечала Дхури.

Пауль опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. *В безопасности!.. Испепеленные останки, погребенные в тайной могиле.*

— Хорошо, — проговорил Отхейм, принимая жест Пауля за знак согласия. — Хоть что-то доброе посреди всего зла. Усул, мне не нравится мир, который мы создаем, ты это знаешь? Лучше было оставаться в Пустыне и враждовать с одними Харконненами.

— Тонкая грань отделяет порой врага от друга, — заметил Биджас. — Там, где кончается эта грань, нет ни конца, ни начала. Все, заканчиваем, друзья мои. — Он подошел к Паулю, переваливаясь с ноги на ногу.

— Что же это такое — чувствовать настоящее? — тянул время Пауль, заставляя карлика нервничать.

— Настоящее! — трепеща, проговорил Биджас. — Настоящее! Настоящее! — он потянул Пауля за рукав. — По-настоящему — нам пора уходить! Вот настоящее!

— Ах ты, погремушка, пустой болтун, — проговорил Отхейм, здоровым глазом не без симпатии глядя на Биджаса.

— Сигнал к отправлению может подать даже погремушка, — отвечал Биджас. — Слезы тоже.

Давайте же отправляться, пока на это еще есть время, пока есть еще время для начала!

— Биджас, чего ты боишься? — спросил Пауль.

— Я чувствую, как ищет меня дух, — пробормотал Биджас. Пот выступил на его лбу, щека дергалась. — Я боюсь того, кто не думает, у кого нет тела, кроме моего, и оно укрывается в самом себе. Я боюсь того, что вижу, и того, чего не вижу.

Карлик провидит будущее, думал Пауль. *Значит, и Биджасу открыта судьба оракула. Но разделит ли карлик участь оракула? И насколько велик его дар? А не мог ли он увидеть тех, кто затеял Таро Дюны? Или кого-то еще более великого? Сколь многое открылось ему?*

— Идите-ка лучше, — проговорила Дхури, — Биджас прав.

— Каждая минута, которую мы теряем здесь, — отвечал Биджас, — продлевает… продлевает настоящее!

Каждая минута, которую я теряю здесь, отодвигает мою вину, думал Пауль. Ядовитое дыхание червя, клубы пыли, в которых блестели зубы, уже охватило его. Это было давно, но он словно обонял этот запах. Он просто ощущал, как ждал его червь — «могила Пустыни».

— Неспокойные времена, — проговорил он, ища отклика у Отхейма.

— Фрименам ведомо, что делать во времена тревог.

Отхейм нервно кивнул.

Пауль смотрел на Дхури. Ждал он не благодарности, она только усугубила бы его груз, но горький взгляд Отхейма и острая жалость в глазах Дхури лишили его решимости. Разве мало *такой* цены?

— Дальнейшая задержка бессмысленна, — проговорила Дхури.

— Усул, что должен делать, делай, — проскрипел Отхейм.

Пауль вздохнул. Слова эти завершали видение.

— Я рассчитаюсь, — ответил он, чтобы все закончилось как положено. Повернулся и вышел из комнаты, Биджас шлепал сзади.

— Прошлое, прошлое… — бормотал на ходу карлик. — Пусть прошлое останется в прошлом и погибнет, где суждено. Грязный был день.

* * *

Необходимо скрывать от себя насилие, замышляемое нами относительно других людей. Лишить человека жизни или одного только часа из нее – разница только в количестве. Ты подвергаешь насилию, значит, расходуешь его энергию. Свои коварные намерения можно скрыть изощренными эвфемизмами, но любое применение силы основывается на одном и том же положении: «я потребляю твою энергию».

(Приложение к Приказу Совета. Император Пауль Муад'Диб)

Первая луна уже высоко поднялась над городом, когда Пауль, окруженный мерцанием щита, вышел из тупика. Ветер сдувал со скал песок, гнал пыль по узкой улочке, Биджас моргал и прикрывал глаза.

— Надо спешить, — бормотал карлик. — Спешить! Спешить!

— Ты предчувствуешь беду? — спросил Пауль.

— *Я знаю.*

Пауль вдруг почувствовал близкую опасность, и одновременно из двери ближайшего дома появился человек и присоединился к ним.

Биджас съежился и заверещал.

Но это был не кто иной, как Стилгар, он шагал, словно военная машина, наклонив вперед голову.

Пауль торопливо объяснил, какую ценность представляет собой карлик, передал Биджаса Стилгару. И сразу события словно заторопились. Стилгар, как было в видении, понесся вперед, увлекая Биджаса, агенты безопасности обступили Пауля. Повинуясь приказам, к следующему за принадлежащим Отхейму дому заспешили его люди. Тени скользили по стенам.

Лишние жертвы, думал Пауль.

— Пленники нужны нам живыми, — прошипел один из офицеров охраны.

Слова эти он уже слышал: видение и реальность совпадали с точностью до доли секунды. Орнитоптеры опускались вниз, по одному пересекая диск луны.

Тьма над городом и на улицах его кишела солдатами Империи.

Прочие звуки вдруг растаяли в негромком шипении, звук превратился в рев, сопровождаемый свистом, и терракотовый свет ударил в звездное небо, затмевая луну.

И звуки эти, и свет Пауль помнил по первым своим кошмарам и сразу ощутил странное чув-

ство — *исполнилось.* Все шло своим чередом.

— Камнежог! — завопил кто-то.

— Камнежог! — послышалось со всех сторон. — Камнежог!.. камнежог!..

Зная, что должен сделать это, Пауль прикрыл лицо рукою, нырнул за выступ стены. Слишком поздно, конечно.

Там, где только что был дом Отхейма, высился столб огня, слепящая струя пламени возносилась к небесам. В грязном свете его, превращающем весь мир вокруг в жуткий барельеф, метались и улепетывали людские фигуры, судорожно хлопая крыльями, разлетались орнитоптеры.

И все вокруг понимали: уже слишком поздно.

Почва под ногами Пауля раскалялась. Топот вокруг стих — больше никто не пытался бежать, все попадали на землю — и каждый понимал, что бежать некуда. Все уже свершилось. Остается лишь дождаться, пока камнежог выгорит до конца. От излучения не убежать, оно уже проникло в их плоть и последствия вот-вот проявятся. Что еще может натворить это оружие, знали только те, кто применил его, решившись нарушить Великую Конвенцию.

— Боги… Камнежог… — лепетал кто-то неподалеку. — Я… не… хочу… быть… слепым.

— А кто хочет? — откликнулся хриплый голос поодаль.

— Тлейлаксу продадут много глаз, — буркнул кто-то неподалеку от Пауля. — А теперь — заткнись и жди!

Все ждали.

Пауль молчал, размышляя о том, что может натворить это оружие. Если атомного топлива окажется слишком много, оно может проплавить кору планеты. Магматический слой на Дюне залегал достаточно глубоко, но это лишь увеличивало опасность. Вырываясь на волю, расплавленные породы могли расколоть даже планету, оставив на ее месте в пространстве облако мертвых камней и клочья безжизненной плоти.

— Похоже, притихает, — заметил кто-то.

— Просто зарывается глубже, — объяснил Пауль, — лежите. Стилгар пришлет помощь.

— Стилгар ушел?

— Ушел.

— Земля жжется, — пожаловался кто-то.

— Они посмели применить ядерное оружие! — возмущался кто-то неподалеку.

— Звук затихает, — сказал кто-то.

Не обращая внимания на слова, Пауль кончиками пальцев ощупывал землю. Он ощущал

раскатистый рокот… звук уходил глубже… глубже.

— Глаза! — завопил кто-то. — Ничего не вижу!

Этот был ближе, чем я, подумал Пауль. Он поднял голову — конец тупика был еще виден. Правда, словно сквозь туман. Только изжелта-красное пятно светилось на том месте, где были дома Отхейма и его соседа. Темные стены окружающих домов по одной рушились в раскаленную яму.

Пауль поднялся на ноги. Он почувствовал, что камнежог угас, под ногами воцарилась тишина. Тело его стало влажным, дистикомб скользил по коже — он не мог поглотить сразу столько влаги. Воздух отдавал жаром и серой.

Пауль как раз оглядывал поднимавшихся на ноги солдат, когда дымка разом превратилась во мглу. Призвав на помощь память о видениях, он повернулся и пошел — по единственной дороге, оставленной ему Временем. Он вошел в видение так плотно, что оно уже не могло ускользнуть. Он почувствовал, что знает это место, помнит его по многим прошлым видениям. Действительность слилась с пророчеством.

Вокруг ругались и стонали солдаты, ощущая пришедшую слепоту.

— Держитесь! — выкрикнул Пауль. — Помощь вот-вот прибудет!

Жалобы не умолкали, и он добавил:

— Это говорит Муад'Диб! Я приказываю всем держаться! Помощь уже на подходе!

Наступило молчание.

А потом ближайший из охранников, как это и было в видении, проговорил:

— Неужели здесь сам Император? Кто-нибудь видит его? А?

— У всех нас больше нет глаз, — отвечал Пауль. — Мои глаза они тоже забрали, как и ваши. Взяли глаза, но не зрение. Я вижу вас всех. Как вы теснитесь возле грязной стены, как держитесь за нее. Мужайтесь. Стилгар возвращается вместе с друзьями.

«Твок-твок» — слышались взмахи крыльев приближающихся орнитоптеров. Раздались торопливые шаги многих ног. Пауль глядел на спешащих друзей, соизмеряя звуки с видением.

— Стилгар, — крикнул Пауль, махнув рукой. — Сюда!

— Благодарение Шаи-Хулуду, — отозвался Стилгар, подбегая к Паулю. — Ты не… — В наступившем безмолвии лишь пророческое зрение позволяло Паулю следить за Стилгаром, за той

мукой, с которой он глядел на изувеченные глазницы друга и Императора. — О, мой господин, — простонал Стилгар. — Усул… Усул… Усул…

— Что камнежог? — выкрикнул один из новоприбывших.

— Выгорел, — отвечал Пауль погромче. Он показал рукой. — Бегите туда. Спасайте всех, кто уцелел там… поближе. Живее! — Он вновь повернулся к Стилгару.

— Неужели вы *видите,* мой господин? — изумленным тоном проговорил Стилгар. — Неужели это возможно?

Вместо ответа Пауль провел пальцем по щеке Стилгара и, ощутив слезу, проговорил:

— Не время, дружище, тратить на меня влагу. Я еще жив.

— Но глаза!

— Они смогли ослепить только мое тело, но не *меня*, — отвечал Пауль. — Ах, Стил, я словно очутился в апокалиптическом сне. И все мои действия так отвечают ему, что вот-вот мне станет скучно жить — все будущее я знаю уже наперед.

— Усул, я не… я не…

— И не пытайся понять. Просто прими. Я — не здесь, я — в каком-то мире неподалеку от нашего.

Он похож на наш как две капли воды. Мне даже не нужно проводника. Я вижу все вокруг. Каждое движение, выражение на твоем лице… Пусть у меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар резко качнул головой.

— Сир, следует скрыть вашу рану от…

— Мы не будем скрывать ничего, — отвечал Пауль.

— Но закон…

— Стил, мы живем по кодексу Атрейдесов. Пусть закон фрименов гласит: *слепой да останется в Пустыне*, но он применим только к *слепым.* А я не слеп. Вся моя жизнь — арена борьбы между злом и добром. Мы с вами живем в поворотной точке истории, и у каждого своя роль.

В наступившем молчании Пауль услышал слова раненого, которого вели мимо.

— Ужасно, — стонал он. — Огонь, буря огня…

— Никого из них не отведут в Пустыню, — произнес Пауль. — Слышишь меня, Стил?!

— Слышу, милорд.

— Купите всем новые глаза за мой счет.

— Будет исполнено, милорд.

Уловив трепет в голосе Стилгара, Пауль произнес:

— Я буду на командном топтере. Распоряжайся

здесь.

— Да, милорд.

Пауль обошел Стилгара и направился по улице. Видение подсказывало ему все: все детали, каждую неровность почвы, каждое лицо. На ходу он отдавал распоряжения, обращался к людям из своего окружения, называл их по именам, подзывал к себе тех, кто имел отношение к сокровеннейшим сторонам деятельности правительства. И он чувствовал, как трепет охватывает всех за его спиной, слышал их испуганные перешептывания:

— Его глаза!

— Но он же видел, называл по имени!

Оказавшись в командном топтере, Пауль выключил личный щит, потянулся к микрофону, выхватил его из руки ошеломленного связиста, торопливо один за другим отдал несколько приказов, вложил микрофон обратно в руку офицера. Обернувшись, Пауль подозвал к себе специалиста по оружию, энергичного и блестящего, принадлежавшего к новой уже породе фрименов, лишь смутно припоминавших жизнь в сиетчах.

— Они воспользовались камнежогом, — проговорил Пауль.

После мгновенной паузы молодой человек

откликнулся:

— Мне уже сообщили об этом, сир.

— Конечно. Ты понимаешь, что это значит?

— Безусловно, он был снаряжен атомным зарядом.

Пауль кивнул и представил себе, как мечется сейчас разум молодого человека. Атомное оружие запрещено Великой Конвенцией. Когда обнаружат покушавшегося, его ждет возмездие объединенных сил всех Великих Домов. Сразу забудутся прежние раздоры, перед лицом новой опасности и древних страхов они потеряют всякое значение.

— Камнежог нельзя изготовить, не оставив следов, — проговорил Пауль, — подбери необходимые приборы и отыщи место, где он был сделан.

— Немедленно, сир, — бросив на Пауля последний испуганный взгляд, офицер заторопился выполнять его приказание.

— Мой господин, — обратился к Императору откуда-то из-за спины его связист, — ваши глаза…

Пауль обернулся, потянулся в глубину кабины, нащупав рукоятку, перестроил командный передатчик на свою частоту.

— Вызовите Чани, — приказал Пауль. — Скажи-

те ей… скажите, что я жив и скоро буду у нее.

Собирают силы, подумал Пауль, подмечая страх в запахе пота, наполнявшем кабину.

Он покинул тебя, Алия,
Покинул лоно небес.
Свят, свят, свят!
Огненные пески
Перед тобой, Господин наш,
Ты, который видит
Без глаз.
Демон думал обороть его!
Святой! Трижды Святой!
Выбрал он муки!

(«Луна падает». «Песни Муад'Диба»)

После семи дней лихорадочной суеты Цитадель охватило неестественное спокойствие. Было утро, повсюду сновали люди, но они перешептывались, склоняясь друг к другу, и ходили буквально на цыпочках. Топот сменившегося караула нарушил тишину, но, встретив осуждающие взгляды, вошедшие притихли, подобно прочим.

Вокруг слышались разговоры о камнежоге:

— А он говорил, что огонь был сине-зеленого цвета и пах адом.

— Дурак твой Элпа! Он сказал, что скорее покончит с собой, чем воспользуется глазами тлейлаксу.

— Не нравится мне все, что говорят об этих глазах.

— Муад'Диб прошел мимо меня и окликнул по имени.

— Как он видит, не имея глаз?

— Люди покидают нас, вы слыхали? Повсюду страх. Наибы сказали, что собираются в сиетче Макаб на Великий Совет.

— Что они сделали с Панегиристом?

— Я видел, как его вели в палату, где заседают наибы. Представляете себе, Корба под арестом!

Чани поднялась в этот день рано, ее смутила тишина в Цитадели. Проснувшись, она обнаружила, что Пауль сидит возле нее, пустые глазницы его обращены были к дальней стене их спальни. Всё, пораженное избирательным воздействием камнежога, все омертвевшие глазные ткани были удалены. Впрыскивания и мазь позволили сохранить плоть вокруг глазниц, но ей казалось, что излучение проникло глубже.

Едва она села на постели, накатил волчий голод. Чани набросилась на пищу, которую теперь ставила на ночь возле кровати — меланжевый

хлеб с жирным сыром.

Пауль указал на пищу:

— Любимая, поверь, способа избавить тебя от всего этого просто не существовало.

Чани подавила невольную дрожь, когда его пустые глазницы обратились прямо к ней. Она решила не задавать больше вопросов. Он говорил так странно: *Я был крещен песком — это стоило мне умения верить. Кто теперь предлагает веру? Кому нужен такой товар?*

Что он хотел сказать этим?

Он не желал даже слышать о глазах тлейлаксу, хотя щедрой рукой приобретал их для всех, разделивших его участь.

Утолив голод, Чани выскользнула из постели, посмотрела на Пауля, заметила, как он устал. Около рта залегли строгие складки. Темные волосы стояли дыбом, взъерошенные во сне, который не исцелял. Он казался таким хищным, таким далеким. Они засыпали и просыпались рядом — но это ничего не меняло. Она заставила себя обернуться, шепнула:

— Любимый… любимый…

Он потянулся вперед, притянул ее назад в постель и поцеловал в щеку.

— Скоро мы вернемся в родную Пустыню, —

прошептал он, — осталось сделать лишь кое-какие мелочи.

Она затрепетала, — так непреклонны были его слова.

Прижимая ее к себе, он бормотал:

— Не бойся меня, сихайя моя. Не надо думать о тайнах, думай о любви. В ней нет тайн. Жизнь рождает любовь. Разве ты не чувствуешь этого?

— Да.

Она приложила ладонь к его груди, принялась подсчитывать сердцебиения. Любовь его взывала к ее духу, сердцу дикой фрименки, буйной и бурной дикарки. Магнетизм слов обволакивал ее.

— Я могу обещать кое-что, любимая, — сказал он. — Наше дитя будет править колоссальной империей, перед которой моя покажется ничтожной. И будет в ней такая жизнь… и искусство, и возвышенные…

— Но мы с тобой здесь и сейчас! — запротестовала она, подавив сухой всхлип: — И я… мне кажется, что нам с тобой осталось совсем мало времени.

— Любимая, впереди вечность.

— Это у тебя может быть вечность. А у меня есть только сейчас.

— Это и есть вечность, — он погладил ее лоб.

Она прижалась к нему, приникла губами к шее. Прикосновение заставило шевельнуться новую жизнь в ее чреве.

Пауль тоже ощутил это движение. Положив руку на живот Чани, он проговорил:

— Ах-хх, юный повелитель Вселенной, подожди своего часа. Пока еще мое время.

Она снова удивилась: почему он всегда говорит о единственном ребенке? Разве медики не сказали ему? Она попыталась припомнить… интересно, об этом они никогда не говорили. Конечно же, он и сам должен знать, что у нее будут близнецы. Она вновь не решалась сказать об этом. Он и так должен знать. Он ведь все знает. Все знает о ней… Руками… ртом… всем телом.

Наконец Чани проговорила:

— Да, милый. Сегодня и есть вечность, и нет ничего, кроме нее. — Чани поплотнее зажмурила глаза, чтобы только не видеть его пустых глазниц, чтобы не низвергнуться из рая прямо в ад. Какова бы ни была рихани-магия, которой он выверял их жизнь, плоть его оставалась истинной и ласки реальными.

Когда они встали и принялись одеваться, она проговорила:

— Если бы только люди знали о твоей любви!

Но его настроение уже переменилось.

— Политика не делается на любви, людей не интересует любовь. В ней столько хаоса. Людям нравится деспотизм. Избыток свободы порождает хаос. Зачем он людям? Другое дело — заставить деспотизм казаться привлекательным.

— Но ты же не деспот! — возразила она, повязывая на голову нежони. — Просто твои законы справедливы.

— А, законы… — бросил он. — И подошел к окну, отодвинул шторы, словно мог выглянуть из окна. — Что есть закон? Контроль? Закон просеивает хаос, и что же остается? Ясность? Закон — высший идеал, основа нашей природы. Но не надо слишком внимательно приглядываться к нему. Попробуй только, — сразу отыщешь рационализированные интерпретации, казуистику законников, удобные прецеденты… ясность, другое имя которой — смерть.

Чани крепко сжала губы. Она не могла отрицать ни мудрости мужа, ни проницательности, однако подобные настроения пугали ее. Он обратился в глубь себя, и Чани чуяла битвы в его сердце. Словно бы обратившись к фрименскому изречению: *«никогда не забудем, никогда не простим»*, он сек и сек себя жестокими словами.

Она подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Дневная жара уже гнала прохладу, принесенную северным ветром. На этих широтах ветер расписывал небо охрой, смело покрывал хрустальные листы неба золотыми и пурпурными мазками. Высоко над головой холодные порывы океанскими волнами разбивались о Барьерную Стену, взметая фонтаны пыли.

Пауль чувствовал возле себя теплое тело Чани. На миг он позволил себе забыть видение. Он мог просто стоять, зажмурив глаза. Но время не хотело остановиться. И впереди была тьма — без слез и без звезд. Лишившись зрения, он потерял ощущение материальности Вселенной, и наконец, оставалось лишь изумление — как это звуки могут вместить в себя всю его жизнь? Все вокруг воплощалось в одни только звуки, к которым добавлялись немногие ощущения… ворсистый ковер под рукой, мягкая кожа Чани. Он поймал себя на том, что вслушивается в ее дыхание.

Разве можно быть уверенным в том, что всего лишь вероятно, думал он. Разум запоминает возможности, и каждому мигу бытия отвечает столько вероятностей, которым не суждено воплотиться. И его невидимая суть не только помнила все несбывшееся былое. Тяжесть прошлого

в любой момент была готова поглотить его.

Чани прижалась к его руке.

Прикосновение ее тела вдруг оживило его собственную плоть — мертвое тело, увлекаемое водоворотами времени. Он истекал памятью… ведь перед его пророческим зрением прошла целая вечность. Видеть вечность… ее прихоти и причуды, и безграничность. Лживое бессмертие пророка несло возмездие: грядущее и прошлое сливались для него воедино.

И вновь из черной пропасти восстало видение и охватило Пауля.

Оно было его глазами. Оно двигало его мышцы и вело непреклонной рукой к следующему моменту, к следующему часу, к следующему дню… пока наконец ему не начало казаться, что он пленник мгновения.

— Пора идти, — проговорила Чани. — Совет…

— Мое место займет Алия.

— Она знает, что делать?

— Знает.

День Алии начался с сумятицы на плац-параде под ее окнами. Там с шумом, грохотом и всякой суетой появился батальон охраны. Она начала кое-что понимать, лишь когда узнала арестованного — Корбу Панегириста.

Завершая свой утренний туалет, она иногда подходила к окну и следила за растущим внизу нетерпением. Взгляд ее время от времени обращался к Корбе. Она пыталась вспомнить его бородатым и неотесанным командиром третьей волны в битве при Арракине. Теперь это было невозможно. Нынешний чистюля и франт был облачен в роскошное шелковое одеяние с Парато. Глубокий разрез на груди открывал белоснежную сорочку с рюшами и расшитый зелеными самоцветами жилет. Пурпурный пояс охватывал тело под грудью. Сквозь прорези в рукавах его одеяния ниспадали волны зеленого и черного бархата.

Появилась горстка наибов, чтобы проследить за участью брата-фримена. Они-то и вызвали весь шум — завидев их, Корба разразился громкими протестующими воплями. Алия переводила взгляд с одного фрименского лица на другое, пытаясь припомнить их молодыми. Прошлое утонуло в настоящем. Прежние аскеты стали теперь гедонистами, позволявшими себе удовольствия, которые мало кто из них мог бы вообразить раньше.

Алия видела, как время от времени они с опаской поглядывают на дверь в палату, за которой состоится Совет. Наибы думали о Муад'Дибе,

который видит без глаз, о новом проявлении его загадочных сил. По закону фрименов, слепого следовало оставить в Пустыне, вода его принадлежала Шаи-Хулуду. Но Муад'Диб видел, даже потеряв глаза. А еще — они по-прежнему не любили строений и не могли чувствовать себя в безопасности в доме, построенном на поверхности земли. Вот в пещере, в глубинах скал — только там они могут расслабиться. Только не здесь, перед новым лицом Муад'Диба, ждущим там, за дверьми.

Собираясь спуститься вниз к собравшимся, она обратила внимание на письмо, оставленное ею на столике возле двери — свежую весточку от матери. Невзирая на всеобщее почтение к Каладану — месту рождения Пауля, леди Джессика подчеркивала, что отказывается сделать собственную планету объектом хаджа.

«Без сомнения, сын мой определил целую эпоху в истории, — писала она, — *но даже сознавая это, я не могу признать подобный повод оправданием для нашествия толп всякого сброда».*

Прикоснувшись к письму, Алия ощутила странное чувство контакта. Этот листок бумаги побывал в руках ее матери. Письмо — вещь весьма архаичная, но оно создает столь прочное

единение, как ничто другое. Послание это, написанное на боевом языке Атрейдесов, не смог бы прочитать никакой чужак.

Думы о матери вновь возожгли в душе Алии привычное пламя. В миг преображения воздействие Пряности перепутало и смешало личности матери и дочери, временами Алия думала о Пауле как о собственном сыне. Это ощущение общности позволяло ей даже представить собственного отца в качестве возлюбленного. Призрачные тени клубились в мозгу… люди-вероятности.

Спускаясь по пандусу в прихожую, где ждали ее амазонки-телохранительницы, Алия на ходу проглядывала письмо.

«Вы создаете опаснейший из парадоксов, — писала Джессика. — *Правительство не может утверждать свою власть, будучи в то же время религиозным. Опыт религии требует спонтанности, а ее-то и подавляют законы. Вы не можете править, не прибегая к законам. В результате ваши законы вытесняют и мораль, и всякое самосознание, и тогда встанут на место той самой религии, прибегая к которой вы надеетесь править. Только благодать и духовный подвиг могут породить священный ритуал, сопряженный с высокой моралью. С другой стороны, правитель-*

ство можно считать культурной формацией, особенно подверженной сомнениям, вопросам и разногласиям. И я предвижу — настанет день, когда ритуал вытеснит веру, а символизм заменит собою мораль».

В прихожей густо пахло кофе с Пряностью. Едва Алия вошла, четыре амазонки в зеленых мундирах мгновенно вскочили и направились следом за нею широким и уверенным шагом, юные и ретивые. С жестокими лицами одержимых, они словно излучали этот свойственный фременам дух насилия: народ этот способен был убивать непринужденно, не ощущая за собой вины.

Хоть в этом я отличаюсь от них, думала Алия. *К имени Атрейдесов и без того пристало довольно грязи.*

Ее появление не осталось незамеченным. Едва она вступила в нижний коридор, ожидавший здесь паж понесся вперед, чтобы вызвать стражу в полном составе. Мрачный и темный коридор был освещен лишь несколькими неяркими светошарами. Вдруг на дальнем конце его широко распахнулись двери в парадный двор, и ослепительный сноп солнечных лучей ударил ей в лицо. За дверьми теснилась охрана, посреди них стоял Корба, а позади, за всеми ними, пылало солнце.

— Где Стилгар? — бросила Алия.

— Уже внутри, — отвечала одна из ее амазонок.

Алия первой ступила в палату. Это была одна из наиболее роскошных приемных цитадели. Вдоль одной стены тянулся высокий балкон, уставленный мягкими креслами. Оранжевые шторы были раздвинуты, из высоких окон напротив балкона лился свет. За окнами был сад с фонтаном. В заднем конце палаты, справа от Алии, находилось возвышение с единственным массивным креслом.

Подойдя к возвышению, Алия оглянулась и увидела, что галерея уже заполнилась наибами.

Домашняя стража занимала свободные пространства под балконом. Среди них расхаживал Стилгар, время от времени бросая тихое слово, короткий приказ. Он ничем не обнаруживал, что заметил появление Алии.

Корбу ввели, усадили на подушки возле низкого стола, неподалеку от подножия трона. Невзирая на изысканные одежды, Панегирист казался теперь сонным и вялым стариком, кутавшимся от холода. За спиной его замерли двое стражников.

Когда Алия уселась, Стилгар приблизился к возвышению.

— Где Муад'Диб? — спросил он.

— Брат мой распорядился, чтобы я председательствовала как Преподобная Мать.

После этих слов на галерее среди наибов поднялся шум протеста.

— Молчать! — скомандовала Алия. Во внезапной тишине она произнесла: — Или закон фременов не предписывает Преподобным Матерям решать вопросы, касающиеся жизни и смерти?

Когда серьезность слов ее дошла до слушателей, наибы примолкли, но Алия видела среди них гневные лица. Она мысленно перечислила их, чтобы вспомнить в Совете: Хобарс, Раджифири, Тасмин, Саайид, Умбу, Легг… в этих именах был и кусочек Дюны: сиетч Умбу, впадина Тасмин, ущелье Хобарс…

Она обернулась к Корбе.

Заметив это, Корба приподнял подбородок и проговорил:

— Я протестую и заявляю о собственной невиновности!

— Стилгар, прочти обвинение!

Стилгар извлек скатанный свиток буроватой меланжевой бумаги, шагнул вперед. И начал торжественно читать, чуть нараспев, подобно

стихам. Его голос придавал четкость и окончательность резким словам.

«…в том, что ты замышлял совместно с предателями покушение на Господина нашего, Императора; в том, что тайно встречался с врагами государства; в том, что…»

Корба с негодующим видом затряс головой.

Алия задумчиво внимала, опершись подбородком о левый кулак. Правая рука ее лежала на подлокотнике. Формальности по кусочку выпадали из ее памяти, оставляя только чувство тревоги.

«…Наши почтенные традиции… поддержка легионов и всего Вольного Народа… Насилие по Закону карается насилием… Величие Императорской особы… нарушение всех прав…»

Чепуха! — думала она. *Чепуха! Целиком чепуха… Чепуха… Чепуха…*

Стилгар закончил:

— «… И в настоящем виде предлагаю суду это обвинение».

В наступившем молчании Корба качнулся вперед, вытянув шею, впиваясь руками в колени. Шея со вздутыми жилами напряглась, словно он готовился к прыжку. Он заговорил, и язык его мелькал между зубами.

— Ни словом, ни делом не преступал я фрименских законов. По праву я желаю встать лицом к лицу с обвинителем!

Незамысловатый протест, подумала Алия.

Но она видела, что слова Корбы оказали существенное воздействие на наибов. Они знали Корбу. Он был одним из них. И чтобы сделаться наибом, сумел проявить и храбрость, и осторожность. Конечно, Корба лишен блеска, но он надежен. Не из тех, что командовали джихадом, — просто хороший и надежный интендант. Не рыцарь-паладин, конечно, но наделен древней добродетелью фримена: *нужды племени превыше всего.*

Вспомнились горькие слова Отхейма, переданные ей Паулем. Алия окинула взглядом галерею. Любой из них мог представить себя на месте Корбы, а некоторые имели на то причины. Но и ни в чем не повинный наиб опасен ничуть не менее, чем этот злоумышленник.

Корба тоже ощущал это.

— Кто обвиняет меня? — резко спросил он. — По праву фримена я требую поединка с обвинителем.

— Что, если ты сам обвиняешь себя? — бросила Алия.

И прежде чем он успел справиться с собой, мистический ужас на мгновение лег на лицо Корбы. И любой мог прочесть на нем: *могущества Алии достаточно, чтобы обвинять его: и обвинения эти пришли из царства теней, из Алам аль-Митхаль.*

— Кое-кто из фременов помогает нашим врагам, — продолжила Алия. — Они разрушают водяные ловушки, они взрывают арыки, отравляют посадки, грабят хранилища.

— А ныне… они посмели выкрасть червя из Пустыни Его, отправить в другие миры!

Голос этот знали все… Муад'Диб. Пауль вошел через дверь, раздвигая плечами охрану, и подошел к Алие. Провожавшая его Чани осталась у края комнаты.

— Мой господин… — проговорил Стилгар, не поднимая глаз к лицу Пауля.

Пауль обвел галерею пустыми глазницами, перевел взгляд на Корбу.

— Ну, Корба, где же твои хвалы?

На галереях послышалось бормотанье, оно становилось громче, доносились отдельные слова и фразы: «…Закон о слепых… обычай фременов… в Пустыню… кто нарушает!..»

— Кто смеет говорить, что я слеп? — рявкнул

Пауль, обратившись лицом к галерее. — Не ты ли, Раджифири? Я вижу, ты сегодня в золотом кафтане. На синей рубахе под ним видна уличная пыль; ты ведь всегда был неряхой.

Раджифири выставил руку перед собой, пытаясь тремя пальцами — «козой» — оградиться от зла.

— Обрати к себе свои пальцы! — крикнул Пауль. — Мы знаем, *где* кроется зло! — И он вновь обернулся к Корбе. — Я вижу вину на лице твоем.

— Вина не моя! Может быть, я имел дело с виновными, но… — и Корба умолк, бросив испуганный взгляд на галерею.

На ходу поняв брошенный Паулем намек, Алия встала, спустилась с возвышения, подошла к краю стола, за которым сидел Корба. Безмолвно, знающим взглядом смотрела она на Корбу.

Тот отвел глаза, задергался, оглядываясь на галерею.

— Чьи глаза ты ищешь? — спросил Пауль.

— Вы же слепы! — выпалил Корба.

На миг Пауль почувствовал жалость к нему. Верховный квизара тафвид впутался в сеть видения столь же плотно, как и все остальные.

— Чтобы видеть тебя, не нужно глаз, — прогово-

рил Пауль. И принялся описывать Корбу: каждое движение, каждый испуганный, молящий взгляд, обращенный к наибам.

Отчаяние овладело Корбой.

Алия видела, что он может сломаться в любую секунду. И на галерее это должны понимать тоже, думала она. Кто его соучастники? Она глядела на лица наибов, подмечая малейшие движения невозмутимых физиономий… гнев, страх, неуверенность… и вину.

Пауль умолк.

В жалкой попытке заставить голос звучать гордо Корба выдавил:

— И кто же обвиняет меня?

— Отхейм, — отвечала Алия.

— Отхейм умер! — запротестовал Корба.

— Откуда ты знаешь? — осведомился Пауль. — Через собственных шпионов? Ах, конечно же, все мы знаем про твоих посыльных и шпионов. Нам известно, *кто* доставил сюда камнежог с Тарахелла.

— Для защиты Квизарата! — завопил Корба.

— Ну и как же он попал в руки предателей? — спросил Пауль.

— Его украли, и мы… — Корба глотнул и умолк. Взгляд его лихорадочно метался справа налево. —

Все знают, что голосом моим говорила любовь к Муад'Дибу. — Он поглядел на галерею. — Разве может мертвец обвинять фримена?

— Голос Отхейма не умер, — отвечала Алия и остановилась, когда Пауль прикоснулся к ее руке.

— Отхейм прислал нам свой голос, — продолжил Пауль. — Он называет имена, он говорит о предателях, называет места их сходок и время. Разве ты не видишь, Корба, на Совете наибов кое-кого не хватает? Где Меркур и где Фаш? И Кеке Хромого сегодня нет с нами. Еще Таким… где он?

Корба водил головой из стороны в сторону.

— Они улетели с Арракиса, повезли краденого червя, — отвечал сам себе Пауль. — И даже если я сейчас освобожу тебя, Корба, Шаи-Хулуд заберет твою воду за участие во всем этом. А знаешь, почему я тебя не освобожу? Вспомни-ка о тех мужчинах, которых ты лишил глаз, о них — лишенных моего внутреннего зрения. У них ведь есть семьи, Корба, и друзья… Куда ты спрячешься от них?

— Но все случилось по чистой случайности, — молил Корба. — И во всяком случае они получат от тлейлаксу… — он осекся.

— Кто знает, не поработят ли металлические

глаза своего хозяина? — спросил Пауль.

Наибы на галерее зашептались, прикрывая ладонями рты. Теперь они уже куда прохладнее взирали на Корбу.

— Так, значит, для обороны Квизарата, — проговорил Пауль, возвращаясь к мольбе Корбы. — Отлично. Вот устройство, которое излучает гамма-лучи, разрушает землю и выжигает глаза тем, кто окажется возле него. Ну и как ты, Корба, желал использовать его для защиты Квизарата? Или твои квизара тафвид мечтают выжечь глаза всем, у кого они еще есть?

— Ну, из любопытства, милорд, — молил Корба. — Древний закон разрешает лишь Семьям владеть атомным оружием, но ведь Квизарат повиновался… повиновался…

— Повиновался тебе, — отозвался Пауль. — Действительно любопытно.

— Пусть меня обвиняет лишь голос, но пусть он обвинит меня в лицо! — отвечал Корба. — У фримена есть на это право.

— Сир, это так, — проговорил Стилгар.

Алия остро глянула на него.

— Закон есть закон, — настаивал Стилгар, ощущая ее возражения. И принялся цитировать законы фременов, сопровождая их содержание

собственными комментариями.

Алия слушала Стилгара со странным чувством, как будто слышит его слова, прежде чем он произносит их. Как может он быть настолько простодушным? Никогда еще Стилгар не казался ей столь консервативно преданным традиционному закону Дюны. Выставив вперед подбородок, он агрессивно рубил слова. Неужели и вправду в нем нет ничего, кроме этой глупой помпезности?

— Корба — фримен, и будет судим по закону Пустыни, — заключил свою речь Стилгар.

Алия отвернулась, поглядела на сад и тени на его ограде. Она чувствовала разочарование. История затянулась — дело шло к полудню. Что дальше? Корба расслабился. Панегирист являл собой вид человека, оскорбленного несправедливыми обвинениями, ведь все его дела диктовались одной любовью к Муад'Дибу. Она поглядела на Корбу, с удивлением подметила на лице его ехидное самодовольство.

Он словно бы получил весть, подумала она. *Так ведет себя человек, если слышит крики друзей: «Держись! Держись! Помощь близка!»*

На какой-то миг они было овладели всей ситуацией… информация карлика, сведения о других заговорщиках, имена доносчиков. Но критиче-

ский момент миновал. Стилгар?.. Конечно, нет. Она обернулась, поглядела на старого фримена.

Тот без трепета встретил ее взгляд.

— Благодарю тебя, Стил, — проговорил Пауль, — за то, что ты напомнил нам о Законе.

Стилгар качнул головой. Подойдя поближе, он беззвучно прошептал одними губами, так, чтобы только им было понятно:

— Я выжму его досуха и позабочусь обо всех последствиях.

Пауль кивнул, дал знак стражникам, стоявшим за Корбой.

— Отвести Корбу в самую надежную камеру, — приказал он, — не пускать никого, кроме защитника. Я назначаю защитником Корбы Стилгара.

— Я сам выберу себе защитника! — крикнул Корба.

— Или ты сомневаешься в честности и справедливости решений Стилгара?

— О нет, милорд, но…

— Увести его! — рявкнул Пауль.

Стражники подняли Корбу с подушек, повели его к выходу. Наибы, бормоча, начали расходиться. Из-под галереи выступили прислужники, задернули оранжевые шторы. В палате воцарил-

ся оранжевый полумрак.

— Пауль… — начала было Алия.

— К насилию можно обратиться, — отвечал он, — только когда все будет под нашим полным контролем. Благодарю, Стил. Ты великолепно сыграл свою роль. Я уверен, Алия, ты приметила тех наибов, которые помогали ему. Они не могли не выдать себя.

— Так вы уже все заранее подготовили? — осведомилась Алия.

— Прикажи я убить Корбу на месте, наибы не стали бы возражать, — проговорил Пауль, — но затевать формальное рассмотрение дела, не прибегая к праву Пустыни, — тут они увидели угрозу собственным прерогативам. Алия, кто из наибов поддерживает его?

— Я уверена, что Раджифири, — негромким голосом отвечала она. — И Саайид, но…

— Точный перечень передашь Стилгару, — распорядился Пауль.

Алия глотнула пересохшей глоткой, разделяя в этот миг общий трепет перед Паулем. Она-то знала, каким образом можно видеть без глаз, но точность его внутреннего зрения смущала ее… Видеть все, и в таких подробностях! Она ощущала, как собственной персоной мерцает перед

его внутренним взором в том полупредельном времени, которое связано с реальностью только поступками и словами. Все они в видении были перед ним как на ладони!

— Время вашей утренней аудиенции, сир, — напомнил Стилгар. — Собрались многие… любопытные… испуганные.

— Ты боишься, Стил?

Старый фримен едва слышно шепнул в ответ:

— Да.

— Ты мой друг, и тебе нечего бояться меня, — произнес Пауль.

Стилгар глотнул.

— Да, милорд.

— Алия, аудиенцию даешь ты, — распорядился Пауль. — Стилгар, командуй.

Возле огромных дверей послышался шум. Толпу вытеснили из полутемного зала, чтобы вошли официальные лица. Все происходило своим чередом: домашняя стража локтями расталкивала просителей, облаченных в яркие одеяния, а просители пытались протолкнуться поближе, кричали, ругались, размахивали прошениями. На расчищенное стражей пространство вышел распорядитель. В руках его был перечень избранных, тех, кому разрешено предстать перед

престолом. Распорядитель — жилистый фримен по имени Текрубе — держался с усталым и несколько ироничным видом, гордо задирая бритую голову с кустистыми бакенбардами.

Алия двинулась к нему, давая возможность Паулю и Чани скрыться через коридор за возвышением. Подметив испытующий взгляд, который он метнул в спину Пауля, она подавила секундное недоверие к Текрубе.

— Сегодня я говорю за брата, — объявила она. — Пусть просители подходят по одному.

— Да, госпожа, — отвечал тот и начал распоряжаться.

— Я помню такое время, когда ты не могла обмануться в намерениях своего брата, — проговорил Стилгар.

— Меня отвлекли, — отвечала она. — В тебе что-то вдруг так странно и драматически переменилось. Что случилось, Стил?

Стилгар подобрался. Конечно, переменилось… но странно и драматически? Подобная точка зрения ему даже не приходила в голову. Драма ведь вещь сомнительная. Драмы разыгрывают заезжие актеры, люди сомнительной преданности и еще более сомнительной добродетели. Враги империи вечно с драматическим усердием пы-

таются соблазнить ее население. Корба оставил фрименскую добродетель и развел драму в своем Квизарате. И он умрет за это.

— Какая-то извращенная мысль, — проговорил Стилгар. — Или ты не доверяешь мне?

Расстроенный голос его смягчил выражение на лице Алии, но не тон.

— Тебе известно, что это не так. Я всегда была согласна с братом: если дело попало в руки Стилгара, мы можем спокойно забыть все обстоятельства этого дела.

— Почему же ты говоришь, что я… изменился?

— Ты сделал первый шаг на пути неповиновения брату, — отвечала она. — Я вижу это на лице твоем. И надеюсь, что твое ослушание не погубит вас обоих.

К ней уже приближался первый из ходатаев и просителей. Она отвернулась прежде, чем Стилгар успел ей ответить. Впрочем, на лице его читалось все то, о чем писала ей мать. Мораль и совесть уступали место Закону.

«Вы создаете смертельно опасный парадокс», вспомнилось Алие.

* * *

Тибана писал апологии сократического христианства, он был, вероятно, уроженцем Анбуса IV и жил в восьмом-девятом веке до воцарения Дома Коррино, скорее всего во второе правление Даламака. Сохранилась лишь малая часть написанного им, откуда и взята эта фраза: «Сердца всех людей обитают в одних и тех же джунглях».

(Ирулан, из «Книги Дюны»)

— Ты — Биджас, — произнес гхола, вступая в крохотную каморку, где карлика содержали под стражей. — Меня зовут Хейт.

За гхолой следовал целый отряд дворцовой стражи: вечерняя смена караула. Пока они пересекали внутренний двор, порыв ветра принес песок, он жалил лица, заставлял прикрывать глаза и торопиться. Было слышно, как снаружи в коридоре они обмениваются шутками, обычно сопровождающими ритуал смены часовых.

— Ты не Хейт, — отвечал карлик. — Ты — Дункан Айдахо. Я видел, как твою мертвую плоть погружали в бак и как извлекали из него тебя — живого и готового для обучения.

Гхола глотнул, горло его вдруг пересохло. Яркие шары плавающих ламп словно тускнели здесь,

на фоне зеленых гобеленов. Но на лбу карлика были заметны капли пота. В нем чувствовалась странная целостность, словно бы проступало сквозь кожу предназначение, заложенное в него тлейлаксу. Под маской труса и болтуна угадывалась сила.

— Муад'Диб поручил мне выяснить у тебя, что намереваются здесь сделать тлейлаксу с твоей помощью, — произнес Хейт.

– *Тлейлаксу, тлейлаксу,* — запел карлик, — я и есть тлейлаксу, дурень ты этакий! Кстати, и ты тоже.

Хейт глядел на карлика. А Биджас, казалось, светился харизматической бодростью, заставлявшей наблюдателя вспоминать о древних идолах.

— Слышишь голоса стражи? — спросил Хейт. — Они охотно удавят тебя по моему приказу.

— Хай! Хай! — воскликнул Биджас. — Экий заносчивый дуралей, а еще говоришь, что явился искать истину.

Хейт вдруг ощутил, что ему вовсе не нравится внутренняя невозмутимость, проступавшая на лице карлика.

— Быть может, я ищу всего лишь свое будущее.

— Неплохо сказано, — отвечал Биджас. — Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два

вора, их можно не представлять друг другу.

— Значит, мы с тобой воры? — переспросил Хейт. — И что же мы крадем?

— Мы не воры — мы игральные кости, — отвечал Биджас, — и ты хочешь подсчитать числа, нанесенные на моих гранях. А я — на твоих. И что я вижу? У тебя два лица.

— Ты и в самом деле видел меня в баках тлейлаксу? — преодолев странную нерешительность, спросил Хейт.

— Я же сказал, — отозвался карлик и вскочил на ноги. — Нам пришлось побороться за тебя — с тобой. Плоть не хотела возвращаться назад!

Хейту вдруг показалось, что он очутился в кошмарном сне, привидевшемся вовсе не ему самому и не ему подвластном, но если он вдруг забудет про это, — неминуемо затеряется в закоулках чужого ума.

Биджас с хитрым выражением на лице склонил голову набок, обошел вокруг гхолы, глядя на него снизу вверх.

— Когда ты волнуешься, в тебе проступают былые черты, — проговорил Биджас. — Ты — тот самый преследователь, который не хочет догонять свою жертву.

— Ну а ты — оружие, нацеленное в Муад'Ди-

ба, — отвечал Хейт, поворачиваясь, чтобы уследить за карликом. — Что ты задумал?

— Ничего! — отвечал Биджас, вдруг остановившись. — Вот тебе простой ответ на несложный вопрос.

— Или ты метишь в Алию, — спросил Хейт, — не так ли?

— Во Вселенной повсюду ее зовут Хоут, Чудовищной Рыбой. Но почему это я ощущаю, как вскипает твоя кровь, когда ты говоришь про нее?

— Так значит, они зовут ее Хоут… — протянул гхола, пытаясь что-нибудь прочесть в чертах лица Биджаса. Странными были речи карлика.

— Она шлюха-девственница, — продолжал Биджас, — она остроумна, вульгарна и понятна, несмотря на ужасающие глубины ее существа; она жестока в своей доброте, бездумна и мудра, созидая, она несет разрушения, подобно кориолисовой буре.

— Итак, ты пришел держать речь против Алии, — проговорил Хейт.

— Против? — спросил карлик, опускаясь на подушку возле стены и ухмыляясь. Это сразу сделало его похожим на большеголовую ящерицу. — Не-ет. Я пришел сюда, чтобы ее телесная

красота завлекла меня в ловушку…

— Нападать на Алию — значит нападать и на ее брата, — отвечал Хейт.

— Это настолько очевидно, что можно даже и не заметить, — отвечал Биджас, — в сути своей Император и сестра его являются единой двойственной личностью, две половинки которой, женская и мужская, обращены спиной друг к другу.

— Подобные речи мы слыхали от фременов глубокой Пустыни, — сердито сказал Хейт, — от тех самых, кто возобновил кровавые жертвоприношения Шаи-Хулуду. Почему ты повторяешь эту бессмыслицу?

— И ты смеешь говорить, что это бессмыслица? — возразил Биджас. — Ты, сразу человек и маска на лице человека? Аххх, естественно, откуда игральным костям знать, сколько очков на них выпало. Я забыл про это. А ты запутался вдвойне — ведь ты прислуживаешь этому двойному созданию. Чувства твои уводят прочь от истины, ум — лучший проводник. Воспользовался бы им!

— И ты проповедуешь тем, кто стережет тебя, эту ложь о Муад'Дибе? — негромким голосом спросил Хейт. Он чувствовал, что разум его опу-

тан речами карлика.

— Это они сами проповедуют! — отвечал Биджас. — И молятся. А почему бы и нет? Все мы должны молиться. Разве мы живем не в тени, которую отбрасывает на нас это существо, ужаснее которого не порождала Вселенная?

— Ужаснее которого…

— Собственная мать не желает жить на одной планете с ними.

— Почему ты не говоришь прямо? — спросил Хейт. — Ты ведь знаешь, у нас есть разные способы хорошенько повыспросить тебя. Мы сумеем узнать ответ… только другим способом.

— Но я ответил тебе! Разве я не сказал уже, что миф этот реален? А я — разве я ветер, что несет смерть в своем брюхе?.. Нет! Я — это слова! Но слова, подобные молнии, что бьет из песка в темное небо. Я сказал: задуем лампу! Настал день! А ты говоришь: дай мне фонарь, чтобы я не проглядел приход дня.

— Ты играешь со мной в опасные игры, — отвечал Хейт. — Или ты думаешь, что мне не понятны дзенсуннитские выверты? Ты за собой оставляешь отпечатки следов, словно птица на влажной глине.

Биджас хихикнул.

— Почему ты смеешься? — возмутился Хейт.

— Потому, что у меня есть зубы, а я хочу, чтобы их не было, — выдавил Биджас, смеясь. — Не будет зубов, нечем будет скрежетать.

— Теперь я понял: твоя цель — это я, — отвечал Хейт, — ты метишь в меня.

— И я попал в самое яблочко! — веселился Биджас. — Разве можно промазать в такую большую мишень? — Он кивнул, словно в подтверждение собственных слов. — А теперь я спою тебе, — и он зажужжал под нос монотонную мелодию, с привизгом повторяя немногие такты и слова.

Хейт напрягся, странная боль пробежала волной по позвоночнику. Он глядел на лицо карлика, в его юные глаза на древнем лице. Казалось, что глаза эти словно повисли в центре паутинной сети морщин, белыми линиями разбегавшихся в стороны к впалым вискам. Какая огромная у него голова… И все прочие черты только окружали теперь пухлый рот, извергавший монотонный шум. Звук этот напомнил Хейту древние ритуалы, воспоминания не одного человека — народа, древние слова и обычаи, позабытый смысл мельком услышанного бормотания. Сейчас здесь вершилось нечто жизненно важное в кровавой игре идей на просторах времени.

В напев карлика вплетались символы, словно яркий свет били они из древней тьмы, освещая века существования человечества.

— Что ты делаешь со мной? — задыхаясь, выдавил Хейт.

— Просто играю на тебе, — отвечал Биджас, — ты и есть тот самый инструмент, на котором меня учили играть. Я назову тебе другие имена предателей из числа наибов. Вот Бикурос и Кахийт. Числится среди них и Джедида, который был секретарем у Корбы, и Абумоджандис, помощник Баннерджи… Не исключено, что один из них сейчас уже пронзает ножом твоего Муад'Диба.

Хейт только мотал головой из стороны в сторону. Говорить было слишком трудно.

— Мы с тобой как два брата, — произнес Биджас, прерывая свое жужжание. — В одном баке выросли, я был первым, ты — младший.

Металлические глаза Хейта вдруг словно ожгло внезапной болью. Все вокруг погрузилось в мерцающую красную дымку. Все ощущения отошли далеко, оставив только одну боль, и все вокруг виднелось как бы сквозь пелену, как через помутневшее от песка стекло. Все стало случайным, и только случай правил над бездушной материей. Даже собственная воля превратилась в нечто

неопределенное. И она затаилась где-то внутри него, не дыша, не издавая ни звука, так что не сыщешь и с фонарем.

С ясностью, порожденной отчаянием, он прорвал эту дымку усилием воли. Все внимание его столбом огня било прямо под ноги Биджаса. И глаза его постигали суть карлика, слой за слоем: купленный интеллект, а под ним страхи, желания, стремления… и наконец, сердцевину: сущность, управляемую символами.

— Мы на поле боя, — сказал Биджас, — можешь говорить.

Команда эта развязала его язык, и Хейт ответил:

— Ты не сможешь заставить меня убить Муад'Диба.

— Я слыхал, как Бене Гессерит говорят, что во Вселенной нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего неизменного, но каждый день — а случается, и каждый час — несет перемены.

Хейт тупо мотал головой из стороны в сторону.

— Ты поверил, что глупый Император и есть наша цель, — произнес Биджас. — Как же плохо ты понимаешь наших хозяев — тлейлаксу. Гильдия и Бене Гессерит считают, что мы про-

изводим изделия. На самом деле мы создаем услуги и инструменты. Все, от войны до бедности, может послужить инструментом. Война полезна: она ведь так эффективна. Она стимулирует метаболизм. Она усиливает правительства. Она перемешивает наследственность и наделяет жизнестойкостью, как ничто другое во всей Вселенной. Лишь те, кто знает цену войне и платит ее, обладают решимостью…

Странно спокойным голосом Хейт отвечал:

— Интересные речи ведешь ты, и я вот-вот поверю в месть Провидения. Как же пришлось преобразовать твое прежнее тело, чтобы создать тебя?.. Наверняка получилась бы занимательная история… с еще более увлекательным эпилогом.

— Великолепно! — пропел Биджас. — Ты нападаешь, значит, у тебя есть сила воли и решимость.

— Ты пытаешься пробудить во мне желание убивать, — задыхаясь, проговорил Хейт.

Биджас отрицательно качнул головой.

— Пробудить — согласен, но не насилие. Тебя учили ясности, так ты сам говорил. И я должен пробудить в тебе ясность восприятия, Дункан Айдахо.

— Хейт!

— Дункан Айдахо. Искуснейший из убийц, любовник многих женщин, солдат-меченосец. Правая рука Атрейдесов на поле боя. Дункан Айдахо.

— Прошлое нельзя пробудить.

— Ты уверен?

— Прежде это никогда не удавалось.

— Интересно, но наши хозяева даже слышать не хотят, что может найтись нечто такое, чего нельзя сделать. Они всегда ищут способ: нужный инструмент, точку приложения силы, услуги нужных…

— Ты скрываешь свое истинное предназначение. Прячешь его за бессмысленными словами!

— В тебе сокрыт Дункан Айдахо, — отвечал Биджас, — и все его сознание откроется тебе… или твоим эмоциям, или бесстрастному рассудку… но оно покорится. И сознание его возвратится из тьмы былого, окружающей каждый твой шаг. Оно рядом и правит тобой, даже когда ты не даешь ему воли. Дункан Айдахо — внутри тебя, он существует, и когда сознание его сфокусируется, ты покоришься.

— Тлейлаксу думают, что я все еще их раб, но я…

— Тихо, раб! — привизгивая особенным обра-

зом, бросил Биджас.

И Хейт обнаружил, что застыл в покорном молчании.

— Ну вот мы и добрались до самой основы, — удовлетворенно проговорил Биджас, — и я знаю — ты это понял. Такие слова управляют тобой… думаю, это вполне достаточно.

Хейт ощущал выступивший на лбу пот, чувствовал, как дрожат руки и грудь, но не в силах был пошевелиться.

— Однажды, — продолжал Биджас, — к тебе придет Император. Он скажет: *ее больше нет.* И лицо его будет воплощать горе. Он будет отдавать воду мертвым, так все здесь называют слезы, а ты ответишь моим голосом: *«Господин! О, господин мой!»*

Челюсти и шею Хейта сводило, он едва покачивал головой из стороны в сторону.

— И ты скажешь: *«У меня весть от Биджаса»*, — карлик скорчил рожу. — Бедный Биджас, безумный Биджас… пустой барабан, на котором выбивают дробь сообщений, сути которых он не понимает… но стукни по Биджасу, и он загрохочет. — Он снова принялся гримасничать.

— Ты думаешь, я ханжа, Дункан Айдахо? Нет! И я могу горевать. Но пришло время менять мечи

на слова.

Икота сотрясла Хейта.

Биджас хихикнул.

— Ах, спасибо, Дункан. Ах, спасибо! Вот потребности тела и спасут нас. В жилах Императора течет кровь Харконненов. И он сделает все, что мы потребуем от него. Так что станет ваш Император нашим молотком и будет чеканить слова, что будут приятным звоном отдаваться в ушах наших хозяев.

Хейт моргал, удивляясь, насколько оживленным казался карлик, злобным и мудрым одновременно. *Откуда в Атрейдесах кровь Харконненов?*

— Вспомни-ка лучше о Звере Раббане, злодее Харконнене, и вспомни свой гнев, — промолвил Биджас. — В гневе ты всегда был подобен фрименам. Если слов не хватает, то уж меч-то всегда под рукой. Вспомни муки, на которые Харконнены обрекли твою семью. Знай: по матери твой драгоценный Пауль и есть настоящий Харконнен. Ну, когда тебе было трудно убить Харконнена?

Горькое разочарование одолевало гхолу. Или гнев? Почему эти слова вызывают гнев?

— Оххх, — стонал Биджас, — ах-хх, хах! Клик-клик. Вот и еще кое-что. Тлейлаксу предлагают

сделку твоему драгоценному Паулю Атрейдесу. Наши хозяева восстановят его возлюбленную. Некоторым образом это будет твоя сестра — тоже гхола.

Хейту внезапно почудилось, что он оказался в мире, где нет ничего, кроме стука его собственного сердца.

— Да, гхола! — повторил Биджас. — И плоть гхолы будет плотью его возлюбленной. Она будет рожать ему детей. Она будет любить его одного. Мы можем даже улучшить оригинал, если он этого захочет. Разве хоть однажды дана была человеку возможность вернуть к жизни умершую любовь? Да он просто уцепится за наше предложение!

Биджас кивнул, прикрывая веками глаза, словно от усталости:

— Он смутится… и когда он задумается, ты подберешься поближе. И ударишь! Два гхолы будут у нас, не один! *Этого* хотят наши хозяева! — Карлик откашлялся, снова кивнул и велел:

— Теперь говори.

— Я не сделаю этого, — отвечал Хейт.

— А вот *Айдахо* сделал бы, — проговорил Биджас. — Тебе не предоставится более удобной возможности отмстить этому потомку Харкон-

ненов. Не забывай этого. Ты предложишь ему возможность улучшить возлюбленную, дать ей вечную нежность, нестареющую любовь. А потом предложишь им обоим убежище — а сам будешь подбираться все ближе — на планете где-нибудь за пределами империи. Подумай только! Вернуть любимую к жизни. Не плакать, а в уединении и любви доживать свои годы.

— Дорогой подарочек, — осторожно заметил Хейт. — Он спросит и о цене?

— Скажешь ему, что придется отказаться от всех претензий на божественность и дискредитировать Квизарат. А еще, еще ему придется отдать — себя самого и свою сестру.

— И всего-то? — насмешливо спросил Хейт.

— Естественно, ему придется отказаться и от всей своей доли в КООАМ.

— Естественно.

— И если ты не подберешься еще достаточно близко, чтобы ударить, говори ему, как восхищены тлейлаксу полученным от него уроком: они не знали еще об истинных возможностях религии. Скажи ему, что тлейлаксу завели целый департамент по подготовке религий на разные нужды.

— Очень умно придумано, — заметил Хейт.

— Ты считаешь себя свободным, думаешь, что

вправе не слушать меня и насмешничать, — проговорил Биджас, хитро прищурясь и наклоняя голову набок. — Не спорь.

— Они хорошо сработали тебя, маленькое животное, — скривился Хейт.

— И тебя тоже, — отозвался карлик. — И ты скажешь, чтобы он поторопился. Плоть распадается, ее нужно будет срочно поместить в криогенный бак.

Хейт почувствовал, что заблудился в этой путанице явлений, вдруг ставших незнакомыми. Карлик был столь самоуверен! Но и в логике тлейлаксу должен был отыскаться порок. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаса, но… Что — но? Логика (сеть) объект… Очевидные мысли так легко принять за верные! Или логика тлейлаксу искажена?

Биджас улыбался, словно прислушиваясь к внутреннему голосу.

— А теперь, — сказал он, — ты все забудешь, но когда придет пора, вспомнишь. Он скажет: «Ее больше нет». И Дункан Айдахо проснется.

Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт заморгал, ощутив, что его вдруг перебили на какой-то важной мысли или на половине фразы. Что это было? Кажется, они говорили…

о целях?

— Ты хочешь запутать меня, а потом управлять мною, — сказал он наконец.

— С чего ты взял? — спросил Биджас.

— Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

— И не подумаю.

— Что ты пытаешься выполнить моими руками?

— Доброе дело, — отвечал Биджас. — Одно доброе дело.

* * *

Силы предвидения не могут отразить последовательности реальных событий иначе, как в самых чрезвычайных обстоятельствах. Оракул выхватывает отдельные звенья событий из исторической цепи. Вечность движется, она одинаковым образом действует и на оракула, и на пришедшего к нему просителя. Пусть подданные Муад'Диба сомневаются в величии Императора и его пророческом даре. Пусть они отрицают его мощь. Пусть – но да не усомнятся они в Вечности!

(Из «Священных Заветов Дюны»)

Хейт видел, как Алия покинула свой храм и направилась через площадь. Охрана теснилась вокруг, пытаясь свирепыми минами замаскировать полноту плоти, порожденную спокойной и сытой жизнью.

В лучах полуденного солнца яркими вспышками гелиографа замелькали крылья топтера над храмом; аппарат принадлежал к Императорской гвардии и нес на фюзеляже знак Муад'Диба — кулак.

Хейт вновь посмотрел на Алию. Здесь, в городе, она выглядела чужеродным телом, подумал он.

Да, Алия принадлежала Пустыне, беспредельным просторам ее. Пока он следил за ее приближением, странная мысль пришла ему в голову: Алия казалась задумчивой, лишь когда улыбалась. Виноваты в этом глаза, решил он, припоминая, какой была она на приеме по случаю прибытия посла Гильдии: стройная и горделивая посреди всей этой суеты… ее дерзкие речи, обращенные к изысканно облаченным людям обоего пола. Алия была тогда в белом… ослепительное, яркое одеяние воплощало всю ее чистоту. Он глядел из окна, пока она пересекала внутренние сады для официальных приемов, шла вокруг пруда с его певучими фонтанами, сквозь заросли высокой травы прерий к белому бельведеру.

Все не так… совсем не так. Она принадлежала Пустыне.

Хейт порывисто вздохнул. Тогда он потерял Алию из вида, теперь тоже. Он ждал ее, стискивая и разжимая кулаки. И что за нелепый разговор вышел у него с Биджасом!..

Он слышал, как свита Алии прошествовала по коридору мимо комнаты, в которой он находился. Алия удалилась в семейные апартаменты.

Он пытался сосредоточиться на том, что его встревожило. То, как шла Алия через площадь?

Да. Она шла словно жертва, спасающаяся от хищника. Он вышел на соединяющийся с семейными апартаментами балкон, прячась от солнца за навесом из пластали, пробрался вперед и остановился в тени. Алия стояла возле балюстрады и глядела куда-то за храм.

Он проследил за ее взглядом — Алия смотрела вдаль, за город. Прямоугольники, цветные пятна, дальние движения, звуки. Здания сверкали, контуры их дрожали в мареве. Раскаленный воздух плясал над крышами. Напротив, возле храма, в тупике между массивных стен мальчишка стучал мячом о стену. Мячик ударялся о стену и отлетал — туда-сюда…

Алия тоже видела мяч. Взгляд ее был прикован к нему — вперед-назад… вперед-назад. Словно это сама она билась о стены коридоров времени.

Прежде чем оставить храм, она приняла колоссальную дозу меланжевого зелья — никогда прежде она не рисковала подобным образом. И ей было страшно — уже сейчас, хотя эффект еще не начал сказываться.

Почему я сделала это? — спрашивала она себя.

Но находясь среди многих угроз, приходилось идти на риск. Приходилось. Лишь таким образом можно было рассеять мглу, которой Таро Дюны

затмило будущее. Существовала преграда, и ее нужно было взломать. Действия ее определялись необходимостью; она хотела увидеть, куда идет ее брат, устремив вперед невидящий взор.

Знакомая меланжевая фуга начинала звучать в сознании. Алия глубоко вздохнула, стараясь обрести хотя бы хрупкое спокойствие, сосредоточенное и отстраненное.

Второе зрение способно сделать из человека опасного фаталиста, думала она. К несчастью, в пророчестве нет «спускового крючка», его невозможно рассчитать. С видениями нельзя манипулировать, как с формулами. В них приходится погружаться, рискуя жизнью и разумом.

В резких тенях на примыкающем балконе шевельнулась фигура. Гхола! Обострившимся восприятием Алия увидела его с невероятной ясностью… смуглое живое лицо с блестящими металлическими глазами. В нем встречались ужасающие противоположности, они сталкивались, налетая с противоположных сторон. Он был сразу и тенью, и ослепительным светом… Процесс, давший новую жизнь мертвой плоти… произвел нечто невероятно чистое… и невинное.

Именно невинное!

— И давно ты здесь, Дункан? — спросила она.

— Значит, теперь я Дункан? — осведомился он. — Почему?

— Ты не должен спрашивать меня, — отрезала она.

Глядя на него, она удивлялась, как сумели тлейлаксу настолько отшлифовать свое создание и ничего не упустить из виду.

— Только боги могут так рисковать, — проговорила она, — совершенство опасно для смертного.

— Дункан умер, — возразил гхола. — Я — Хейт.

Она вглядывалась в эти искусственные глаза, гадала — что они видят. Вблизи в них были заметны крошечные выемки, колодцы тьмы, черневшие в сверкающем металле. Фасетки, как у насекомого. Вселенная искрилась вокруг и покачивалась. Она удержала равновесие, упершись рукой в прогретую солнцем ограду. Ах-хх, как быстро течет по телу меланжа.

— Вам плохо? — спросил Хейт. Он пододвинулся ближе, стальные глаза внимательно глядели на нее.

Кто это говорит? — удивилась она. *Дункан Айдахо? Или же ментат-гхола… а может быть, философ-дзенсуннит? Или простая пешка в руках тлейлаксу, куда более опасная, чем любой из навигаторов Гильдии? Брат ее знал об этом.*

И она снова посмотрела на гхолу. Теперь он был пассивен, в нем дремало нечто: гхола был словно насыщен ожиданием и силами, превосходящими доступное человеку.

— Как дочь собственной матери, я во многом принадлежу сестрам Бене Гессерит, — отвечала она, — ты не забыл про это?

— Я помню.

— Я пользуюсь их знаниями, думаю, как они. Часть моего существа признает священную необходимость выполнения генетической программы — и всю значимость… ее продуктов.

Она заморгала, ощущая, как часть сознания ее уносится потоками времени.

— Говорят, что Бене Гессерит никогда не оступаются, — сказал он, только теперь заметив, как побелели ее пальцы, впившиеся в ограду балкона.

— Неужели я оступилась? — спросила она.

Гхола видел, как глубоко она дышит, чувствовал напряжение в каждом движении, заметил слегка остекленевшие глаза.

— Когда споткнешься, легко восстановить равновесие, надо лишь подпрыгнуть и перескочить через то, что легло на твоем пути.

— Это сестры Бене Гессерит споткнулись, — от-

вечала она, — и хотят восстановить равновесие, перепрыгнув через моего брата. Они хотят ребенка… ребенка Чани или моего.

— Ты понесла?

Чтобы ответить на этот вопрос, она с трудом отыскала свое положение во временном пространстве. *Понесла?* Где? Когда?

— Я вижу… моего ребенка, — прошептала она.

Отступив от края балкона, она обернулась к гхоле: белое, как соль, лицо и горькие глаза — два кружка расплавленного свинца… Он отвернулся от света, чтобы видеть ее в голубых тенях.

— И что же… ты видишь такими глазами? — прошептала она.

— То же, что и все вокруг, — отвечал он.

Слова его звенели в ушах, сознание напряглось. Она словно бы тянулась через всю Вселенную… прочь из нее… наружу, но время спутывало ее цепкой лианой.

— Ты приняла Пряность — огромную дозу, — понял он.

— Почему я не вижу *его?* — пробормотала в ответ Алия. Лоно творения не выпускало ее. — Скажи мне, Дункан, почему я не вижу *его*?

— Кого?

— Я не вижу отца собственных детей. Я затеря-

лась в тумане Таро Дюны. Помоги мне.

Логика ментата немедленно выдала ответ, он медленно сказал:

— Сестры Бене Гессерит хотят кровосмешения. Ваш брак с братом позволит закрепить генетические…

Стон сорвался с ее губ.

— Яйцо во плоти, — выдохнула она. Нахлынул озноб, сменился жаром. Невидимый супруг из самых мрачных снов! Плоть, соединившаяся с плотью ее, невидимая взгляду пророчицы. Неужели дойдет до этого?

— Ты рискнула принять опасную дозу? — вновь спросил он. Нечто внутри него смертельно скорбело: дочери Атрейдесов грозит смерть… И Пауль в горе обратится к нему, извещая о смерти принцессы.

— Ты и не знаешь, какими путями ухватывают грядущее, — отвечала она, — иногда я вижу себя… но сама себе мешаю. Я не могу заглянуть в будущее через себя. — Она склонила голову, замотала ею из стороны в сторону.

— Сколько Пряности ты приняла? — повторил он.

— Пророческий дар противен природе, — сказала она, поднимая голову, — разве это тебе не

известно, Дункан?

Негромко, как маленькому ребенку, он опять задал тот же вопрос.

— Скажи, сколько Пряности ты приняла? — и левой рукой взял ее за плечо.

— Механика слов столь неуклюжа, столь примитивна и двусмысленна, — отвечала она, ускользая из-под его руки.

— Ты должна сказать, — настаивал он.

— Погляди на Барьерную Стену, — указала она и содрогнулась; там, куда указывала ее рука, скалы рушились под напором невидимых волн. Она отвела глаза, поглядела на лицо гхолы, черты его изменялись: старели, молодели… снова старели… и опять становились молодыми. Он был подобен самой жизни, уверенной в собственной бесконечности. Она хотела бежать, но он схватил ее за левое запястье.

— Я немедленно вызываю доктора, — проговорил он.

— Нет! Вот-вот придет видение! Я должна узнать!..

— Ты немедленно идешь к себе, — строго сказал гхола.

Она глядела на его руку. Плоть их соприкасалась, из руки его словно бил ток, пугавший и

соблазнявший ее. Рывком она высвободилась, задыхаясь, проговорила:

— Вихрь не удержишь!

— Тебе нужен врач! — отрезал он.

— Как ты не понимаешь! — чуть ли не в отчаянии возразила она. — Я не вижу всего, одни только дергающиеся и колышущиеся обрывки. Я *должна* вспомнить будущее. Как ты не понимаешь этого?

— Что мне будущее, если ты умрешь? — отвечал он, мягко подталкивая ее к семейным апартаментам.

— Слова… слова, — бормотала она, — я не могу объяснить. Одно следует из другого… но если нет причины, нет и следствия. Мы не можем оставить Вселенную, какой она была. Сколько бы мы ни пытались, все время возникает провал.

— Ложись, — скомандовал гхола.

Как он туп, подумала она.

Ее охватили прохладные тени. Мышцы собственного тела извивались червяками. Она не ощущала под собой твердого ложа. Только пространство. Все прочее не было материальным. Ложе истекало телами — ее собственными. Время множилось, напрягалось, и она не могла выделить хоть что-то единое. Вокруг было время, оно

шевелилось, вся Вселенная уползала то назад, то вперед… во все стороны сразу.

Оно не вещественно, объяснила себе Алия. *Его нельзя обойти, стать под ним. И нет места для точки опоры.*

Вокруг нее сновали люди. Множество неизвестных держало ее за левую руку. Она посмотрела, как течет ее плоть, вдоль прикоснувшейся руки поглядела на жидкую массу лица: Дункан Айдахо! Глаза были… не те. Но это был Дункан: мальчик-мужчина-подросток-мальчик-мужчина-подросток. И каждая черта лица его выдавала тревогу о ней.

— Не бойся, Дункан, — прошептала она.

Он стиснул ее руку, кивнул и сказал:

— Лежи смирно.

В голове его крутилось: она не должна умереть! Не должна! Женщины Дома Атрейдес не должны умирать! Он резко тряхнул головой. Мысли эти противоречили логике ментата. Смерть необходима, чтобы могла продолжаться жизнь.

Гхола любит меня, думала Алия.

И мысль эта стала опорой в море времени. Знакомое лицо, а за ним… комната. Она узнала одну из спален в апартаментах Пауля.

Застывшая и неизменная фигура что-то делала

с трубкой, вставляя ее в горло Алии. Она попыталась сдержать спазм рвоты.

— Вовремя успели, — произнес голос семейного врача. — Надо было раньше вызвать меня. — В словах его угадывалась подозрительность. Трубка змеей выползала из ее горла.

— Я сделаю ей инъекцию снотворного, — сообщил врач. — И пришлю сюда кого-нибудь из ее собственных прислужниц.

— Я останусь с ней, — сказал гхола.

— Это неприлично! — возразил медик.

— Останься… Дункан, — прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы она поняла, что он слышит ее.

— Госпожа, — проговорил врач, — лучше, если…

— Я сама знаю, что лучше, — возразила она. От слов горло саднило.

— Госпожа моя, — укоризненно сказал медик, — вам прекрасно известно, что слишком много меланжи принимать опасно. Я могу предположить, что вам его подложили в…

— Ты глуп, — задыхалась она. — Откуда, потвоему, берутся видения? Я прекрасно знала, что принимала и почему. — Она схватилась рукой за горло. — Оставь нас. Быстро!

Врач пропал из виду, заявив на прощание:

— Я обязан предупредить вашего брата.

Почувствовав, что врач вышел, Алия всем вниманием обратилась к гхоле. Теперь видение уже маячило перед ней: субстрат, на котором сверху коркой медленно нарастало настоящее. Она видела, как гхола двигается на волнах времени, теперь уже не загадочный, ставший обыденным и привычным.

Он — средоточие всего, думала она, *в нем и гибель, и спасение.*

И она содрогнулась, понимая, что наконец ей открылось то, что давно провидел ее брат. Слезы сами собой обожгли глаза. Она резко тряхнула головой. Никаких слез! Капли эти — просто пустая трата влаги, им не место в строгом течении пророческого видения. Пауля нужно остановить. Однажды, только однажды, она сумела забежать дальше его во времени и оставила свой голос там, где еще должен был пройти брат. Нити паутины грядущего сходились к нему, словно лучи света к фокусу линзы. Пауль находился в самой сердцевине лучей и знал об этом. Он удерживал все линии событий, не позволяя ни одной из них отклониться в сторону или тем более вырваться.

— Почему? — пробормотала она. — Это нена-

вись? Или Пауль хочет в отместку поразить само Время? Это ненависть, Хейт?..

Услыхав свое имя, гхола отозвался:

— Простите, госпожа?..

— Если бы я только могла выжечь все это из своего сердца! — выкрикнула она. — Я никогда не хотела быть *иной*.

— Пожалуйста, Алия, — бормотал гхола. — Успокойся, усни.

— Как я хотела бы уметь смеяться, — прошептала она. Слезы текли по ее щекам. — Но я сестра Императора, и брату моему поклоняются как богу. Люди боятся меня. А я не хотела этого.

Он стер слезы с ее щек.

— Я не хочу быть частью истории, — прошептала она. — Я хочу, чтобы меня любили… я хочу любить.

— Тебя любят, — отвечал он.

— Ах… верный, верный Дункан, — прошептала она.

— Пожалуйста, не зови меня этим именем.

— Но это твое имя, — отвечала она, — а верность — редкий и дорогой дар. Впрочем, ее можно продать… не купить — только продать.

— Мне не нравится твой цинизм, — нахмурился он.

— Пошли к чертям твою логику! Это — правда!

— Спи, — сказал он.

— Ты меня любишь, Дункан? — спросила она.

— Да.

— Это случайно не ложь? — спросила она. — Не та ложь, в которую проще поверить, чем в правду? Почему я боюсь поверить тебе?

— Ты боишься того *иного*, что скрыто во мне, как боишься *иного*, скрытого в тебе самой.

— Ты же мужчина, не только ментат, — огрызнулась она.

— Я и ментат, и мужчина.

— Раз так — сделаешь ли ты меня своей женщиной?

— Я сделаю все, что прикажет любовь!

— И дашь мне свою верность?

— И верность.

— Ею ты и опасен, — проговорила она.

Эти слова смутили его. Ни лицо, ни мышцы тела этого не выдавали, но она знала, ведь в видении он волновался. Она чувствовала, что запомнила только части видения, что ей следует постараться припомнить все. Там, в тенях пространства, таилось еще одно восприятие, оно словно бы не имело отношения к органам чувств и возникало в голове само собой, рождало боль.

Эмоция!.. Да, эмоция! Она возникла в видении не сама по себе, а как следствие, но эмоция эта позволяла Алие найти причину. Ее охватила сложная смесь туго свитых воедино страха, любви и горя. И они наполняли видение, сливаясь в единую маску, огромную и первобытную.

— Дункан, не отпускай меня, — прошептала она.

— Спи, — отвечал он, — не пытайся противиться сну.

— Я должна… *должна* объяснить. Пауль решил стать наживкой в расставленной им ловушке. Он служит силе и ужасу. Насилие… обожествление… словно оковы охватывают его. Он потеряет… все. И горе погубит его.

— Ты говоришь про Пауля?

— Они хотят, чтобы он погубил себя собственными руками, — задыхалась Алия, выгибаясь всем телом. — Его ждет огромное горе, страшное горе. Они хотят лишить его любви, — Алия села на постели. — Они создают такую Вселенную, в которой сам Пауль не захочет жить. В которой он не сможет позволить себе жить!..

— Кто они?

— Он сам в первую очередь! Ох, ты так туп! Он — часть схемы. И сейчас уже слишком позд-

но… Слишком поздно… слишком поздно.

И пока она говорила, видение тускнело… за слоем слой. А потом собралось в комок — прямо позади пупка. Тело и ум разделялись, сливались среди древних видений, — все двигалось, двигалось, двигалось. Алия почувствовала, как бьется сердце ребенка, еще не зачатого ею. Меланжа все еще несла ее по волнам времени. Она понимала, дитя это пока не родилось, и только в одном была уверена — ребенок пробудится к жизни столь же рано, как и она сама, он тоже обретет сознание еще до рождения.

* * *

Существует предельный уровень силы, которой может воспользоваться даже могущественнейший, не погубив при этом себя. И в определении этой границы проявляется степень истинного артистизма, которым правительство может быть наделено. Ошибка в применении силы – грех, который несет за собой фатальные последствия. Закон не может являться орудием мести, его нельзя отдать в залог, закон не может оградить себя от мучеников, которых сам и порождает. Нельзя угрожать кому бы то ни было безнаказанно.

(«Муад'Диб – о Законе», «Из Комментариев Стилгара»)

За ущельем над Пустыней возле сиетча Табр занималось утро, но Чани была без дистикомба, и потому чувствовала себя неуютно. Грот, ведущий ко входу в сиетч, был скрыт вверху среди скал, чуть позади нее.

Пустыня… Пустыня… Ей уже казалось, что Пустыня сопровождала ее повсюду. Словно она не вернулась домой, а просто обернулась — и увидела ее за спиною.

Она ощутила болезненные схватки в живо-

те. Роды скоро. Усилием воли она справилась с болью, стараясь продлить свое одиночество в Пустыне.

Земля покоилась в рассветной тиши. Повсюду среди дюн и террас Барьерной Стены пролегли длинные тени. Над высоким откосом блеснул луч солнца, осветил блеклый ландшафт под вылинявшим синим небом. Пейзаж вполне соответствовал отвратительному цинизму, терзавшему ее с того самого мгновения, когда она узнала о слепоте Пауля.

Зачем мы явились сюда? — думала она.

Это не хаджр, путешествие ищущих. Паулю нечего было искать здесь, разве что он старался найти надежное место, где она могла бы спокойно родить. Но для подобного путешествия он выбрал странных спутников: Биджаса, карлика-тлейлаксу; гхолу Хейта, живые останки Дункана Айдахо; Эдрика, посла-навигатора Гильдии; Гайю-Елену Мохийам, Преподобную Мать Бене Гессерит, которую он явно от всей души ненавидел; Лихну, странную дочь Отхейма, которую держали под пристальным наблюдением бдительной стражи. Но были и свои: Стилгар, дядя ее и наиб вместе с любимой женой Харой… Ирулан… Алия.

Вой ветра в скалах наводил печальные думы.

День принес свои краски: желтую, бурую, серую.

Зачем ему эта странная компания?

На расспросы ее Пауль отвечал:

— Мы забыли, что словом «компания» первоначально обозначалась именно группа путешественников. Так что мы и есть компания.

— Но какая им цена?

— Вот! — усмехнулся он, обращая к ней свои жуткие пустые глазницы. — Мы забыли про ясность и цельность существования. И когда нечто нельзя разлить, закупорить, растолочь, свалить в кучу… если нельзя на худой конец просто указать пальцем на него как на вещь, — оно не имеет для нас никакой цены.

Тогда она с обидой ответила:

— Я вовсе не это имела в виду.

— Ах, драгоценнейшая моя, — проговорил он, пытаясь утешить ее, — у нас столько денег, и так мало жизни! Я глупый, упрямый, злой…

— Не наговаривай на себя.

— И ты тоже права. Но и мои ладони посинели от времени. Мне кажется… мне кажется — я все время пытался изобрести жизнь, не подозревая, что она уже существует.

И он тронул ее живот, прикоснулся к дремлющей жизни.

Припомнив это, она положила на живот обе ладони и поежилась, сожалея о том, что просила Пауля привезти ее сюда.

Пустынный ветер донес зловоние от посадок, окаймлявших дюны у подножия утеса. Фрименское суеверие: дурной запах предвещает скверные времена.

Обернувшись лицом к ветру, она заметила, что из песков у края посадок выставился червь. Подобно бушприту дьявольского корабля он высунулся из песка… а потом почуял воду, несущую смерть его роду, и повернул, оставляя за собой длинный изогнутый холм.

Теперь Чани ненавидела эту воду, как и Пустынный червь. Вода, некогда душа Арракиса, стала ядом. Вода несла гибель. Только Пустыня оставалась по-прежнему чистой.

Внизу показался рабочий отряд фрименов. Они поднимались к среднему входу в сиетч, и она увидела, что ноги их были облеплены влажной грязью.

Это у фрименов-то!

Над головой ее дети сиетча запели утреннюю песнь. Голоса их заставили ее ощутить время, устремляющееся вдаль подобно коршуну, несомому ветром. Она поежилась.

Какие бури видел Пауль своими пустыми глазницами?

Она ощущала, что он полон злости и сходит с ума от усталости.

Небо превратилось в серый хрусталь, пронизанный алебастровыми лучами. Поднятый ветром песок чертил на небе хаотические узоры. Ослепительная полоска, белевшая на юге, привлекла к себе ее взор. Насторожившись, она вспомнила примету: забелеет небо с юга, значит, разверзлась пасть Шаи-Хулуда. Надвигалась буря, близился сильный ветер. Уже чувствовалось первое дуновение: легкие песчинки начинали покалывать щеки. Ветер нес запах смерти, запах воды, текущей в арыках, влажного песка, кремня. Вода… из-за нее Шаи-Хулуд и послал эту кориолисову бурю.

В расщелину, где стояла Чани, в поисках укрытия от непогоды влетели коршуны. Перья их были буры, как скалы, лишь крылья снизу отливали красным цветом. Душа ее устремилась за ними; им-то было где укрываться, но где же спрятаться ей самой?

— Госпожа, идет буря!

Она обернулась, увидела, что это гхола зовет ее от верхнего входа. Фрименские суеверия охва-

тили ее. Чистая смерть, вода, возвращенная племени, — это она понимала. Но… *это* вот… отобранное у смерти…

Поднятый ветром песок уже сек по лицу, румянил щеки. Она бросила косой взгляд на устрашающую стену пыли, встающую на небе. Пустыня вскипала под ветром, дюны словно превращались в песчаное море, бьющее в берега, так говорил ей когда-то Пауль. Она медлила, ощущая преходящую сущность Пустыни. Что для вечности этот бурлящий песок!..

Песчаный прибой уже громыхал о скалы.

Буря начинала превращаться в нечто поистине всеобъемлющее, все звери и птицы попрятались, и над песком неслись только звуки, бил в скалы песок, выл ветер, дробью барабанили в скалу валуны… вдруг издали раздался характерный звук — где-то, невидимый отсюда, гулко вскинулся из песка, из обрушенного бурей бархана, песчаный червь — извернулся и, спасаясь, нырнул в свои сухие глубины.

Жизнь отмеривала минуты, но за эти мгновения Чани успела ощутить, как пылинкой несется в космосе эта планета, песчинкой в иных волнах.

— Поспешим, — произнес гхола, оказавшийся

рядом.

Она чувствовала в голосе его страх и заботу о ее безопасности.

– *«Ветер слижет плоть с ваших костей»,* — процитировал гхола, словно *ей* нужно было объяснять, что такое песчаная буря.

Заботливость его помогла преодолеть внезапный суеверный страх перед созданием тлейлаксу, и Чани позволила гхоле проводить себя вверх по каменной лестнице внутрь сиетча.

Они миновали поворотную заглушку, закрывавшую вход. Служители аккуратно затворили дверь, затянув влагосохраняющие уплотнения.

Сразу нахлынули запахи сиетча, пробуждавшие воспоминания. Пахло жильем: испарениями тел, закупоренных в дистикомбы, кислыми эфирами рекламационных туалетов, пищей… еще припахивали кремнем работающие машины. И повсюду — вездесущий запах Пряности, повсюду меланжа.

Она глубоко вздохнула.

— Это дом.

Гхола отнял ладонь от ее руки, отодвинулся в сторонку, терпеливо ожидая, словно его выключили за ненадобностью. И все же… он наблюдал.

Чани медлила у входа, ей мешало что-то непо-

нятное, незнакомое, не имевшее имени. Тут и в самом деле был ее дом. В детстве она била здесь скорпионов в свете плавающих ламп. Но что-то переменилось…

— Не хотите ли сразу отправиться прямо в собственные апартаменты, госпожа? — предложил гхола.

Схватки, словно только и дожидались этого приглашения, снова скрутили ее живот. Чани попыталась скрыть боль…

— Госпожа… — мягко напомнил о себе гхола.

— Почему Пауль опасается за меня, боится моих родов? — спросила она.

— Это естественные опасения.

Она приложила ладонь к покрасневшей щеке.

— Но он не опасается за детей!

— Госпожа, он не может подумать о ребенке, не припомнив вашего первенца, убитого сардаукарами.

Она вглядывалась в плоское лицо, ничего не выражающие металлические глаза. Действительно ли перед ней Дункан Айдахо? Может ли это создание быть другом? Правду ли говорит гхола?

— Вам нужно к врачам, — настойчиво сказал гхола. Чани снова почувствовала в его голосе беспокойство о ней. Она вдруг ощутила, что разум

ее остался без всякой защиты, открытый любым впечатлениям.

— Хейт, я боюсь, — прошептала она, — где мой Усул?

— Государственные дела задерживают его, — прошептал гхола.

Она кивнула, представив себе весь этот правительственный аппарат, сопровождавший их на целой стае орнитоптеров. И вдруг поняла, что встревожило ее: в сиетче пахло иными мирами. Клерки и слуги Императора принесли запах собственной пищи, духов и одежды. Чуждые ароматы пробивались сквозь привычные запахи сиетча.

Скрывая горький смешок, Чани осадила себя. Присутствие Муад'Диба изменило даже запах дома. Муад'Диб изменяет все, чего коснется!..

— Он не смог освободиться… есть неотложные дела, — произнес гхола, неправильно определив причину ее колебаний.

— Да… да, понимаю. Я сама летала в этом рое.

Припоминая полет из Арракина, она невольно призналась себе, что и не рассчитывала уцелеть. Пауль настоял на том, что сам будет пилотировать топтер. И — слепой — привел машину к сиетчу. После этого она уже и не знала, может ли

он удивить ее чем-нибудь еще.

Боль стянула живот.

Гхола заметил, как она вздохнула, как напряглись ее щеки, и проговорил:

— Пришло ваше время?

— Я… да. Началось.

— Больше медлить не следует, — решительно сказал гхола и, взяв ее за руку, повлек за собой по коридору.

Почувствовав, что Хейт запаниковал, она попыталась придержать его:

— Время еще есть.

Он словно не слышал:

— Дзенсунниты рекомендуют при родах, — говорил он, ускоряя шаги, — максимально собравшись, ждать, не имея цели… Не следует противиться тому, что происходит. Сопротивляться — значит заранее готовиться к поражению. Попытки добиться цели — это ловушка; избегай ее. Только так ты обретешь желаемое.

С этими словами они вступили в ее покои. Подтолкнув ее вперед за занавеси, гхола выкрикнул:

— Хара! Хара! У Чани началось! Зови врачей!

Сразу забегали слуги. И в суете этой Чани успела вновь ощутить себя изолированным островком спокойствия… но боль возвратилась.

Оказавшись выставленным наружу, Хейт обдумал собственные поступки — и не мог не удивиться им. Он словно покоился во времени, в той точке его, где любая истина не абсолютна. И паника была причиной всех его поступков, он понимал это. Не потому, что Чани могла умереть, нет, а потому, что Пауль тогда придет к нему, исполненный горя…

Любимая его… ушла… ушла…

Из ничего не получится что-то, напомнил себе гхола. *Откуда же такой страх?*

Ощутив, что его способности ментата вдруг притупились, он испустил долгий прерывистый вздох. Тень легла на его разум. Во мраке, охватившем душу, он чувствовал лишь, что ждет, ждет какого-то абсолютного звука… пугающего треска ветки в джунглях, за спиной…

Вздох сотряс его тело. Опасность на сей раз миновала.

Понемногу приводя в порядок свои силы и постепенно преодолевая ментальные барьеры, он впал в ментат-транс. Хейт вынудил себя к этому, такой способ не лучший, но необходимость заставила. Внутри него призрачными тенями задвигались люди. Он только транслировал всю информацию, с которой знакомился. Существо

его наполнили вероятности. Рядами шествовали они, а мозг сравнивал, оценивал…

На лбу гхолы выступил пот.

Нечеткие мысли как пушинки уплывали во тьму. Незамкнута система. Ментат не мог функционировать, не сознавая, что данные его образуют такую систему. Ограниченному знанию не охватить бесконечный объем. Поэтому разум должен слиться с бесконечностью… на мгновение.

В памяти словно вспыхнуло… перед ним сидел Биджас, озаренный каким-то внутренним огнем.

Биджас!

Почему этот карлик имеет какое-то отношение к нему?

Хейту казалось, что он балансирует на краю бездонной пропасти, просчитывая свои действия вперед, анализируя все последствия.

— Принуждение! — задохнулся он. — Я запрограммирован, чтобы вынудить его…

Посыльный в синей одежде миновал Хейта, помедлил и спросил:

— Вы что-то сказали, господин?

Глядя в сторону, гхола буркнул:

— Я сказал *все.*

Жил-был мудрец, катись, слеза, –

Раз он шагнул на песок,
И пламя выжгло ему глаза
И опалило висок.
Тогда он узнал, что навек ослеп,
Но вовсе не возрыдал.
Просто он будущее прозрел,
Решил – и святым стал.

(Детские стихи из «Истории Муад'Диба»)

Пауль стоял над сиетчем. Пророческое зрение говорило, что сейчас ночь, и лунный свет обрисовывает гробницу на вершине, по левую руку от него. Место было полно воспоминаний, первый его сиетч, тот самый, где они с Чани…

Не надо думать о Чани, одернул он себя.

Открывавшееся ему видение свидетельствовало о переменах вокруг. Вдалеке справа появилась пальмовая роща, серебристо-черная линия арыка пересекала дюны, наметенные сегодняшней бурей.

Вода, текущая посреди Пустыни!

Пауль подумал о водах иного мира, о реке на его родной планете — Каладане. Тогда он даже понять не мог, что подобный поток — сокровище, даже если это просто мутные воды, текущие через

засыпанную песком котловину. Сокровище.

Сзади, осторожно кашлянув, подошел помощник. Пауль не глядя протянул ладонь к увеличительной планшетке с одним листом металлобумаги на ней. Движение это было неспешным, как поток в канале посреди песка. Видение все текло, но Паулю все больше не хотелось двигаться вместе с ним.

— Прошу простить, сир, — проговорил помощник. — Это договор с Симбуле… необходима ваша подпись!

— Я и сам могу прочесть! — отрезал Пауль и черкнул в нужном месте — «Атрейдес, Импер». Потом вложил планшетку прямо в протянутую руку помощника, чем еще более усугубил состояние благоговейного трепета, в котором тот находился.

Помощник буквально бежал.

Пауль отвернулся. *Уродливая Пустыня!* Он представил себе эту землю утопающей в лучах жаркого солнца, раскаленной, покрытой песчаными осыпями, темными пыльными провалами. И смерчики гонят по камням крохотные охристые дюны. Но и богата была эта земля, вытекавшая из узких щелей на необъятные просторы, выметенные бурями, раскинувшиеся между зализанными

ветрами утесами, опрокинутыми хребтами.

И земля эта жаждала воды… и любви.

Жизнь когда-нибудь придаст этим недобрым просторам красоту, наполнит движением. Так говорила сама Пустыня. Контраст между тем, что есть, и тем, что будет, леденил его. Ему хотелось повернуться к помощникам. Крикнуть им — если вам так необходимо чему-то молиться, поклоняйтесь *жизни* — всей, целиком… до последней мельчайшей твари. Все мы связаны воедино этой красою!

Они не поймут. Здесь, в Пустыне, им было не по себе. Тут взгляд их не могла порадовать пляска зеленых ветвей.

Сжав кулаки, он прижимал руки к бокам, пытаясь вырваться из видения. Бежать, бежать бы от собственных дум. Собственный разум, подобно зверю, пришел, чтобы пожрать его. Тяжесть слишком многого знания давила на него…

В отчаянии Пауль обратил свои мысли ввысь.

Звезды!

Воодушевление мгновенно рассеялось, едва он представил себе пространство… безграничный простор над его головой, исполненный звезд. Только безумец способен предположить, что может править хотя бы малой каплей необъятного

космоса. Вот и он сам даже не начал еще осознавать количество подданных в его собственной империи.

Подданных? Нет — врагов и почитателей. Кому из них интересно то, что выходит за пределы узких рамок привычных верований? Разве хоть один человек способен вырваться из тисков собственных предрассудков? Даже он, Император, не справился с этим. Он жил и старался прибрать все к собственным рукам, созидал свою маленькую Вселенную по собственному подобию. Но возмутившийся космос наконец одолел, и Пауль понимал, что гибнет под натиском безмолвных валов.

А плевать мне теперь на Дюну! — думал он. *Вот тебе моя влага!*

Вот и его миф, искусно сотканный им из воображения, лунного света, любви… из молитв, что старше Адама… из серых утесов и пурпурных теней, из стенаний целого моря мучеников… и его миф пришел к своему концу. Когда волны отхлынут, берега Времени останутся пустыми и чистыми, и лишь песчинки воспоминаний будут кое-где поблескивать на них. Неужели вот эта пыль и была золотым творением человечества?

Шорох песка по скале известил его о том, что

гхола присоединился к нему.

— Ты сегодня избегаешь меня, Дункан, — заметил Пауль.

— Вам не следует звать меня так, это опасно, — остерег его гхола.

— Я знаю.

— Я… пришел предупредить вас, милорд.

— Я знаю.

И рассказ о заклятии, которое наложил на него Биджас, сам собой вырвался у гхолы.

— А знаешь ли ты природу заклятия? — спросил Пауль.

— Насилие.

Тогда-то Пауль наконец ощутил, что оказался именно там, куда вел его путь с самого начала. И замер, оцепенев. Некогда джихад охватил его и направил по своему пути, с тех пор ужасная тяжесть грядущего так и не выпустила его.

— Дункан не нападет на меня, — прошептал Пауль.

— Но, сир…

— Скажи, что ты видишь сейчас вокруг нас? — попросил Пауль.

— Мой господин?..

— Пустыня… какая она сегодня?

— Но разве вы не *видите* ее?

— У меня ведь нет глаз, Дункан.

— Но…

— У меня есть только пророческое зрение, — отвечал Пауль, — я отдал бы что угодно, чтобы не иметь его. Я ведь умираю, Дункан; умираю от знания будущего, или ты не понял этого?

— Быть может… страшное не случится, — проговорил гхола.

— Что? Разве я могу усомниться в собственном предсказании? Тысячу раз я видел, как они воплощаются в жизнь. Люди называют дар — моей силой! Кара это! Из-за этого дара я даже не могу уйти из жизни там, где обрел ее!

— Мой господин, — пробормотал гхола. — Я… Это не… молодой хозяин, вы не… я… — он умолк.

Ощущая смятение собеседника, Пауль спросил:

— Как ты назвал меня, Дункан?

— Что? Что? Я… на миг, я…

— Ты назвал меня «молодым хозяином».

— Я… да.

— Так всегда звал меня Дункан. — Пауль протянул руку, прикоснулся к лицу гхолы. — Или и этому тебя научили тлейлаксу?

— Нет.

Пауль опустил руку.

— И что же?

— Это сделал… я сам.

— Ты служишь двоим хозяевам?

— Быть может.

— Освобождайся от гхолы, Дункан.

— Как?

— Ты — человек, так и будь человеком.

— Я гхола.

— Но плоть твоя — человеческая. И Дункан таится в ней.

— Да, в ней кроется *нечто.*

— Я не знаю, как ты сделаешь это, — проговорил Пауль. — Но ты сумеешь.

— Вы предсказываете?..

— К шайтану предсказания!

Пауль отвернулся. Видение неслось вперед, оно уже расползалось дырами, но его нельзя было остановить.

— Мой господин, если вы…

— Тихо! — Пауль поднял руку. — Слышишь?

— Что, милорд?

Пауль покачал головой. Дункан не слыхал. Или ему пригрезился этот звук? Его племенное имя доносилось из Пустыни, откуда-то… издалека:

— Усул!.. Уусуу-уууул!..

— Что это, милорд?

Пауль покачал головой. Он чувствовал обращенные к нему глаза. Там, в ночных тенях знали, что он здесь. Что-то? Нет, кто-то.

— Все это было просто чудесно, — прошептал он. — Но ты была прекраснее всего.

— Что вы сказали, милорд?

— Это еще будет, — пробормотал Пауль.

Бесформенная Вселенная над его головой плясала, повинуясь его пророческому зрению. Он сумел извлечь могучую ноту, долго будут еще отдаваться отзвуки эха!

— Я не понимаю, милорд, — произнес гхола.

— Фримен умирает, если его надолго увезти из Пустыни, — промолвил Пауль. — Они зовут это «водной болезнью». Разве не странно?

— Очень странно.

Напрягая память, Пауль старался припомнить дыхание Чани ночью, рядом с ним. *Разве будет мне утешение?* — думал он. Но сумел вспомнить только раздраженную Чани за завтраком перед самым отлетом в Пустыню. Она нервничала и тревожилась.

— Зачем на тебе опять эта старая куртка? — возмутилась она, заметив на нем под фрименской одеждой черный мундир с красным ястребом. — Ты же Император!

— Даже у Императора может быть любимый костюм, — возразил он.

По непонятной для него причине слова эти вызвали слезы на глазах Чани. Всего второй раз за всю свою жизнь она нарушала фрименский закон.

Теперь во тьме Пауль судорожно стирал со щек непрошеную влагу. *Зачем влага мертвым?* — думал он. Лицо под рукой казалось одновременно и чужим, и знакомым. Ветер холодил влажную кожу. На миг промелькнула надежда, исчезла. Откуда этот комок в груди? Съел, должно быть, что-то не то. Но другая часть его души все горевала, отдавала воду мертвым! Ветер колол песком щеки. Высохшая теперь кожа несомненно принадлежала ему самому. Но чья же была эта дрожь?

И тогда они услышали горестные вопли, доносившиеся издалека, из глубин пещеры. Вопли становились громче… громче…

Гхола резко повернулся: на землю внезапно лег луч света — кто-то широко распахнул уплотняющие завесы на входе. И в свете он увидел человека с застывшей ухмылкой на лице… Нет, не ухмылкой! Лицо искажала гримаса горя! Лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним

валила толпа, и все смолкли, увидев Муад'Диба.

— Чани… — начал Тандис.

— Мертва, — прошептал Пауль. — Я слышал ее зов.

Он обернулся к сиетчу. Пауль знал это место. Здесь ему негде было спрятаться. Рвущееся к концу видение выхватило из тьмы всю толпу. Он видел Тандиса, ощущал горе федайкина, наполнявшие его страх и гнев.

– *Она ушла,* — проговорил Пауль.

Слова эти донеслись до гхолы из ослепительного ореола. Они жгли его грудь, хребет, глазницы под металлическими глазами. Он почувствовал, как правая рука его потянулась на пояс… к ножу. Собственные мысли вдруг показались странными. И разрозненными. Он ощущал себя куклой, и руки, и ноги его дергались, повинуясь веревочкам, протянутым из этого ужасного ореола. Он двигался, повинуясь чужим желаниям, неведомо чьим велениям. Веревочки дергали руки, ноги, челюсть его.

Во рту что-то хрустело. Вновь и вновь повторяясь:

Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. В этот миг он наконец овладел собственным голосом и хрипя выдавил:

— Беги! Беги, молодой хозяин!

— Нет, мы не побежим, — отвечал Пауль. — Мы пойдем с достоинством и выполним все, что надлежит сделать.

Мускулы гхолы были сведены, он задрожал, пошатнулся.

«…что надлежит сделать!» — эти слова возникли в его мозгу, словно всплывшая на поверхность огромная рыба… *«что надлежит сделать!..»* — ах, как напоминали они слова Старого Герцога, деда Пауля. Молодой хозяин кое-что унаследовал от старика… Что надлежит сделать!

Слова начали разворачиваться в сознании гхолы. Он почувствовал, что живет двумя жизнями сразу. Хейт/Айдахо/Хейт/Айдахо… Он словно превратился в стоячую волну относительных существований, единую и единственную. И вдруг воспоминания былого хлынули в его ум. Он впитывал их, по-новому понимая и уже образуя новую сущность. Новая личность забирала власть. Объединение двух сознаний грозило конфликтом, но события вынуждали их к временному согласию. Молодой хозяин нуждается в нем.

Тогда все и свершилось. Он обрел в себе Дункана Айдахо и не забыл все, что знал Хейт. Все

познания гхолы словно улеглись в голове его, озаренные пламенем. Ореол распался, он сбросил заклятье тлейлаксу.

— Будь поближе, Дункан, — проговорил Пауль, — мне придется положиться на тебя во многом. — Но Айдахо застыл, словно в трансе, и Пауль вновь окликнул его:

— Дункан!

— Да, я теперь Дункан.

— Конечно! И ты только что вернулся назад. Пора в сиетч.

Ступая в ногу, Айдахо шел вслед за Паулем. Все как в прежние времена — и вовсе не так. Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что они ему дали. Знания дзенсуннита позволяли ему справиться с потрясением, умение ментата позволяло обрести равновесие. Отбросив все страхи, он поднялся над их причиной. Все сознание его содрогалось: вот он был мертв и ожил.

— Сир, — начал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, — эта женщина, Лихна, утверждает, что ей нужно вас видеть. Я велел ей подождать.

— Спасибо, — проговорил Пауль. — Роды…

— Я говорил с врачами, — сказал Тандис, ступая в ногу, — они сказали, что у вас родилась двойня,

дети живы и здоровы.

— Двойня? — Пауль споткнулся, но устоял, ухватившись за руку Айдахо.

— Мальчик и девочка, — проговорил Тандис. — Я их видел. Хорошие фрименские дети.

— Как… как она умерла? — выдавил Пауль.

— Мой господин? — Тандис наклонился ближе.

— Чани? — спросил Пауль.

— Это роды, милорд, — хрипло проговорил Тандис. — Врачи сказали, что тело ее просто иссушила скорость… Я не понял, что они имели в виду, но так они говорили.

— Отведи меня к ней, — прошептал Пауль.

— Мой господин?

— Отведи меня к ней.

— Мы туда и идем, милорд. — И вновь Тандис наклонился к его уху. — Почему в руках вашего гхолы обнаженный нож?

— Дункан, убери нож, — приказал Пауль. — Время насилия миновало.

Произнеся эти слова, Пауль чувствовал только, что ему принадлежит голос, но не ощущал ни горла, ни губ, ни языка. Двое младенцев? В видении была только девочка. Но все прочее складывалось знакомым путем. И некто чувствовал горе и гнев. Некто. Сознание полонило Таро, жуткая

карточная игра-гадание, и — пророчествуя, он просадил в нее жизнь.

Двое младенцев!

Его вновь пошатнуло. *Чани, Чани,* думал он. *Не было другого пути. Чани, любимая, верь мне, такая смерть была для тебя легче… и добрее. Иначе наши дети стали бы заложниками, а тебя содержали бы в клетке среди рабов и обвиняли в моей смерти. А так… так мы погубим врагов и спасем детей.*

Детей?

И он вновь пошатнулся.

Я допустил это, думал он. *И я должен чувствовать собственную вину.*

Впереди в пещере поднялся шум. Шум усиливался, так было и в видении. Да, та же самая неизбежность, — даже когда детей двое.

Чани умерла, напомнил он себе.

Когда-то в прошлом, которое он еще делил с другими, это будущее ухватило его. И гнало, гнало его вперед в ущелье, и стены его сходились все ближе. И теперь было видно, что они смыкаются впереди. Так было в видении.

Чани мертва. И я должен отдаться горю.

Но в видении было иначе.

— Алию уже вызвали? — спросил он.

— Она с подругами Чани, — отвечал Тандис.

Пауль чувствовал, как раздвигаются, вжимаются в стены перед ним люди, давая пройти. Молчание шествовало впереди него. Шум начинал затихать. Сиетч словно дышал единым чувством. Он хотел бы не видеть этих людей… Но видение показывало ему их лица, на каждом были написаны одни и те же чувства. И лица были исполнены безжалостного любопытства. Да, они скорбели, но за всем проступала жестокость. Им было интересно наблюдать, как становится немым говорящий, а мудрец превращается в глупца. Разве шуты не апеллируют всегда к людской жестокости?

Не караул у гроба и не толпа скорбящих…

Душа Пауля молила о передышке, но видение влекло его дальше. *Осталось недолго,* напомнил он себе. Черная тьма без единого видения ожидала его впереди: место, где видение вытеснялось виной и горем, место, где упала луна.

Он вступил в эту тьму, пошатнулся и упал бы, если бы рука Айдахо, в нерушимой надежности своей разделявшего его горе, не подхватила его.

— Сюда, — сказал Тандис.

— Осторожнее, сир, — произнес Айдахо, помогая перейти через порог. Лица Пауля коснулись

занавеси. Айдахо остановил его. Только теперь Пауль ощутил комнату: высеченное в скале помещение, каменные стены, скрытые гобеленами.

— Где Чани? — прошептал Пауль.

— Здесь, Усул, — отвечал ему голос Хары.

Пауль с дрожью вздохнул. Он боялся, что тело ее уже отнесли в рекламационные, где фримены извлекали из тела воду, принадлежащую племени. Так ли это было в видении? Слепота уже угнетала его.

— Где дети? — спросил Пауль.

— Они тоже здесь, милорд, — ответил Айдахо.

— Просто прекрасные близнецы, Усул, — проговорила Хара, — мальчик и девочка, видишь? Вон они оба в колыбельке.

Двое детей! — не переставал удивляться Пауль. В видении была только дочь. Он оторвался от руки Айдахо, осторожно шагнул вперед на голос Хары, наткнулся на твердую поверхность. Ощупал руками — колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за левую руку.

— Усул? — это была Хара. Она опустила его ладонь в колыбель. Нежный-нежный комочек плоти. Теплый! Ребрышки подымало дыхание.

— Это сын твой, — прошептала Хара. Она передвинула его руку. — А вот — твоя дочь. — Пальцы

ее дрогнули. — Усул, теперь ты взаправду ослеп?

Он знал, о чем она думает: *Слепой должен быть оставлен в Пустыне.* Племена не отягощали себя балластом.

— Отведи меня к Чани, — попросил Пауль, словно не замечая вопроса.

Хара развернула его, направила влево.

Теперь-то наконец Пауль ощутил, что Чани мертва. Он вступил в ту ненавистную ему Вселенную, и собственная плоть ныне мешала ему. Всякий вздох ранил его душу. *Двое детей.* Он подумал, неужели его занесло в тот временной коридор, где пророческое зрение более не вернется к нему?.. Впрочем, это неважно.

— Где мой брат? — послышался за спиной голос Алии. Пауль ощутил, как она рванулась к нему, как забрала его руку из ладони Хары.

— Я должна переговорить с тобой! — прошипела Алия.

— Подожди немножко, — ответил Пауль.

— Ни секунды! Речь идет о Лихне.

— Я знаю, — отвечал Пауль, — погоди минутку.

— У тебя нет минуты!

— У меня их много.

— Но не у Чани!

— Молчи! — приказал Пауль. — Чани умер-

ла, — и он прикрыл рукой рот сестры, чтобы заглушить возражения. — Молчи, приказываю тебе! — почувствовав покорность ее, он отнял руку. — Опиши мне все, что ты сейчас увидишь, — проговорил он.

— Пауль! — разочарование и слезы слышались в ее голосе.

— Не обращай внимания, — проговорил он. И постаравшись насколько возможно обрести внутреннее спокойствие, заставил себя обратиться к пророческому зрению. Да, все так и было. Тело Чани лежало на циновке в круге света. Кто-то расправил на ней белую одежду, пытаясь прикрыть кровь от родов. Теперь все равно… он не мог оторвать своих глаз от лица ее, спокойствием своим отражавшего вечность.

Пауль отвернулся, но Чани оставалась перед его глазами. Она ушла и не вернется вовеки. И все теперь пусто: земля, воздух… вся Вселенная. Такое отмерено ему наказание… Ему хотелось плакать, но слезы не шли. Или он уже слишком долго пробыл фрименом? Смерть Чани требовала от него влаги.

Поблизости пискнул ребенок, на него шикнули. Звук этот опустил пелену тьмы на видение. *Вот она — другая Вселенная,* думал он. *Двое детей.*

Из какого-то позабытого транса выплыла неясная мысль. Он снова попытался вызвать разумом непокорное зрение пророка, но не сумел. Перед внутренним оком его не проплыло и клочка видения. Он понимал, что теперь отвергает будущее… любое.

— Прощай, сихайя моя! — прошептал он.

Откуда-то из-за спины послышался резкий и настойчивый голос Алии.

— Я привела Лихну!

Пауль обернулся.

— Это не Лихна, — ответил он. — Это лицедел. Лихна мертва.

— Так говорит и он сам, — произнесла Алия.

Пауль медленно повернулся на голос сестры.

— Я не удивлен тем, что ты жив, Атрейдес, — голос был похож на голос Лихны, но только похож, словно говорящий пользовался голосовыми связками девушки, не заботясь более о правдоподобности. Пауля даже удивила странная честность, угадывавшаяся в этих словах!

— Не удивлен? — спросил Пауль.

— Я — Скитале, лицедел-тлейлаксу, и хотел бы кое-что выяснить, прежде чем предлагать сделку Атрейдесу. Возле тебя находится гхола или Дункан Айдахо?

— Дункан Айдахо, — отвечал Пауль, — но я ни о чем не стану торговаться с тобой.

— Я думаю, ты ошибаешься, — возразил Скитале.

— Дункан, — бросил Пауль в сторону. — Если я попрошу, ты убьешь этого тлейлаксу?

— Да, милорд, — в голосе Айдахо слышалась едва сдерживаемая ярость берсерка.

— Подожди! — произнесла Алия. — Ты ведь не знаешь, от чего отказываешься.

— Знаю, увы, слишком хорошо знаю, — отвечал Пауль.

— Значит, это и впрямь Дункан Айдахо, — помощник Атрейдесов, — проговорил Скитале. — Итак, мы сумели найти нужную кнопку! Гхола может вспомнить собственное прошлое. — Пауль услышал шаги. Кто-то коснулся его левого рукава. Голос Скитале раздавался чуть сзади: — Что ты помнишь из своего прошлого, Дункан?

– *Всё.* Даже детство. И еще тебя — возле бака, когда меня извлекали оттуда, — отвечал Айдахо.

— Чудесно, — восторженно выдохнул Скитале. — Изумительно!

Голос его перемещался. *Видение бы!* — твердил себе Пауль. Слепота так мешала сейчас. Опыт Бене Гессерит твердил, что сейчас Скитале безум-

но опасен, но Пауль мог только слышать голос, угадывать за спиной тень движения.

— Вот это дети Атрейдесов? — спросил Скитале.

— Хара! — вскричал Пауль. — Не подпускай ее к детям.

— Эй, оставайтесь на местах! — крикнул Скитале. — Все! Предупреждаю. Лицеделы могут разить быстрее, чем вы подозреваете. И нож мой успеет забрать их жизни прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Пауль почувствовал, как кто-то коснулся его правого рукава… скользнул в сторону.

— Алия, — приказал Скитале, — хватит!

— Я виновата, — простонала Алия, — я виновата!

— Ну, Атрейдес, — обратился к нему Скитале, — начнем торг?

Пауль услышал за спиной хриплое ругательство. Горло его на мгновение стиснул невольный страх — так ужасен был голос Айдахо. Только бы он выдержал! Иначе Скитале убьет детей!

— Чтобы заключить сделку, надо иметь, что продать, — начал Скитале. — Не так ли, Атрейдес? Хочешь обнять живую Чани? Мы, тлейлаксу, сделаем ее заново. Это, правда, будет гхола, Атрейдес.

Но она будет помнить *всё!* Но поспешим, пусть твои друзья внесут сюда криогенный бак, чтобы сохранить ее плоть.

Снова слышать голос Чани, подумал Пауль. *Вновь ощутить ее присутствие возле себя. Ах-хх, вот почему они подарили мне гхолу — Айдахо… чтобы я знал, насколько копия может быть похожей на оригинал. А теперь сулят полное восстановление личности… но за свою цену. И я, наверное, останусь орудием в руках тлейлаксу. Вместе с Чани… В вечной тревоге за жизнь детей, снова под угрозой заговора Квизарата…*

— Каким же способом вы вернете Чани память? — спросил Пауль, стараясь сохранять спокойствие в голосе. — Заставив убить одного из ее собственных детей?

— Мы воспользуемся тем способом, который удовлетворит нас, — отвечал Скитале. — Ну, что скажешь в ответ, Атрейдес?

— Алия, — сказал Пауль, — займись переговорами с этой тварью. Я не могу торговаться с тем, кого не вижу.

— Мудрое решение, — торжествовал Скитале. — Ну, Алия, и что же ты предложишь мне от лица своего брата?

Пауль опустил голову, заставляя себя обрести

глубочайшее спокойствие. И вдруг прямо перед глазами он заметил — видение?.. Нет, не совсем. Рядом с ним был нож. *Вот оно!*

— Дай мне немного подумать, — проговорила Алия.

— Мой нож может и потерпеть, — проговорил Скитале, — но не плоть Чани. Постарайся *не слишком* затянуть свои размышления.

Пауль вдруг понял, что моргает. Этого не могло быть… но тем не менее! Он ощущал глаза. И видел… он глядел из какого-то непонятного места… взгляд его дергался из стороны в сторону. *Вот!* Перед глазами появился нож. Потрясенный, не веря себе, Пауль понял. Он видел глазами одного из своих детей! Он видел нож Скитале из колыбели, нож блестел совсем рядом. Да — Пауль видел и себя самого. Он неподвижно стоял, опустив голову, ни для кого не опасный, позабытый всеми в комнате.

— Начнем с того, что вы откажетесь от всей своей доли в КООАМ, — предложил Скитале.

— Всей? — переспросила Алия.

— Всей.

Видя себя самого из колыбели, Пауль потянулся к ножу на поясе. Он ощущал странную двойственность. Тщательно высчитал расстояние, угол.

Другого шанса не будет. И как положено Бене Гессерит, он подготовил все свое тело, словно заводя пружину для единственного движения, вмещавшего все… праджна требовала объединенного действия всех мышц в едином усилии.

Крис вылетел из его руки, сверкнув молочным блеском, и вонзился в правый глаз Скитале, ударил, отбросив голову лицедела назад. Вскинув вверх руки, Скитале отшатнулся к стене, нож его взлетел к потолку, звякнул об пол. Ударившись о стену, Скитале рухнул; смерть наступила прежде, чем тело коснулось пола.

Все еще теми глазами из колыбели Пауль увидел потрясенные лица, обращенные к нему, слепцу. А потом Алия метнулась к колыбели и закрыла от него комнату.

— Ох, они в безопасности, — выдохнула Алия, — все в порядке.

— Мой господин, — прошептал Айдахо. — И вот это тоже было частью вашего видения?

— Нет, — он махнул Айдахо рукой. — Но так лучше.

— Прости меня, Пауль, — проговорила Алия, — но когда эта тварь сказала, что может… оживить…

— Есть цена, которую Атрейдес платить не

может, — отвечал Пауль. — И ты знаешь это.

— Знаю, — вздохнула она. — Но искушение…

— Кто не знал искушений? Вот и я… — горько сказал Пауль.

Он отвернулся ото всех, добрался до стены, припал к ней лицом, пытаясь понять, что он сделал. И, главное, как? Как? *И эти глаза в колыбели!* Он был словно на грани потрясающего откровения.

«Это мои глаза, отец», — затрепетали перед его внутренним взором слова.

— Сын! — отвечал Пауль, тихо, чтобы никто не слышал. — Ты… сознаешь?

«Да, *отец. Погляди!»*

Головокружение заставило Пауля теснее прижаться к стене. Он чувствовал себя вывернутым и опустошенным. И собственная жизнь промелькнула мимо него. Он увидел собственного отца. И стал им. А потом дедом и прадедом — всеми, что жили до него. Сознание его мчалось от пращура к пращуру — по безумному коридору жизней всех его предков по мужской линии.

— Как? — безмолвно спросил он.

Неясно проступили слова и растаяли, словно им трудно было удержаться в сознании. Пауль вытер уголок рта. Он вспомнил, как пробудилось сознание Алии в чреве леди Джессики. Но

сейчас… ведь не было воды жизни, не было меланжи… или была, но он не знал об этом? Может быть, Чани и была так голодна из-за этого? Или, быть может, просто такова наследственность его рода, предвиденная Преподобной Гайей-Еленой Мохийам, результат генетической программы Бене Гессерит?

И Пауль чувствовал, что лежит в колыбели, а Алия воркует над ним. Руки ее утешали. Огромное лицо глядело прямо на него. Алия повернула ребенка, и он увидел свою соседку… худенькую малышку, исполненную той силы, которая передается обитателями Пустыни по наследству. Эта головка в густых темно-рыжих кудрях! Она открыла глаза перед его взором. Эти глаза! Из них глядела Чани… леди Джессика. И не только они… множество жизней…

— Погляди-ка, — сказала Алия. — Они глядят друг на друга.

— Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, — отвечала Хара.

— Ну, я-то ведь могла, — возразила Алия.

Пауль медленно высвобождался из этой бесконечной цепи сознаний. И вновь оказался у своей Стены плача. Айдахо осторожно тронул его за плечо.

— Мой господин?

— Пусть сын мой в честь деда зовется Лето, — произнес Пауль, выпрямляясь.

— Во время именования, — проговорила Хара, — я стану возле тебя как подруга матери и назову это имя.

— А моя дочь, — продолжал Пауль, — пусть зовется Ганима.

— Усул! — запротестовала Хара. — Гханима… это имя принесет неудачу.

— Оно спасло тебе жизнь, — напомнил Пауль. — Да, моя сестра дразнила тебя, ну и что? Пусть моя дочь зовется Ганимой, добычей битвы.

Пауль услышал, как позади скрипнули колеса: это на каталке повезли тело Чани. Медленно начался речитатив водного обряда.

— Халь Йаум! — воскликнула Хара. — Я должна уйти, ведь мне надлежит удостовериться в священной истине и стоять возле подруги, уходящей в последний путь. Вода ее принадлежит племени.

— Вода ее принадлежит племени, — пробормотал Пауль. Он слышал, как удаляются шаги Хары. Потянувшись, он тронул руку Айдахо. — Дункан, отведи меня в мои апартаменты.

Оказавшись там, он мягко высвободился. Наста-

ло время побыть одному. Но не успел Айдахо выйти, как возле двери послышалась какая-то возня.

— Господин! — закричал от двери Биджас.

— Дункан, — велел Пауль. — Пусть он сделает два шага вперед. Если сделает третий — убей его.

— Слушаюсь, — отвечал Айдахо.

— Значит, это Дункан? — спросил Биджас. — Настоящий Дункан Айдахо?

— Да, — согласился Айдахо. — Я все вспомнил.

— Значит, план Скитале удался?

— Скитале умер, — отвечал Пауль.

— Но я жив и план вместе со мной, — возразил Биджас. — Клянусь баком, в котором я вырос! Это возможно! И теперь я сам узнаю свое прошлое — все свои прошлые жизни. Нужен лишь спусковой крючок.

— Крючок? — спросил Пауль.

— Принуждение, — полным ярости голосом проговорил Айдахо. — Они заставляли меня убить тебя. Расчет ментата: они поняли, что ты прежде был для меня сыном, которого у меня никогда не было. И Дункан не мог убить вас и, чтобы не допустить этого, взял контроль над телом гхолы. Но план мог и сорваться. Скажи мне, карлик, если бы план не удался… что бы вы

сделали, если бы я убил его?

— О, мы предложили бы сделку сестре… Но нынешний вариант лучше.

Пауль прерывисто вздохнул. Он слышал, как плакальщицы спускались в глубины… к нижним залам, где вода мертвых возвращалась племени.

— Еще не поздно, милорд, — настаивал Биджас. — И вы получите назад свою любимую. Мы восстановим ее. Конечно, в виде гхолы. Но на этот раз мы предлагаем полную реставрацию. Не послать ли слуг с криогенным баком за телом вашей возлюбленной?

Теперь ему было гораздо труднее. Пауль уже истратил столько сил в борьбе с первым искушением тлейлаксу. И словно впустую! Снова ощутить рядом с собой Чани…

— Останови его! — приказал он Айдахо на боевом языке Атрейдесов. Он слышал, как Айдахо шагнул к двери.

— Господин! — взвизгнул карлик.

— Если ты любишь меня, — продолжал Пауль на боевом языке, — заклинаю тебя, убей его прежде, чем я соглашусь…

— Нееееее… — завопил Биджас.

Голос его захлебнулся в ужасном бульканье.

— Вот я и сделал *одно доброе дело*, — пробор-

мотал Айдахо.

Пауль наклонил голову, прислушался. Плакальщиц не было слышно. Он представил себе древний фрименский обряд, свершаемый ныне в глубинах сиетча… там, в траурном зале, племя возвращало себе свою воду.

— Не было выбора, не было… — проговорил Пауль. — Ты понимаешь, Дункан?

— Понимаю.

— Есть такие вещи, которых не выдержать никому из людей. Слишком долго я плутал в лабиринтах вариантов грядущего, мне казалось, я его создаю, а это оно создавало меня.

— Мой господин, не надо…

— В этой Вселенной не всякая задача имеет ответ, — горько сказал Пауль. — И ничего нельзя сделать. Абсолютно ничего.

Говоря это, Пауль ощутил, как разрывается его связь с видением. Его разум словно пытался сжаться, съежиться, укрываясь от бесчисленных вероятностей. Утраченное пророческое зрение превратилось в ветер, дующий над бесконечным простором.

* * *

Мы говорим, что Муад'Диб удалился в края, где человек не оставляет следов на песке.

(Предисловие к Катехизису Квизарата)

Канава с водой служила границей посадок, принадлежащих сиетчу. За ней подымался скальный уступ, а потом под ногами Айдахо оказалась Пустыня. В ночном небе высились скалы, среди которых укрывался сиетч Табр. Очертания их инеем серебрились в свете обеих лун. Сад спускался к самой воде.

Айдахо остановился на краю Пустыни, поглядел на цветущие ветви, повисшие над тихой водой, на четыре луны: две в воде, две над нею. Дистикомб скользил по коже, запах влажного кремня достигал ноздрей, несмотря на все фильтры. Ветер зловеще шелестел ветвями сада. Айдахо вслушивался в ночь. У края воды в траве шуршали кенгуровые мыши, коршуновая сова промелькнула и исчезла в тени утесов, ветер донес из открытой Пустыни шипящий шорох осыпающегося песка.

Айдахо повернулся на шум.

На озаренных луною дюнах ничто не шевелилось.

Сюда Пауля отвел Тандис. А потом вернулся, чтобы доложить обо всем. Как положено фримену, Пауль ушел в Пустыню.

— Он был слеп… по-настоящему слеп, — словно бы оправдываясь, говорил Тандис. — До того он обладал внутренним зрением, он говорил, что видит… но…

И пожал плечами. Слепых фременов оставляют в Пустыне. Пусть Муад'Диб — Император, но он же и фримен. Разве не он завещал, чтобы фримены охраняли и воспитывали его детей? Как и подобает истинному фримену.

Айдахо видел перед собою кости Пустыни, посеребренные лунным светом ребра скал выступали из песка, за ними начинались дюны.

Нельзя было оставлять его ни на минуту, сожалел Айдахо. *Я ведь понимал, что он замыслил.*

— Он сказал мне, что будущее не нуждается теперь в его физическом присутствии, — возражал Тандис. — Вступив на пески, он крикнул: «Теперь я свободен!»

Шайтан бы их побрал! — думал Айдахо.

Фримены отказались посылать спасателей. И топтеры. Это противоречило бы всем древним обычаям.

— К Муад'Дибу придет червь, — пояснили они.

И завели напев об ушедших в Пустыню, о тех, чья вода шла к Шаи-Хулуду:

— Матерь песка, отец Времен, Жизни начало — пусть он придет, пусть явится и пройдет путем своим…

Усевшись на плоский камень, Айдахо глядел в Пустыню. Ночь схоронила следы, нельзя было понять, куда ушел Пауль.

«Теперь я свободен».

Айдахо громко проговорил эти слова, удивленный звуками своего голоса. На миг он отвлекся, вспомнив, как на Каладане взял Пауля с собой на приморский базар, тот был еще совсем мал. Ослепительно сверкало солнце, лучи его отражала вода, повсюду грудами были навалены на продажу дары моря. Айдахо вспомнил Гурни Халлека, треньканье балисета… радость и смех. Стихи увлекли его, словно раба, напомнили о былом счастье.

Гурни Халлек. Гурни винил бы в этой трагедии его.

Музыка в памяти стихла.

Он вновь вспомнил слова Пауля: *есть во Вселенной и такие загадки, что не имеют ответа.*

Как умрет Пауль в этой Пустыне? — размышлял Айдахо. *Погибнет ли он быстро, убитый*

червем? Или его медленно убьет солнце? Там, в сиетче, некоторые из фрименов начали поговаривать, что Муад'Диб никогда не умрет, что он уже вступил в тот мир Рух, где одновременно существовали все возможные варианты грядущего, и что отныне он будет пребывать в Алам аль-Митхаль, вечно странствовать там и после прекращения существования плоти…

Он умрет, а я ничем не могу предотвратить этого, думал Айдахо.

Дункан уже начинал усматривать в подобной смерти изысканность: умереть, не оставив следа… *ничего* вообще… так, что вся планета станет ему надгробием.

Ментат, разреши собственные загадки, подумал он.

Вдруг припомнились слова — ритуальные фразы лейтенанта федайкинов, расставлявшего караул возле колыбели детей Муад'Диба.

— Да будет караульный офицер помнить долг…

Напыщенное пустословие возмущало его. Власть совратила фрименов, как она совращала любого. В Пустыне умирал человек, великий человек, но речи продолжались… продолжались.

Что случилось, думал он, *кто сокрыл ясный*

смысл покровом всей этой чепухи? Должно быть, в тех забытых краях, где создавалась империя, его завалили камнями, засыпали песком, чтобы не откопали случайно. Ум его по привычке ментата жаждал решений. Там блистали познания… Словно волосы Лорелеи… так, должно быть, светились они, завлекая зачарованного морехода в изумрудные пещеры.

Вздрогнув, Айдахо очнулся от неподвижной задумчивости.

Ну вот! думал он. *Чтобы не видеть собственной неудачи, прячусь в себя.*

Мгновение несостоявшегося погружения задержалось в его памяти. Анализируя, Дункан ощущал, что жизнь его становится больше самой Вселенной. Пусть истинная плоть его оставалась в изумрудной пещере конечного бытия, но бесконечное все же посетило ее.

Айдахо встал. Он чувствовал, что Пустыня очистила его душу. Ветер поднимал песок, шуршал им по листьям сада. В ночном воздухе запахло сухой и колючей пылью. Полы его плаща хлопали в такт внезапным порывам ветра.

Где-то там, на просторах Пустыни бушевала мать-буря, вздымая шипящие вихри пыли… исполинский песчаный червь обретал силу, спо-

собную отделить плоть от костей.

И он соединится с Пустыней, думал Айдахо. *Пустыня наполнит его.*

Эта дзенсуннитская мысль прохладной водой омыла его разум. Он знал — Пауль не остановится на пути. Атрейдес не может полностью покориться судьбе, даже представляя ее неизбежность во всей полноте.

И в пророческом порыве Айдахо подумал, что люди грядущего будут говорить о жизни Пауля, как о воде. Пусть вся жизнь его утопала в пыли — вода всюду будет сопутствовать памяти о нем. *Плоть его потонула,* скажут они, *но сам он уплыл.*

За спиною Айдахо кто-то кашлянул.

Айдахо повернулся, увидел Стилгара на мостике через арык.

— Его никогда не найдут, — проговорил Стилгар, — но потом — разыщет каждый.

— Пустыня забирает его, делает из него бога, — отвечал Айдахо. — И все же он был здесь чужаком. Он принес на эту планету чуждую ей воду.

— У Пустыни свои законы, — возразил Стилгар. — Мы приветствовали его, назвали своим Махди, своим Муад'Дибом, дали ему тайное имя — Основа Столпа, Усул.

— И все же он не был рожден фрименом.

— Это ничего не меняет, он стал нашим — и стал окончательно. — Стилгар положил руку на плечо Айдахо. — Все мы, люди, чужаки в этом мире. Так, старый друг?

— Ты у нас мудрец, Стил, а? Глубокая мысль…

— По мне — достаточно глубокая. В своих скитаниях мы загадили всю Вселенную. Муад'Диб дал нам хоть что-то чистое. Люди запомнят джихад его уже хотя бы за это.

— Он не сдастся Пустыне, — уверенно проговорил Айдахо. — Да, не сдастся, пусть он и слеп. Он человек чести и принципа. Таким его воспитывали Атрейдесы.

— И вода его выльется на песок, — проговорил Стилгар. — Идем, — он мягко потянул за собой Айдахо. — Алия вернулась и спрашивает тебя.

— Она была с тобой в сиетче Макаб?

— Да, — помогала кнутом сгонять в караван размякших наибов. Теперь они повинуются ее приказам… как и я сам.

— Каким приказам?

— Она распорядилась казнить предателей.

Превозмогая головокружение, Айдахо поднял глаза на утес.

— Каких предателей?

— Гильдиера, Преподобную Мать Мохийам, Корбу… еще кое-кого.

— И ты убил Преподобную Мать?

— Да. Муад'Диб распорядился, чтобы этого не делали, — он пожал плечами, — но я ослушался его, и Алия знала, что я так и поступлю.

Айдахо вновь поглядел в Пустыню, ощущая себя целостной личностью, способной разглядеть все, что создано Паулем. *Стратегия суждений,* — так называлось это в учебниках Атрейдесов. *Народ подчиняется правительству, но и покорные массы влияют на властелина.* Интересно, подумал он, представляли ли эти самые массы хоть в малой мере, что творилось их руками?

— Алия… — проговорил Стилгар, снова откашливаясь, — ей нужны твои утешения.

— Значит, она и есть правительство, — пробормотал Айдахо.

— Регент, не более того.

— «Фортуна проходит повсюду» — так говорил ее отец, — пробормотал Айдахо.

— Все мы вступаем в сделку с завтрашним днем, — молвил Стилгар. — Ты идешь? Ты нужен там, — в голосе его слышалась неловкость. — Она… расстроена. То ругает брата, то плачет.

— Я скоро приду, — пообещал Айдахо. Он слу-

шал, как удалялись шаги Стилгара. Потом встал, обратил лицо к ветру, и песчинки забарабанили по дистикомбу.

Сознание ментата проектировало последствия в будущее. Возможности ошеломляли его. Пауль сумел создать вихрь, обладавший такой силой, что преградить ему путь не мог никто.

Бене Тлейлаксу и Гильдия своим участием в заговоре скомпрометировали себя. Квизарат потрясен предательством Корбы и других высших сановников. А последний поступок Пауля, предельная покорность его обычаям Вольного Народа обеспечила верность фрименов и ему самому, и его Дому. И он стал навечно одним из них.

— Пауль ушел! — сдавленным голосом проговорила Алия. Почти неслышно она подобралась к тому месту, где стоял Айдахо. — Дункан, каким же дураком он был!

— Не говори так! — резко ответил он.

— Это же говорит вся вселенная, — возразила она.

— С чего бы, во имя любви небесной?

— Не небесной, а из любви к моему брату.

Проницательность дзенсуннита ограничивало его восприятие. Он чувствовал, что после смерти

Чани Алию не посещали видения.

— Странная эта любовь, — проговорил он.

— Любовь? Дункан, ему надо было только шагнуть в сторону! И пусть вся вселенная рушится за его спиной. Он был бы жив… а вместе с ним Чани!

— Тогда… почему он не пошел на это?

— Ради любви небесной, — прошептала она. И уже громче добавила: — Пауль всю свою жизнь старался избежать джихада и обожествления. Теперь он хотя бы вырвался из всего этого. Он выбрал такой путь.

— Ах да… он все знал, — Айдахо в удивлении качал головой. — Даже про смерть Чани. Его луна упала.

— Теперь видишь, Дункан, каким он был дураком.

Горе вновь стиснуло горло Айдахо.

— Какой глупец! — задыхалась Алия, теряя самообладание. — И он будет жить, а мы все умрем.

— Алия, не надо…

— Это горе, — проговорила она, — всего только горе. А знаешь, что еще я должна сделать ради него? Я должна спасти жизнь принцессы Ирулан. *Этой!..* Слышал бы ты, как она горюет! Рыдает,

отдает воду мертвому; клянется, что любила его и не знала этого. Во всем винит Сестер и клянется, что всю свою жизнь посвятит воспитанию детей Пауля.

— Ты веришь ей?

— От нее просто разит добродетелью…

— Ах-х, — пробормотал Айдахо. Итоговая картина разворачивалась перед ним, как полотно: отступничество принцессы лишало Орден последнего оружия против наследников Пауля.

Алия зарыдала, приникла к нему, спрятав лицо на груди.

— О, Дункан! Нет его, нет!..

Айдахо прикоснулся губами к ее волосам.

— Ну, пожалуйста, — прошептал он. Их горе было подобно двум сливающимся ручейкам.

— Ты мне нужен, Дункан, — рыдала она. — Люби меня.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Подняв голову вверх, она взглянула в посеребренное луной лицо.

— Я знаю. Любовь всегда узнает любовь.

От этих ее слов он содрогнулся, словно отстраняясь от прежнего себя. Шел сюда за одним, а обрел другое. Словно бы попал в комнату, полную знакомых, чтобы понять с опозданием, что не

знает никого из них.

Отодвинувшись, она взяла его за руку.

— Пойдем, Дункан.

— Куда прикажешь, — отвечал он.

И она повела его через арык, во тьму, к подножию скалы и убежищу в ней.

Эпилог

И не вернется народу его вода,
В горьком запахе погребальных залов
Не преклоняй колен и не молись,
Тебе не освободить ума от корысти;
А он был святым дураком,
Золотой скиталец, вечно живущий
На грани рассудка.
Захоти – и он предстанет перед тобой.
Багрец покоя и царственная белизна
Спустились в мир наш волею его.
И вот – спокойный взгляд, а там
Грядет, из сверкающих звездных джунглей,
Таинственный пророк, слепой и грозный,

Орудие пророческих сил,

Чей голос звучит вечно!

И Шаи-Хулуд, он ждет его, он ждет

На том берегу, где разлученных соединяет вечность

В возвышенном томлении любви.

И он шагает сквозь бесконечный лабиринт Времени.

И осыпается дурацкое обличье его видений.

Гимн гхолы